НОВЫЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ГРАФИНЯ ДЕ СЕГЮР
(С. Ф. РОСТОПЧИНА)

НОВЫЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Санкт-Петербург
ЭКСЛИБРИС
1992

ГРАФИНЯ ДЕ СЕГЮР
(С. Ф. РОСТОПЧИНА)

НОВЫЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

84.4Фр.
С28

Перевод с французского
Ю. Н. ИЛЬИНА

Редактор
Ю. П. САВЕЛЬЕВА

Иллюстрации и оформление
К. Ю. ШВЕЦА

© Санкт-Петербургский комитет Союза литераторов России, ЭТС «Экслибрис», 1992
© К. Ю. Швец, оформление, 1992
© Ю. Н. Ильин, перевод, 1992

ISBN 5-85490-057-2

Графиня де Сегюр и ее «Новые волшебные сказки»

Писательская судьба графини де Сегюр (Софьи Федоровны Ростопчиной) сложилась довольно странно: будучи уже автором доброго десятка книг, она даже не пыталась печататься; будучи русской, она писала во Франции и по-французски. На родине, в России она почти не переводилась — там ее знали и любили, читая прямо по-французски: для многих русских детей конца прошлого — начала нынешнего века французский язык не был проблемой. Сейчас книги де Сегюр

хорошо помнят разве что очень пожилые дамы, успевшие перед революцией окончить бестужевские курсы или один из благородных пансионов, а более молодые поколения не имеют о ней никакого понятия. Между тем у де Сегюр — более двух десятков книжек, ее французский язык до сих пор ставится в пример детским писателям Франции, а в Париже ее бюст с 1908 года украшает одну из аллей знаменитого Люксембургского сада, вместе с бюстами других славных литераторов Франции.

Да, у нас ее почти не знают: октябрьская революция и то, что было потом, заставило позабыть не только о бабушке Сегюр. Но позже вспомнила ее и помянула добром Марина Цветаева в пору нелегкого парижского житья, и в 1976 году мы смогли прочесть в ее «Повести о Сонечке»:

«Графиня де Сегюр — большая писательница, имевшая глупость вообразить себя бабушкой и писать только для детей. Прошу обратить внимание на ее сказки «Nouveax contes de fées» («Розовая библиотека») — лучшее и наименее известное из всего ею написанного — сказки совершенно исключительные, потому что совершенно единоличные. Сказки, которым я верна уже четвертый десяток, сказки, которые я уже здесь, в Париже, четырежды дарила и трижды сохранила, ибо увидеть их в витрине для меня — неизбежно купить».

Но прежде чем говорить об этих сказках, бросим беглый взгляд на биографию графини де Сегюр.

Софья Федоровна Ростопчина родилась в Санкт-Петербурге в 1799 году. Позже семья перебирается в Москву, а отец, граф Федор Васильевич Ростопчин, в пору наполеоновского вторжения оказывается губернатором Москвы; потом долго ходили слухи, что Москва была сожжена именно по его приказу, хотя сам Ростопчин этого никогда не признавал.

В двадцатилетнем возрасте Софья Федоровна принимает предложение французского дипломата де

Сегюра, который увозит молодую жену во Францию. Федор Васильевич покупает для своей любимой дочки Софолетты небольшое имение Нуэт в Нормандии, и там, в старинном замке, она вкушает тихие радости счастливого супружества и материнства. Множится семья, у Софолетты уже четверо сыновей и столько же дочерей. Их воспитанию она посвящает без остатка и свое время, и свои многочисленные таланты, она им не просто мать, но и сестра, и озорной товарищ по играм. И вот для них-то — нимало не думая о славе или известности — она пишет сначала милые домашние пьески, потом назидательные диалоги, потом — повести и сказки.

Не все в ее жизни складывалось так уж счастливо — целых тринадцать лет она проводит в постели, сломленная тяжелым недугом,— но у этой постели неизменно собираются и дети, и взрослые. Там интересно: больная мама рассказывает детям — а потом уже и внукам! — свои нескончаемые истории. Позже, записанные ею самой или ее домашними, эти истории становятся книжками — с тиражом в один экземпляр. И только в 1856 году, по совету известного писателя Эжена Сю, автора нашумевших авантюрных романов, таких как «Агасфер», и «Тайны Парижа», бабушка Софолетта отваживается показать свои сочинения издателям. Ее книги выходят первым пробным тиражом, тут же раскупаются, переиздаются вновь и вновь. Их переводят в Англии и Германии, Италии и Америке.

Что же это были за книжки? Достаточно вдуматься хотя бы в их названия: «Каникулы в деревне», «Мемуары ослика», «Добрые дети»... «Горбатый Франсуа», «Жан, который ворчал, и Жан, который смеялся», «Два бездельника»...

Тут и знаменитые «Сонины проказы», и «Комедии и пословицы», и «После дождика — ясная погода». Тут и повесть о потешном генерале Дуракине, запоем читаемая маленькими французами, но запрещен-

ная — даже по-французски! — в России: еще бы, тут одна фамилия чего стоит!

Софья Федоровна берет свои темы прямо из жизни: вся ребячья проблематика перед нею — в детской, на лужайке перед замком, в лесу, в полях, в ближайшей деревушке... Тем хоть отбавляй — достаточно лишь взглянуть на людей, животных, вещи, игры пытливыми, все преображающими глазами ребенка,— а уж это Софья Федоровна умеет.

Ее героями становятся всевозможные бедняги и бедняки — при этом они добры, а их помыслы чисты... Не будем строги, для формирования ребячьего мировоззрения это важное открытие: ведь именно в ту пору наш А. Островский пишет пьесу с полемическим названием «Бедность не порок».

Радости, которые ведомы героям книжек Ростопчиной, естественны и просты; случаются с ними и беды — очень серьезные (а разве бывает в детстве иначе?), но всегда поправимые.

Что же проповедует писательница? Да ничего мудреного! Надо трудиться, надо учиться, надо побольше требовать от себя и поменьше от других, надо верить в людей и в жизнь, надо «возделывать свой сад».

И еще — надо верить в свое предназначение, в своего ангела-хранителя, надо верить в Бога, считает де Сегюр. Среди ее книжек мы находим обработку «Деяний апостолов» и «Бабушкино Евангелие».

Ах, как они уязвимы для критики, эти простенькие писания Софьи Федоровны Ростопчиной! Как легко упрекнуть их в добродетельной дидактичности, в сентиментальности, в наивности моральных установок! Но сдержим критический пыл, и попробуем, в наше трудное время, когда состояние морали оставляет желать лучшего, почерпнуть из негромкого ручейка ростопчинских повествований несколько живительных глотков. Она говорит о простом, но

вечном, обязательном, необходимом как воздух, а это не может быть скучным.

Итак, в книге «Новых волшебных сказок» пять сказочных историй. Сюжеты их вроде бы нам уже знакомы. Злоключения Блондины, оказавшейся в гостях в заколдованном замке, и в конце концов выходящей замуж за прекрасного принца, нам явно что-то напоминают. О малыше Анри, совершающем ради спасения больной матери подвиги, за которыми следует заслуженная награда, мы тоже где-то читали. «История принцессы Розетты» — это еще один вариант сказки о Золушке. «Серая Мышь» тоже не отличается особой оригинальностью сюжета, а в «Медвежонке» явно использованы мотивы «Спящей красавицы» Перро и «Аленького цветочка» Аксакова.

Так что же, сказки графини де Сегюр — это перепевы уже известных нам классических сказок?

Не будем спешить, сходство здесь, конечно же, есть, но оно внешнее. Ростопчина пишет в духе классических прототипов, заимствуя у них отдельные элементы, но при этом умеет вложить в свои истории и достаточно самобытного, авторского. Если сами элементы ее сюжетов и традиционны, то комбинации, которые она набирает из этих элементов, как правило, оказываются уже вполне оригинальными. И именно «Медвежонок» в этом смысле особенно показателен.

Сказки Сегюр хочется назвать героико-нравоучительными. Их персонажи, разумеется, являются подчеркнуто поляризованными, они представляют собой либо чистое (как правило, несмышленое) Добро, либо чистое и воинствующее Зло. Злые стремятся погубить добрых, добрые, стремясь к счастью, одолевают козни и непременно побеждают. При этом содержанием этой борьбы становится не только победа над врагом, но и победа над собственными слабостями, мужание, становление личности, умение терпеть, умение «бороться и искать, найти и не сдаваться». Именно наличие

этого морального подтекста придает сказкам Сегюр нотки чего-то общечеловеческого, всевременного, не могущего устареть даже в век космоса и электроники. Более того, это как раз то самое хорошо забытое старое, которому уже самое время опять стать новым.

В сказках Сегюр есть «привкус тайны», этот вечный двигатель сказок. Читателю — а особенно читателю с душой ребенка — понятно, что все кончится хорошо, но интерес от этого не уменьшается, хочется знать, каким же образом придут герои к победе.

Там есть культ идеальных чувств — любви и верности, честности, доверия к ближнему, долга и благодарности. Там есть и дидактика — но это скорее животворящая дидактика Евангелия, чем дидактика недавних, но уже мертвых догм.

Там есть неколебимая уверенность, что люди не брошены на произвол судьбы, что каждому из нас покровительствуют некие высшие силы, прислушиваться к которым наша человеческая обязанность. Как бы мы не предпочли назвать эти силы — Феями и Добрыми Волшебниками, или ангелами-хранителями, или просто чувством своей судьбы и своего человеческого предназначения, или верой в свою звезду, суть дела от этого не изменится.

И наконец — в этих сказках есть вкус, чувство меры и добрая ирония.

Юрий ИЛЬИН

Всем славным детям, всем славным зверям, а также самым упорным из своих студентов посвящает переводчик этот скромный труд.

ИСТОРИЯ О ДЕВОЧКЕ БЛОНДИНЕ, О БЕЛОЙ ЛАНИ И КОТЕ-МУРЛЫКЕ

I

Блондина

Жил однажды на свете король по имени Бенин. Честные люди его любили, потому что он был добр, а злодеи боялись, потому что он был еще и справедлив. Его жена, королева Дусетта, была такой же доброй, как и он. Подрастала у них и дочка принцесса, которую назвали Блондиной, потому что у нее были длинные и густые светлые волосы. Она тоже была доброй и обаятельной, подобно своему папе-королю и маме-королеве. К несчастью, королева умерла всего через несколько месяцев после рождения Блондины. Король долго и безутешно плакал. Ну, а Блондина в это время была чересчур мала и не понимала, что у нее больше нет мамы. Поэтому она не плакала, а наоборот, улыбалась и сосала из бутылочки молоко, после чего мирно засыпала. Король нежно любил свою Блондину, и Блондина тоже любила отца больше всего на свете. Король раздобывал для нее самые красивые игрушки, самые вкусные конфеты, самые ароматные яблоки, и Блондина росла вполне счастливой девочкой.

Как-то раз королю Бенину доложили, что все подданные до одного просят его еще раз жениться, чтобы родился у него сын, который мог бы управлять королевством после него. Сначала король и слышать об этом не хотел, но потом уступил желанию и просьбам своего народа и сказал министру приятного времяпрепровождения Лежеру:

— Мой добрый друг, люди хотят, чтобы я снова женился. Но я до сих пор печалюсь по ушедшей от нас королеве Дусетте и поэтому не в силах сам найти себе невесту. Возьмите этот труд на себя, подыщите принцессу, способную стать любящей матерью для моей Блондины, а мне самому большего и не надо. Ступайте же, мой добрый Лежер, и когда найдете такую девушку, скажите, что я прошу ее руки, и ведите ко мне.

Лежер тут же полетел исполнять приказание. Он побывал у всех окрестных королей и перебеседовал со всеми их дочерьми. Но принцессы ему попадались все какие-то страшненькие, горбатые да злые. Наконец, попал он ко двору короля Турбулента. У него дочка была что надо: красивая да смышленая, приятная с виду, да и добрая. По крайней мере, так казалось. Лежер ее нашел столь очаровательной, что тут же по всей форме попросил ее руки для короля Бенина, поленившись навести точные справки насчет доброты девушки. Турбулент, в восторге от мысли, что может сплавить с рук дочь, на самом-то деле имевшую нрав злой, завистливый и заносчивый, и впридачу мешавшую отцу путешествовать, охотиться и развлекаться, мигом вручил ее Лежеру с наказом, чтобы он немедленно вез принцессу к своему суверену.*

Лежер двинулся в путь с принцессой Фурбеттой и четырьмя тысячами мулов, нагруженных туалетами и безделушками принцессы.

Они прибыли ко двору короля Бенина, которого специальный курьер предупредил об их приближении. Король вышел встретить принцессу. Он нашел, что она очаровательна, но сразу заметил, что у бедной его Дусетты вид был куда более добрый и кроткий. А когда Фурбетта увидела Блондину, глаза у нее сделались

* Суверен — верховный властитель.

такими злыми, что Блондина, которой было уже три года, перепугалась насмерть и залилась слезами.

— Что это с нею? — удивился король.— Почему это моя добрая и послушная Блондина ревет, словно глупая девчонка?

— Папочка, милый папочка,— закричала Блондина и уткнулась лицом в ладони короля,— не отдавайте меня этой принцессе, я боюсь ее, она злая!

Король удивился еще больше и внимательно посмотрел на принцессу Фурбетту, а та постаралась проворно изменить выражение лица, чтобы король не заметил того ужасного взгляда, который так напугал Блондину. Так и вышло, но Бенин все-таки распорядился, чтобы Блондина жила совершенно отдельно от новой королевы, и чтобы ее обихаживали только кормилица да няня, которые ее вырастили и нежно любили. Поэтому королева видела Блондину очень редко, но когда ненароком встречала, то не в силах была скрыть своей ненависти.

По прошествии года у Фурбетты родилась дочь, которую нарекли Брунеттой, потому что у нее волосы оказались черными, как уголь. Брунетта была красива, но далеко не так, как Блондина. Кроме того, она была злой, в мамашу, точно так же ненавидела Блондину и делала ей всевозможные мелкие гадости: кусала ее и щипала, исподтишка дергала за волосы, ломала игрушки и пачкала ее самые красивые платья. Блондина, добрая душа, никогда не сердилась и постоянно старалась выгородить Брунетту.

— Ах, папа,— говорила она королю,— не браните ее, она такая еще маленькая, она не понимает, что огорчает меня, ломая мои игрушки... Она дергает меня за волосы, но ведь это просто для забавы...

И далее в таком роде.

Король Бенин трепал свою Блондину по голове и помалкивал, но при этом он хорошо понимал, что Брунетта устраивала свои штучки оттого, что была злой, и что Блондина ее прощала по доброте души. Поэтому с каждым днем он Блондину любил все больше, а Брунетту — все меньше.

Королева Фурбетта, которая была достаточно умна, все это прекрасно видела. Тем не менее она все больше и больше ненавидела ни в чем не повинную Блондину, и если бы только не боялась гнева короля Бенина, то сделала бы Блондину самым несчастным ребенком на свете. Однако король запретил, чтобы Блондина оставалась с королевой наедине. А поскольку все знали, что он был настолько же строг, насколько и добр, и сурово наказывал за неповиновение, то даже сама королева не осмеливалась его ослушаться.

II

Блондина потерялась

Блондине было уже семь лет, а Брунетте — три. Король подарил Блондине красивую маленькую коляску, запряженную двумя страусами, которыми управлял десятилетний паж, племянник Блондининой кормилицы. Пажа звали Гурман-Дине, и он горячо любил Блондину, с которой играл, когда был маленьким, и которая успела сделать ему массу хорошего. Но был у него один ужасный недостаток: он был так прожорлив и так любил лакомства, что за кулек вкусных конфет пошел бы на любой скверный поступок. Блондина частенько ему внушала:

— Я тебя, Гурман-Дине, люблю, но мне не нравится, что ты такой обжора. Умоляю тебя, избавься от этого низкого порока, ведь от него все окружающие приходят в ужас.

Гурман-Дине целовал ей руки и обещал исправиться, но продолжал при этом красть с королевской кухни пирожки, из тронного зала — шоколадки, и нередко его пороли за непослушание и обжорство.

Королева Фурбетта довольно скоро проведала о наказаниях, которым подвергали Гурман-Дине, и поняла, что можно воспользоваться постыдной слабостью пажа и обратить ее на погубление Блондины. И она составила план.

Сад, по которому Блондина прогуливалась в своей миниатюрной коляске, запряженной страусами, и с Гурман-Дине в качестве кучера, отделялся решеткой от огромного и роскошного леса, который называли Сиреневым, потому что в любое время года в нем цвела сирень. В этот лес никто не ходил — все знали, что он заколдован, и всякий, кто в него войдет, никогда уже не сможет выбраться обратно. Гурман-Дине губительные свойства леса были прекрасно известны и ему категорически запрещалось направлять экипаж в эту сторону, из опасения, что Блондина по неосторожности может перебраться через решетку и пойти гулять в Сиреневый лес — она-то ведь про него ничего не знала.

Много раз король приказывал воздвигнуть вдоль решетки каменную стену или, по крайней мере, сделать прутья решетки более частыми, чтобы сквозь них нельзя было проникнуть в лес. Но стоило рабочим днем начать каменную кладку или переделывать решетку, как ночью неведомая сила разрушала все сделанное.

Королева Фурбетта начала с того, что заручилась дружбой с Гурман-Дине, ежедневно угощая его все новыми лакомствами. Когда она превратила его в законченного обжору, который не мог ни минуты обойтись без леденцов, тортов и мороженого — ими коро-

лева обильно снабжала этого сладкоежку — она вызвала его к себе и сказала:

— Гурман-Дине, выбирай одно из двух: ты можешь заработать целый сундук конфет и тянучек, или же ты больше никогда к ним не притронешься.

— Не притронуться к тянучкам! О, мадам, да я умру от тоски! Говорите, мадам, говорите, что мне нужно сделать, чтобы избежать такого несчастья?

— Тебе нужно,— сказала королева, пристально глядя пажу в глаза,— тебе нужно отвезти принцессу Блондину на опушку Сиреневого леса.

— Этого я не могу, мадам... Король строго-настрого запретил мне приближаться к лесу.

— Ах, ты не можешь? Тогда прощай; я больше не буду давать тебе лакомства, и я прикажу, чтобы никто во дворце тебе их не давал!

— О, мадам,— сопротивлялся с плачем Гурман-Дине,— не будьте так жестоки! Дайте мне другое поручение, и я все исполню!

— Повторяю тебе: мне нужно, чтобы ты отвез Блондину на край Сиреневого леса, а потом заставил ее выйти из экипажа, пролезть сквозь решетку и войти в лес.

— Но, мадам,— хныкал Гурман-Дине, бледный, как полотно,— если принцесса войдет в этот лес, она ведь не сможет из него выйти: вы же сами знаете, что лес заколдован. Отправить туда принцессу — это значит отправить ее на верную смерть!

— В третий и последний раз я спрашиваю тебя: согласен ли ты отвезти Блондину к лесу? Выбирай, Гурман-Дине: либо я подарю тебе сундук конфет — и раз в месяц сама буду наполнять его доверху. Либо ты уже больше никогда не отведаешь ни одной сласти, ни одного пирожного.

— Но ведь король подвергнет меня ужасному наказанию! Как же я смогу избегнуть королевской кары?

— Об этом можешь не беспокоиться. Как только Блондина войдет в Сиреневый лес, приходи ко мне. Я отправлю тебя прочь из дворца вместе с твоими конфетами, а о будущем твоем я позабочусь сама.

— Ах, мадам, сжальтесь, не заставляйте меня везти на гибель мою дорогую хозяйку, она ведь так добра со мной!

— Так ты еще не решился, несчастный! Да какое тебе дело, что станет с Блондиной? Дай срок — и я возьму тебя в услужение к Брунетте. Вот уж там ты досыта наешься своих конфет!

Гурман-Дине подумал еще минутку... и — увы! Он согласился принести в жертву свою хозяйку за несколько горстей конфет. Весь остаток дня и всю ночь провел он в ужасных сомнениях — стоит или не стоит совершать это постыдное преступление. Но как же иначе он удовлетворит свой неутолимый аппетит на шоколадки и пирожки с вареньем, если откажется исполнить приказание королевы? В конце концов Гурман-Дине решил, что потом он вызволит Блондину из волшебного леса, обратившись к какой-нибудь могущественной фее. Рассудив так, он перестал колебаться и решил, что исполнит приказ королевы.

На следующий день в четыре часа Блондина велела запрячь свою маленькую коляску и отбыла на прогулку, обняв предварительно короля и пообещав вернуться не позже шести. Сад был огромен. Гурман-Дине направил страусов в сторону, противоположную Сиреневому лесу.

Но когда они отъехали настолько, чтобы их нельзя было видеть из дворца, он круто повернул упряжку и направил ее прямо к решетке, отгораживавшей сад от Сиреневого леса. Он был подавлен и молчалив. Совер-

шаемое им преступление камнем давило на его сердце и совесть.

— Что с тобой, Гурман-Дине? — спросила Блондина.— Ты не хочешь разговаривать? Не заболел ли ты?

— Нет, принцесса, я хорошо себя чувствую.

— Но ты такой бледный! Скажи-ка лучше, какие заботы тебя терзают. Обещаю сделать все возможное, чтобы тебя развеселить.

Эти добрые слова, произнесенные Блондиной, едва ее не спасли, потому что сердце Гурман-Дине от них совершенно растаяло. Но воспоминание о конфетах, обещанных Фурбеттой, разрушило добрый порыв.

Прежде чем он собрался ответить, страусы остановились у самой решетки сада. Дальше начинался Сиреневый лес.

— Ах, какая прекрасная сирень! — воскликнула Блондина.— Какой удивительный запах! Как мне хочется нарвать большой-большой букет и подарить его папе! Сойди с облучка, Гурман-Дине, и сорви для меня несколько веток!

— Я не могу оставить экипаж, принцесса. Страусы могут взять с места, пока я буду в лесу.

— А что в этом ужасного? — Блондина сморщила свой хорошенький носик.— Я и одна сумею доехать до дворца.

— Но король задаст мне головомойку за то, что я оставил вас одну, принцесса. Будет лучше, если вы сами сбегаете за сиренью.

— Ну что ж, твоя правда,— сказала Блондина.— Я буду очень опечалена, если тебя выбранят, бедный мой Гурман-Дине.

И с этими словами она проворно выпрыгнула из коляски, пролезла сквозь решетку и принялась рвать сирень.

Увидев все это, Гурман-Дине задрожал от страха. В голове у него все перемешалось, в сердце зашевелились

укоры совести. Он хотел было все поправить и окликнул Блондину, чтобы поскорее увезти ее во дворец; но, хотя Блондина была в каких-нибудь десяти шагах от него, и он ее отлично видел, она не услышала его голоса и мало-помалу все углублялась в заколдованный лес. Некоторое время он еще мог наблюдать, как принцесса рвет ветки сирени, а потом она исчезла из глаз.

Долго он оплакивал свое злодейство, проклиная обжорство, ругательски ругал королеву Фурбетту. Наконец, ему пришло в голову, что час, когда Блондина должна была вернуться во дворец, приближается. Он хлестнул своих страусов и направился к конюшням задами. Он тут же явился к королеве; она ждала его. Видя, что он бледен, а глаза его красны от слез и мук совести, она поняла, что Блондина отправлена в лес.

— Все в порядке? — спросила она.

Гурман-Дине только кивнул головой: говорить у него не было сил.

— Иди сюда,— сказала королева,— вот твоя награда.

И она указала ему на сундук, доверху набитый конфетами всех сортов. Потом она позвала лакея, и тот привязал сундук на спину одному из тех мулов, которые много лет назад привезли во дворец ее драгоценности.

— Я доверяю этот сундук заботам Гурман-Дине,— сказала она лакею.— Пусть он доставит его моему отцу. Отправляйтесь же в путь, Гурман-Дине, и приезжайте через месяц за следующей порцией.

С этими словами она сунула ему в руку кошелек, полный золотых монет. Гурман-Дине влез на мула, тронулся, с места взяв в галоп. Очень скоро мулу, имевшему нрав злой и упрямый, надоел тяжелый сундук; он принялся реветь и брыкаться, и скоро сбросил на землю и Гурман-Дине, и свой груз. Гурман-Дине, который не умел держаться ни на лошади, ни на

муле, при падении ударился головой о камень и умер на месте. И получилось, что он не сумел извлечь из своего злодейства ни капли той выгоды, на которую надеялся — он не успел попробовать еще ни одной конфеты из сундука.

Никто не стал по нему плакать, потому что никто его не любил — кроме, разве, бедняжки Блондины, за которой мы теперь должны последовать.

III

Сиреневый лес

Едва войдя в Сиреневый лес, Блондина принялась рвать самые красивые ветки сирени, радуясь, что их так много вокруг и что они так нежно пахнут. Сорвав две-три красивых, она тут же замечала еще более красивые, вытряхивала из своего переполненного фартука собранные ранее и наполняла фартук сызнова.

Уже целый час Блондина занималась сиренью. Ей стало жарко, и она почувствовала усталость — кисти сирени были тяжелыми, и вот тут-то Блондина решила, что пора возвращаться во дворец. Она обернулась — вокруг были только кусты сирени. Она позвала Гурман-Дине — ей никто не ответил.

— Кажется, я забралась дальше, чем думала. Придется возвращаться по собственным следам... Идти трудно, ну да я постараюсь. А подойду вплотную к изгороди — еще раз окликну Гурман-Дине. Уж тогда-то он меня услышит и поможет донести цветы!

Некоторое время она шла вперед, но опушки леса все не было видно. То и дело она окликала Гурман-Дине, однако ответом было только эхо. Понемногу ей становилось страшновато.

— Что я буду делать в этом лесу совсем одна? И что подумает отец, когда увидит, что меня нет? А бедняга Гурман-Дине, как же он вернется во дворец без меня? Его ведь изругают, а может, даже и побьют, и все это из-за меня, из-за того, что мне вздумалось выйти из коляски и собирать эту сирень! Несчастная я, несчастная! Теперь я умру в этом лесу от голода и жажды, если только сегодня же ночью меня не съедят волки!

И Блондина упала на землю у подножья большого дуба и принялась горько плакать. Плакала она, плакала, и в конце концов усталость победила горе. Она положила голову на охапку сиреневых веток и крепко уснула.

IV

Первое пробуждение Блондины

Блондина проспала до самого утра, и никакие дикие звери не потревожили ее сон. Она не почувствовала ночного холода и проснулась очень поздно. Она протерла глаза и очень удивилась, увидев вокруг деревья вместо привычных стен спальни. Она попробовала позвать няню — в ответ раздалось тихое мяуканье. Она еще раз удивилась и даже испугалась, посмотрела на землю и увидела возле своих ног прекрасного белого кота, который приветливо посматривал на нее и мурлыкал.

— Ах, Мурлыка, до чего же ты хорош! — воскликнула Блондина, проводя ладошкой по его славной, белой как снег шкурке.— Я очень рада познакомиться

с тобою. Я — Блондина, а тебя я буду звать Котом-Мурлыкой. Я знаю, ты умный и отведешь меня домой. Вот только есть очень хочется... Мне, пожалуй, и до дому не дойти, пока я не позавтракаю.

Едва проговорила она эти слова, как Кот мяукнул и показал лапой на оказавшийся рядом сверток — в нем был хлеб с маслом. Она откусила кусочек — вкус оказался восхитительным. Она стала есть, угощая при этом и Мурлыку, который жевал хлеб с большим удовольствием.

Когда они поели, Блондина наклонилась к Коту, погладила его и сказала:

— Спасибо тебе за завтрак! А теперь отведи меня, пожалуйста, к отцу — ведь он, наверное, места себе не находит от беспокойства.

Кот-Мурлыка покачал головой и издал жалобное мяуканье.

— Ах, как хорошо ты меня понимаешь, Мурлыка,— сказала Блондина.— В таком случае, пожалей меня и отведи хоть в какой-нибудь дом, пока я не погибла от голода, холода и страха в этом ужасном лесу.

Кот посмотрел на нее, тряхнул хорошенькой беленькой головкой в знак понимания, сделал несколько шагов и тут же вернулся, чтобы посмотреть, следует ли за ним Блондина.

— Я здесь, Мурлыка,— сказала Блондина,— я иду за тобой. Вот только как мы проберемся через эти кусты — они ведь сходятся вплотную, я не вижу никакой тропинки.

Мурлыка вместо ответа скакнул прямо в чащу — кусты тут же расступились, пропуская Кота и Блондину, и опять сомкнулись, как только те прошли. Блондина пошла за Котом и шагала таким образом около часа. Чем дальше они продвигались, тем реже становился лес. Трава стала ниже и тоньше, там и сям росли цветы. На деревьях сидели удивительные птицы, они

пели. По веткам скакали белки. Блондина, которая была уверена, что сейчас выйдет из леса и увидит отца, была совершенно заворожена таким зрелищем. Ей очень хотелось остановиться и набрать цветов, но Кот-Мурлыка все трусил вперед, а едва Блондина останавливалась, он принимался жалобно мяукать.

Через час вдали показался великолепный замок. Кот повел ее прямо к золоченым воротам. Блондина стала соображать, как войти в замок — звонка не было решительно никакого, а ворота были крепко заперты. Мурлыка внезапно куда-то исчез, Блондина осталась одна.

V

Белая Лань

Мурлыка тем временем прошмыгнул через узенький лаз, который, видимо, был проделан как раз для него, и не иначе как поговорил с кем-то в замке, потому что калитка вдруг открылась сама собой, без всяких просьб Блондины. Она вошла во двор, но не увидела там никого. Распахнулась и входная дверь самого замка. Блондина вошла и оказалась в вестибюле, облицованном белым мрамором какой-то редкой породы. Все двери, как и прежде, открывались перед нею сами; Блондина прошла через целую череду богато украшенных комнат. Наконец, она приметила в глубине красивой большой гостиной, отделанной голубым бархатом и позолотой, Белую Лань, лежавшую на ложе из ароматных трав. Рядом с Ланью сидел Мурлыка. Лань увидела Блондину, поднялась, вышла к ней навстречу и произнесла:

— Добро пожаловать, Блондина! Уже много лет я и мой сын ожидаем вас.

И увидев, что Блондина робеет, Лань добавила:

— Оставьте ваши опасения, дорогая Блондина, вы попали к друзьям. Я знакома с вашим батюшкой, королем, и я люблю его так же, как и вас.

— О, мадам! — сказала Блондина,— если вы знакомы с моим отцом, отведите меня к нему! Он наверняка грустит и тревожится по поводу моего отсутствия.

— Ах, милая Блондина,— ответила со вздохом Белая Лань,— не в моих силах возвратить вас в родной дом. Вы теперь попали под власть коварного Волшебника Сиреневого Леса. Я и сама подчинена его власти, которая, увы, намного могущественнее моей. Но я могу послать вашему батюшке сны, которые успокоят его и сообщат, что вы находитесь у меня в доме, в полной безопасности.

— Как, мадам,— вскричала Блондина с ужасом,— значит, я никогда больше не увижу отца, моего бедного отца, которого я так люблю?

— Дорогая Блондина, сейчас не следует думать о будущем; помните об одном — послушание всегда вознаграждается. Если вы увидите вашего отца, то это будет еще не скоро. А сейчас будьте-ка умницей, хорошая моя. Мы с Мурлыкой сделаем все возможное, чтобы вам здесь было хорошо.

Блондина повздыхала, немножко поплакала. Потом она решила, что было бы черной неблагодарностью с ее стороны кукситься в доме Белой Лани в отплату за радушие и гостеприимство. Она сдержала слезы и продолжала беседовать с хозяевами.

Позже Белая Лань и Кот-Мурлыка повели принцессу показывать покои, приготовленные для нее. Комната Блондины была вся сплошь отделана розовым шелком,

расшитым золотыми нитями. Мебель была обита белым бархатом с каемкой из разноцветных сверкающих шелков, а на бархате были вытканы все звери, все птицы, бабочки и жуки, какие только есть на свете. Около спальни Блондины находился ее рабочий кабинет, обтянутый голубой камчатной* тканью, украшенной мелким жемчужным бисером. Мебель здесь была совсем другая, затянутая муаровым тиком и подбитая гвоздиками с бирюзовыми шляпками. На стене были два великолепных портрета, один из них изображал молодую женщину гордого вида, другой — очень милого молодого человека. По одежде можно было понять, что оба они принадлежат к королевскому роду.

— Чьи это портреты, мадам? — спросила Блондина у Белой Лани.

— Мне не велено отвечать на этот вопрос, дорогая моя девочка. Когда-нибудь вы узнаете все. А сейчас время обедать. Пойдемте, Блондина, в столовую. Я думаю, вы изрядно проголодались.

Блондина и в самом деле умирала с голоду. Она последовала за Белой Ланью и вошла в столовую, где стоял стол, накрытый весьма своеобразно. Посередине была брошена на пол белая подушка для Белой Лани, а на столе, как раз напротив подушки, лежала охапка изысканных душистых трав, свежих и сочных. Возле трав стояло золотое корытце, наполненное свежей и прозрачной водой. Напротив Белой Лани стоял узенький, но очень высокий табурет для Кота-Мурлыки. На столе же для него была приготовлена золотая миска, полная жареной рыбы и бекасиных окорочков, а подле нее — чашечка из горного хрусталя, полная парного молока.

Блондина уселась между Белой Ланью и Котом-

* Камча́тный (камча́тый) — узорчатый, как камка́; камка — старинная шелковая узорчатая ткань.

Мурлыкой на маленькое кресло, целиком вырезанное из слоновой кости и обитое алым бархатом, причем шляпки гвоздиков были алмазные. Перед ней стояла золотая тарелка с чеканным узором, а в ней дымился восхитительный суп из отменных кур, приправленный виноградом. Ее стакан и графин были вырезаны из горного хрусталя; маленькая булочка лежала рядом с ложкой — золотой, как и вилка. Салфетка была из батиста, такого тонкого, что у себя Блондина такого и не видела. Прислуживали за столом несколько газелей, проявлявших чудеса ловкости. Они подавали кушанья, резали на куски мясо и вообще предупреждали любое желание Блондины, Белой Лани и Кота-Мурлыки.

Обед был не просто вкусным, он был изысканным: самая нежная домашняя и лесная птица, самая ароматная рыба, тающие во рту пирожки, редчайшие сласти. Блондина была голодна — она отведала все блюда и все их нашла превосходными.

После обеда Белая Лань и Кот-Мурлыка повели Блондину в сад. Там она отведала необыкновенно сочных фруктов и побегала по извилистым тенистым дорожкам. Нагулявшись, Блондина вернулась в замок порядком уставшая. Лань посоветовала ей лечь в постель, и Блондина с радостью согласилась.

Она вошла в спальню; там ее уже ждали две газели. Они очень ловко помогли ей раздеться, уложили в постель и тихо стали у кровати, сторожа ее сон.

И Блондина тут же заснула, успев послать мысленный привет отцу, но не успев по нему поплакать.

VI

Новое пробуждение Блондины

Блондина спала глубоким сном, а когда проснулась, то ей показалось, что она совершенно не та девочка, которая накануне легла спать в этой красивой спальне. Она ощущала себя намного взрослее; у нее были серьезные и зрелые мысли; во сне она словно бы чему-то научилась. Ей вспоминалась целая куча книг, которую она прочла во время сна. Она припоминала, что исписала много тетрадок, рисовала, пела, играла на рояле и даже на арфе.

Однако же на вид ее комната была в точности той же самой, именно в нее Белая Лань привела Блондину накануне, и именно на этой постели она уснула.

В беспокойстве и даже в тревоге она вскочила, подбежала к зеркалу и увидела, что она совсем взрослая. Более того, она нашла — придется в этом признаться,— что она совершенно очаровательна. Да, она была в сто раз красивее, чем накануне вечером. Кожа ее была белой, щеки розовели, голубые глаза блестели, маленький носик приятно круглился, губки были словно коралл, стан — тонким и изящным, и все это вместе складывалось в портрет самого прелестного создания, какое она видела когда-либо в своей жизни.

Взволнованная и даже немного испуганная, она кое-как оделась и побежала к Белой Лани; она нашла ее в тех же покоях, что и в самую первую встречу.

— Белая Лань! Белая Лань! — закричала Блондина.— Объясните мне, ради Бога, почему я выгляжу иначе, почему я теперь совсем другая! Засыпая вчера вечером, я была ребенком, а сегодня утром я просну-

лась взрослой девушкой. Может быть, это только мне кажется? Или я и в самом деле выросла всего за одну ночь?

— Все верно, дорогая Блондина, сегодня вам исполнилось четырнадцать лет, а заснули вы семилетней. Ваш сон длился целых семь лет. Мы с Котом-Мурлыкой решили, что избавим вас от скуки первых уроков — ведь когда вы попали в замок, вы не умели даже читать. Я усыпила вас на семь лет, и ни один день из них не потрачен даром — мы с Котом вас все время чему-нибудь учили. По вашим глазам я вижу, что вы не доверяете вашим знаниям; пойдемте же вместе в вашу учебную комнату. Там вы сами убедитесь, как много вы теперь знаете и умеете.

Блондина последовала за Белой Ланью. Они пришли в учебную комнату; Блондина сразу же уселась за рояль и принялась на нем играть вальсы, польки и этюды. Играла она очень даже прилично. Потом она взялась за арфу и извлекала из нее совершенно восхитительные аккорды. Потом она запела под собственный аккомпанемент, и пела премило. Потом она схватила карандаши и кисточки, стала рисовать красиво и необыкновенно легко, обнаруживая прямо-таки талант. А потом она попробовала читать вслух, и это у нее получилось так же хорошо, как и все остальное. Самое удивительное, что в какую бы книгу она ни заглянула, она вспоминала, что уже читала ее когда-то. В изумлении и восторге она бросилась на шею Белой Лани, нежно расцеловала Кота-Мурлыку и сказала им:

— Дорогие мои, добрые мои, верные мои друзья! Как же я вам благодарна! Вы воспитали меня, развили мой ум и сердце! Знаете, я ведь чувствую, что во мне все стало лучше, и это только благодаря вам!

Белая Лань ее приласкала, Кот-Мурлыка нежно лизнул в ладошку. Когда первый порыв нежных чувств прошел, Блондина опустила глаза и робко сказала:

— Вы, мои славные, мои удивительные друзья, не подумайте, что я черствая и неблагодарная девчонка, но я прошу присоединить еще одно благодеяние к тем, что вы мне уже оказали. Расскажите, как поживает теперь мой отец? Оплакивает ли он еще мое отсутствие? Обрел ли он счастье после того, как потерял меня?

— Ваше желание законно, и мы не откажемся его выполнить. Посмотрите в это зеркало, Блондина, и вы увидите в нем все, что произошло с минуты вашего выезда из дворца.

Блондина подняла глаза к зеркалу и увидела в нем дворцовые покои своего отца. Вот появился король, он взволнованно расхаживал взад и вперед. Казалось, он кого-то ждет. Вошла королева Фурбетта и стала ему рассказывать, что Блондина, вопреки предостережениям Гурман-Дине, захотела сама поуправлять страусами, но те понесли, потащили коляску к Сиреневому лесу, и там она опрокинулась. Блондину выбросило сквозь решетку прямо в лес, Гурман-Дине потерял голову от ужаса и горя, и ей пришлось отправить его к родителям. Король, по-видимому, пришел в полное отчаяние от этих известий, он побежал в сторону Сиреневого леса, и слуги силой удержали его, а то он непременно бросился бы разыскивать свою дорогую Блондину. Его отвели назад в покои, и там он предался полному отчаянию, без конца призывая свое дорогое дитя, свою ненаглядную Блондину. Наконец, он уснул. Во сне он увидел, что Блондина находится во дворце Белой Лани и Кота-Мурлыки. Белая Лань сумела внушить ему уверенность, что Блондина в один прекрасный день вернется, а пока что детство ее течет счастливо и безмятежно.

Потом зеркало помутнело и видение исчезло. Но тут же стекло снова стало прозрачным, Блондина вновь увидела отца. Он постарел, в волосах появилась седина, лицо было печальным. В руке он держал небольшой

портрет Блондины; он покрывал его поцелуями и проливал горькие слезы. Он был один — поблизости не было ни королевы, ни Брунетты.

Глядя на горюющего отца, бедная Блондина и сама расплакалась.

— Почему,— спросила она,— мой отец всеми покинут? Куда девалась моя сестра Брунетта? И почему я не вижу королевы?

— Королева не выказала никакого сожаления по поводу вашей смерти, ведь сначала все решили, что вы погибли, моя дорогая Блондина. Это привело короля в ужас, и он отослал королеву к ее отцу Турбуленту. А тот, не долго думая, запер дочь в каменную башню, где она вскоре умерла от злобы и тоски. Что до вашей сестры Брунетты, то она с годами стала такой несносной злюкой, что король поспешил отдать ее замуж за принца Виолана, который теперь занимается перевоспитанием принцессы, выбивая из нее злость и завистливость. Он обращается с ней очень строго, и сейчас Брунетта уже понимает, что злым людям счастье недоступно. Мало-помалу она становится лучше. Когда-нибудь вы с нею свидитесь и завершите ее перевоспитание, подавая ей хорошие примеры.

Блондина от души поблагодарила Белую Лань за все эти разъяснения; с одной стороны ей очень хотелось спросить: «Так когда же, когда я снова увижу отца и сестру?» Но с другой — было стыдно выказывать желание столь поспешно покинуть Белую Лань и предстать откровенно неблагодарной. Поэтому она решила, что задаст свой вопрос как-нибудь потом.

Дни Блондины протекали интересно и быстро, потому что она всегда была занята каким-нибудь делом.

Но все-таки иногда ей становилось грустновато — она ведь могла разговаривать только с Белой Ланью, а Белая Лань была рядом с нею только в часы занятий да за столом. Кот-Мурлыка все понимал, однако сказать ничего не мог и объяснялся с Блондиной только знаками. Были еще газели, они служили Блондине верно и старательно, но ни одна из них не умела говорить.

Блондина неизменно гуляла в сопровождении Кота-Мурлыки, который указывал ей самые живописные уголки в парке и самые красивые цветы. Белая Лань заставила Блондину пообещать, что она никогда не выйдет за пределы парковой ограды и не сделает ни шагу в заколдованный лес. Много раз Блондина спрашивала Белую Лань о причинах такого запрета, и каждый раз Лань со вздохом отвечала:

— Ах, Блондина, забудьте об этом лесе навсегда, он может принести только несчастье. Лучше вам к нему даже не приближаться!

Иногда Блондина приходила в беседку, стоявшую на самой опушке заколдованного леса. Она смотрела издали на мощные вековые деревья, на дивной красоты цветы, на стаи птиц, которые перепархивали с ветки на ветку и щебетали, как бы призывая ее подойти поближе.

— И почему только Белая Лань не хочет, чтобы я гуляла в этом удивительном лесу? Разве может мне грозить какая-нибудь опасность, если она взяла меня под свою защиту?

Но каждый раз, когда ее посещали эти мысли, Кот-Мурлыка, который, казалось, понимал все, что в ней происходит, принимался тревожно мяукать, хватал ее зубами за платье и тянул прочь из беседки.

2 2—108

Блондина улыбалась, шла за Котом и переходила в парк, поближе к замку.

VII

Попугай

Прошло уже полгода с тех пор, как Блондина очнулась от своего семилетнего сна. Теперь эти полгода казались ей вечностью, а воспоминания об отце накатывали на нее все чаще и были все печальнее. Белая Лань и Кот-Мурлыка, похоже, угадывали ее мысли. Кот в таких случаях принимался жалобно мяукать, Белая Лань глубоко вздыхала. Блондина редко говорила о том, что ее тревожит — она боялась обидеть Белую Лань, которая не раз повторяла ей:

— Вы увидите вашего отца, когда вам исполнится пятнадцать лет. И только при условии, что вы будете такой же послушной, как и раньше. Доверьтесь мне и не думайте о том, что будет. А самое главное — не пытайтесь покинуть наш замок.

Как-то раз утром Блондина грустила в одиночестве; она размышляла о своей замкнутой и скучноватой жизни. Три легких удара в окно отвлекли ее от невеселых размышлений. Она подняла голову и увидела — Попугая! Попугай был ярко-зеленого цвета, а грудь и брюшко у него были оранжевыми. Удивленная появлением существа незнакомого и нового, она открыла форточку и впустила Попугая в комнату. Каково же было ее удивление, когда птица заговорила с ней резковатым, но все же вполне человеческим голосом:

— Здравствуйте, Блондина! — сказала она.— Мне стало известно, что вы иногда скучаете, и вам не с кем поговорить. Вот я и прилетел с вами поболтать. Только вы уж, пожалуйста, никому не говорите, что виделись со мной, Белая Лань тотчас оторвет мне голову.

— О, вы ошибаетесь, прекрасный Попугай! Белая Лань никому не делает зла, она не любит только тех, у кого зло на уме.

— Блондина, пообещайте сохранить мой визит в тайне от Белой Лани и Кота-Мурлыки, а то я улечу сию же минуту и больше никогда не прилечу!

— Ну, раз уж вы так хотите, Прекрасный Попугай, я вам это обещаю. Давайте и впрямь поболтаем — уже столько времени я ни с кем не разговаривала. Вы, как я вижу, птица общительная и неглупая; вы, без сомнения, сумеете меня развлечь.

И Блондина стала слушать речи Попугая. Тот первым делом наговорил ей массу комплиментов насчет ее красоты, ума и всевозможных талантов. Блондина слушала как завороженная. Через час Попугай улетел, пообещав явиться на следующий день. Потом он прилетал еще не раз, продолжая развлекать ее и говорить разные приятные вещи. Однажды утром он постучал в окно и сказал:

— Блондина, Блондина, откройте, я принес вам привет от вашего отца. Только не шумите, а то мне непременно открутят голову.

Блондина открыла форточку и сказала Попугаю:

— Верно ли я расслышала? Милый Попугай, ты и вправду принес мне вести от отца? Говори же, говори скорее! Что он там делает, как поживает?

— Ваш отец жив и здоров, Блондина. Он все еще оплакивает ваше отсутствие. Я пообещал ему, что употреблю все мое скромное влияние, чтобы вызволить вас из заточения. Но мне не удастся ничего сделать, если вы мне не поможете.

— Из заточения! — воскликнула Блондина.— Вы, Попугай, должно быть, не знаете, сколько доброго сделали для меня Белая Лань и Кот-Мурлыка. Они ведь воспитали меня, научили массе вещей, и вообще относятся ко мне с добротой и нежностью. Увидите, они будут в восторге, если узнают, что есть возможность отправить меня к отцу. Пойдемте же со мной, мой добрый Попугай, пожалуйста! Я познакомлю вас с Белой Ланью.

— Ах, Блондина, Блондина! — заговорил Попугай своим резковатым голосом,— вы плохо знаете Белую Лань и Кота-Мурлыку. Они ненавидят меня — еще бы, мне не раз удавалось спасать бедняг, которых они облюбовали себе в жертву. Знайте, вам никогда не свидеться с отцом, дорогая Блондина, никогда не выбраться из этого леса, если вы своими собственными руками не овладеете талисманом, который вас здесь удерживает.

— О каком это вы талисмане, не понимаю,— сказала Блондина.— Я не знаю здесь никаких талисманов. И чего ради Белая Лань и Кот-Мурлыка стали бы насильно меня удерживать?

— Да ради того, что вы развлекаете их в этой глуши, Блондина. Что же касается талисмана, то это обыкновенная Роза. Вам стоит ее сорвать — и будет положен конец вашему изгнанию, и вы тут же окажетесь в объятиях отца!

— Но ведь во всем саду нет ни одной розы. Как же я могу сорвать цветок, которого нет?

— Это я объясню вам в другой раз, Блондина. Сегодня мне уже не успеть, сейчас сюда придет Белая Лань. Но чтобы убедиться в чудесных свойствах Розы, попробуйте-ка поговорить об этом цветке с Ланью — увидите, что она вам скажет. До завтра, Блондина, до завтра.

И Попугай улетел, очень довольный тем, что сумел

заронить в сердце Блондины первые семена неблагодарности и непослушания.

Едва Попугай удалился, как в комнату, постукивая копытцами, вбежала Белая Лань. Она выглядела очень взволнованной.

— С кем это вы разговаривали, Блондина? — спросила Белая Лань, бросив на открытую форточку недоверчивый взгляд.

— Ни с кем, мадам,— ответила Блондина.

— Я уверена, что слышала звуки беседы.

— Наверное, я что-то бормотала сама себе.

Белая Лань ничего на это не ответила. Но она погрустнела, и на глаза ее навернулись слезы. Блондина тоже была очень озабочена — слова Попугая заставили ее увидеть в совершенно новом свете все ее отношения с Белой Ланью и Котом-Мурлыкой. И вот вместо того, чтобы сказать себе: Лань, наделенная даром речи, могущая наделять разумом котов и усыпить ребенка на целых семь лет; Лань, пожертвовавшая эти самые семь лет скучнейшему занятию — образованию несмышленой девочки; Лань, живущая в собственном дворце и окруженная удобствами поистине королевскими, не может быть просто ланью,— вместо того, чтобы испытывать признательность за все, что Белая Лань для нее сделала, Блондина слепо поверила Попугаю, малознакомому пустозвону, за добросовестность слов которого никто не мог поручиться и у которого не было никаких причин, чтобы переживать за ее судьбу и подвергать ради нее опасности свою собственную жизнь. Она поверила ему просто потому, что он наговорил ей комплиментов! А поверив, она не могла уже смотреть с прежней признательностью на спокойную и беспечальную жизнь, которую ей устроили Белая Лань и Кот-Мурлыка. Она решила, что с этого дня будет слушаться советов Попугая.

— Скажите, Белая Лань,— спросила она свою

благодетельницу через несколько часов,— почему среди цветов вашего парка нигде не видно самого красивого, самого роскошного цветка, не видно Розы?

Белая Лань вздрогнула, смутилась и сказала:

— Блондина, Блондина, не просите у меня этого коварного цветка, который так хорош с виду, но больно ранит тех, кто надумает его сорвать. Никогда не говорите мне о Розе, Блондина! Вы даже не знаете, какая угроза для вас скрыта в этом цветке.

Вид у Белой Лани был такой суровый, что Блондина не осмелилась настаивать.

День завершился как-то кисло. Блондина ушла в себя, Белая Лань была взволнована, а Кот-Мурлыка — печален, как никогда.

На следующее утро Блондина сразу же побежала к окну. Едва она открыла форточку, как Попугай тут же влетел в нее.

— Ну что, Блондина? Вы видели, как смутилась Белая Лань, лишь только вы заговорили о Розе? Я вам давеча обещал, что укажу, как разыскать один из этих очаровательных цветков. Так вот: вы выйдете из парка, войдете в лес, я буду с вами и отведу вас в сад, где растет самая прекрасная Роза на всем белом свете.

— Но как же я смогу выйти из парка? Ведь Кот-Мурлыка сопровождает меня во всех моих прогулках.

— Попытайтесь куда-нибудь его услать,— сказал Попугай.— А если он не захочет — ну что ж, выходите из парка при нем.

— Если эта Роза далеко, мое отсутствие будет замечено.

— Это самое большее в часе ходьбы. Белая Лань нарочно поселила вас подальше от Розы — так ей легче удержать вас в своей власти.

— Но зачем ей держать меня в плену? Она такая могущественная, и уж, конечно, могла бы найти себе занятие поприятнее, чем возня с глупой девочкой...

— Все это будет вам объяснено позже, Блондина, когда вы вернетесь во дворец отца. Проявите же характер, отделайтесь от Кота-Мурлыки сразу после завтрака и идите в лес — я буду ждать вас там.

Блондина пообещала и тут же затворила форточку — она боялась, как бы Белая Лань не застала их за беседой.

После завтрака Блондина, как это бывало каждое утро, спустилась в сад. Кот-Мурлыка последовал за нею, хотя Блондина на него прикрикнула и даже замахнулась; он только жалобно замяукал, но от Блондины не отстал. Дойдя до аллеи, которая вела к выходу из парка, Блондина предприняла еще одну попытку.

— Я хочу побыть одна,— сказала она,— уходи прочь, Мурлыка!

Кот притворился, что не понимает. Тогда Блондина, потеряв терпение, забылась окончательно и ударила Кота ногой.

Как только бедняга получил удар, он испустил печальный вопль и ринулся в сторону дворца.

Попугай не замедлил появиться.

— Молодец, Блондина, мужайтесь! — хрипло прокричал он,— еще часок, и Роза будет вашей, а там, глядишь, вы вернетесь домой!

Эти слова Попугая снова вдохнули в Блондину решительность, которую она уже начала было терять. Она двинулась по тропинке, которую указывал ей Попугай. Сам Попугай летел впереди нее, перепархивая с ветки на ветку. Лес, который ей казался раньше таким прекрасным, теперь, за пределами замкового парка, становился все более диким. Колючие кустарники и камни перегораживали тропинку, птичьего щебета больше не было слышно, куда-то пропали цветы. Блондина почувствовала необъяснимую трево-

гу. Но Попугай не дал ей времени, чтобы по-настоящему испугаться, он настойчиво звал ее вперед и вперед.

— Скорее, Блондина, время идет! Если Белая Лань заметит ваше отсутствие и пустится за вами в погоню, она свернет мне шею, а вы — вы никогда уже не увидите своего отца!

Блондина, уставшая и запыхавшаяся, с изодранными башмачками, хотела уже заявить, что не может идти дальше, но в это время Попугай крикнул:

— Мы пришли, Блондина, вон за тем забором растет Роза!

И Блондина увидела маленький палисадник с калиткой, которую Попугай тотчас же отворил. Земля внутри палисадника была каменистой и голой, словно выжженной, но в центре палисадника величественно высился роскошный розовый куст. Цветков было много, но один, ярче и крупнее остальных, был красоты совершенно необыкновенной; другой такой Розы не было на всем белом свете.

— Сорвите ее, Блондина, вы ее заслужили! — сказал Попугай.

Блондина схватилась рукой за шершавый стебель, и несмотря на вонзавшиеся в ладонь шипы, изловчилась и сорвала Розу.

Едва Роза оказалась у нее в руке, как Блондину оглушил дьявольский хохот. Роза выскользнула из ее ладони, а в ушах раздался отвратительный хриплый голос:

— Спасибо тебе, Блондина, ты освободила меня из тюрьмы, в которой меня держало могущество Белой Лани! Я — твой злой гений, и теперь ты переходишь в полную мою власть!

— Ха-ха-ха,— вторил этому голосу Попугай,— спасибо тебе, Блондина, теперь и я наконец-то могу принять свое истинное обличье, обличье колдуна. Не

так уж много сил понадобилось, чтобы заманить тебя сюда; я и не надеялся, что все получится так легко. Стоило мне польстить твоему тщеславию, и ты тут же стала неблагодарной и злой! Ты шутя погубила своих друзей, которые были моими смертельными врагами. Спасибо тебе, глупая Блондина, спасибо и прощай!

Едва отзвучали эти слова, как Попугай и Роза исчезли, а Блондина осталась одна в чаще непроходимого леса.

VIII

Раскаяние

Она пребывала в полном ошеломлении. Поведение ее предстало перед ней во всем своем ужасе и безобразии: черной неблагодарностью отплатила она своим друзьям, которые так любили ее, что целых семь лет затратили на ее воспитание. Милые, милые друзья, захотят ли они теперь ее выслушать, захотят ли простить? Что будет с нею, если дверь замка окажется для нее закрытой? И главное, что означали слова злого Попугая: «Ты погубила своих друзей»?

Она двинулась в путь. Она хотела вернуться во дворец Белой Лани. Колючки и шипы царапали ей руки, ноги и лицо. Но она упорно продиралась сквозь заросли, и через три часа изнурительной ходьбы оказалась перед дворцом Белой Лани и Кота-Мурлыки.

Как же обмерла она, когда вместо великолепного дворца увидела бесформенные развалины, а вместо красивых деревьев, которые еще утром окружали дворец, обнаружила только ежевику, чертополох и крапиву! Замирая от ужаса и отчаяния, она попыталась

пробраться в середину развалин — ей нужно было узнать, что же стало с ее друзьями. Но толстущая Жаба выпрыгнула из груды камней, уселась прямо перед Блондиной и проквакала:

— Чего ты ищешь, мерзкая девчонка? Разве не из-за твоей неблагодарности твои друзья погибли? Убирайся же отсюда, не оскорбляй их памяти своим присутствием!

— Ах,— воскликнула Блондина,— значит, они погибли! Бедные, несчастные друзья мои! Белая Лань, Кот-Мурлыка, почему не могу я искупить своей смертью ужасную беду, которую я вызвала!

И она с рыданиями упала прямо в чертополох, росший на развалинах. В своем ужасном горе она даже не почувствовала, как впиваются в ее нежную кожу острые камни и колючки. Долго, долго плакала она, а потом поднялась с земли и стала озираться вокруг, ища хоть какое-нибудь пристанище на ночь. Но кругом были только камни и сучковатые кусты.

— Ну и пусть,— сказала она,— пусть меня съедят дикие звери, пусть я умру от голода и горя, я все равно не уйду отсюда, я хочу закончить свои дни на могиле Белой Лани и Кота-Мурлыки!

Как только она произнесла эти слова, она услышала, как какой-то голос произнес:

— Раскаяние может искупить даже очень большую провинность.

Она подняла голову, и увидела, что над ее головой описывает круги большой черный ворон.

— Увы,— ответила она ворону,— разве мое раскаяние, даже самое горькое, самое искреннее сможет вернуть жизнь Белой Лани и Коту-Мурлыке?

— Как знать? Мужайся, Блондина! — опять прозвучал голос.— Искупай вину раскаянием и не давай горю себя сломить!

Бедняжка Блондина встала с колен и побрела

прочь из этого безотрадного места. Она двинулась вперед по узенькой тропинке, и та привела девочку в незнакомую еще часть леса, где высокие вековые деревья образовывали непроницаемую тень, в которой колючий чертополох расти не мог, а земля была покрыта мягким мхом. Блондина, изнуренная усталостью и грустными переживаниями, буквально свалилась к подножью одного из этих гигантских деревьев и снова зарыдала.

— Не теряй мужества и надейся,— пискнул чей-то голосок.

Она поискала глазами и увидела маленького лягушонка, смотревшего на нее с состраданием.

— Бедненький мой лягушонок,— сказала Блондина,— вижу, что ты сочувствуешь моему горю. О Боже, что же теперь со мной будет? Ведь я осталась совсем одна на свете!

— Главное — мужество и надежда! — опять пропищал голос.

Блондина вздохнула и стала озираться по сторонам, пытаясь обнаружить хоть какой-нибудь фрукт или овощ — ведь ей хотелось не только плакать, но еще есть и пить.

Не обнаружив ничего интересного, она снова принялась лить слезы.

Из тягостных размышлений ее вывело звяканье бубенчика. Она увидела, что к ней приближается очень симпатичная корова. Поравнявшись с Блондиной, корова остановилась, наклонила шею и оказалось, что к ее шее привязан ковшик. Блондина была признательна за эту нежданную помощь, она отвязала ковшик, подоила корову раз, выпила молоко, подоила второй и опять выпила. Потом корова кивком попросила привязать ковшик на место, и Блондина повиновалась; она поцеловала корову в шею и с грустью ей сказала:

— Спасибо, Белянка... Это, конечно же, моим несчастным друзьям я обязана помощью. Наверное, из того мира, куда они переселились, они видят раскаяние своей несчастной Блондины, и пытаются как-то смягчить ее ужасную судьбу.

— Раскаяние может искупить даже большую провинность,— услышала она прежние слова.

— Ах,— вырвалось у Блондины,— даже если я проведу много лет, оплакивая свою оплошность, я не смогу сама себя простить. Я никогда себя не прощу!

Однако же, ночь приближалась. Горе горем, а пришлось Блондине подумать и о том, как защититься от диких зверей, рычание которых уже раздавалось неподалеку,— во всяком случае, ей так казалось. В десятке шагов от себя она заметила нечто вроде шалаша, образованного сплетавшимися сучьями нескольких кустов. Она нагнула голову, проникла в шалаш, и обнаружила, что если приподнять и сцепить вместе несколько веток, то получится очень милый домик. Она употребила остаток светлого дня на обустройство своего небольшого убежища: натаскала туда мха и сделала из него матрац и подушку, потом сломала несколько прутьев и загородила ими вход. Когда все было сделано, она рухнула на свой матрасик и, побежденная усталостью, заснула.

Когда же она проснулась, был день, солнце стояло высоко. В первое мгновение она никак не могла собраться с мыслями и не понимала, где она. Но грустная действительность быстро всплыла перед ней, и она снова принялась плакать и стенать.

Однако же, сразу заявил о себе голод. Блондина принялась думать, где бы раздобыть еды, и тут раздались звуки коровьего бубенчика. Через минуту Белянка была перед ней. Как и накануне, Блондина отвязала ковшик и всласть напилась парного молока. Потом

привязала ковшик на место, чмокнула Белянку в нос и отправила ее пастись, с надеждой, что корова будет навещать ее и впредь.

Так оно и произошло на самом деле — каждый день по утрам, в обед и по вечерам Белянка являлась покормить Блондину.

Время Блондина проводила, оплакивая своих несчастных погибших друзей и горько раскаиваясь в своем легкомыслии.

— Из-за моего непослушания,— без конца повторяла она,— произошли ужасные несчастья, исправить которые не в моей власти. Я не только лишилась близких и верных друзей, но и утратила единственную возможность снова обрести моего отца, который, наверное, ждет не дождется свою несчастную Блондину, осужденную жить и умереть в одиночестве в этом ужасном лесу, где царствует этот мой злой гений, или как его там...

Но грустным думам нельзя предаваться постоянно, и Блондина старалась как-то отвлечься от них. Она навела в шалаше образцовый порядок, усовершенствовала свою уютную постель из мха и сухих листьев, сплела из веток удобное кресло. Из длинных и тонких колючек она намастерила иголок и булавок. Из стеблей дикой конопли, растущей возле хижины, она умудрилась насучить ниток. После этого она вполне сносно зашила свои башмачки, изорванные о камни, и принялась штопать прорехи на платье. Таким вот образом прожила она недель шесть. Тоска ее, однако, не уменьшалась, но следует сказать ей в похвалу, что тосковала она не от того, что вела однообразную и одинокую жизнь, а от того, что искренне и горько сожалела о своей ошибке. Она с радостью согласилась бы прожить в этом лесу до конца дней, если бы только могла этим оживить Белую Лань и Кота-Мурлыку.

IX

Черепаха

Как-то раз она сидела перед входом в свою хижину и, как обычно, с грустью размышляла о своих милых друзьях, о своем отце — и вдруг увидела перед собой огромную Черепаху.

— Блондина,— сказала ей Черепаха хриплым-прехриплым голосом,— Блондина, если ты доверишься мне, я вызволю тебя из этого леса.

— Ах, милая Черепаха, у меня нет причин покидать этот лес. Здесь я обрекла на смерть своих друзей, и здесь я сама хотела бы умереть.

— Уверена ли ты, что их действительно нет на свете?

— Как... Неужели они... Да нет же, я видела их замок, от него остались только руины. Попугай, а потом и Жаба сказали мне, что они умерли... Вы, наверное, просто хотите меня утешить. Увы, надежды, что они живы, нет никакой. Будь они живы — да разве бы позволили они, чтобы я жила в лесу, одна, с этим ужасным сознанием, что я — причина их смерти?

— А кто, Блондина, может поручиться,что их не заставили тебя бросить, что они не должны подчиняться власти, более сильной, чем их собственная? Ты ведь слышала, Блондина, покаяние может искупить и большую провинность.

— Послушайте, дорогая Черепаха, если только они еще живы, если вы можете мне хоть что-нибудь сообщить о них, то скажите, умоляю вас, что я не виновата в их смерти, скажите, что когда-нибудь я увижу их! Я

приму любое наказание, лишь бы заслужить такое счастье.

— Блондина, мне не разрешено рассказывать тебе об участи твоих друзей. Но если у тебя хватит смелости взобраться мне на спину, просидеть на ней целых шесть месяцев, и не обращаться ко мне ни с какими вопросами, пока не кончится наше путешествие, то я привезу тебя туда, где ты узнаешь все.

— Я обещаю вам все, что вы потребуете, славная Черепаха, лишь бы узнать, что с ними стало.

— Подумай хорошенько, Блондина: целых полгода ты не слезешь с моей спины, целых полгода ты не произнесешь ни слова! Как только мы тронемся в путь — ты должна будешь запастись смелостью и решимостью пройти его до конца, не то ты навсегда попадешь во власть колдуна-Попугая и его сестры, колдуньи-Розы. И тогда я не смогу даже посылать тебе парное молоко, как я это делала в течение многих дней.

— В путь, скорее в путь, дивная моя Черепаха, двинемся сию минуту! Пусть я лучше умру от усталости и однообразия, чем от горя и беспокойства. Ваши слова разожгли надежду в моем сердце, и я чувствую, как рождается во мне отвага — я готова предпринять путешествие и во сто раз более трудное!

— Ну что же, пусть исполнится твое желание, Блондина. Забирайся ко мне на спину — и не бойся ни голода, ни жажды, ни бессонницы. Не бойся и дурных встреч во время нашего долгого путешествия; пока оно длится, неприятности тебя не коснутся — разве что если ты заговоришь.

Блондина вскарабкалась на спину Черепахи.

— Теперь — молчание,— сказала та, — ни слова до той минуты, когда мы будем у цели. Первая заговорю я.

X

Путешествие. Прибытие

Путешествие Блондины продлилось, как ее и предупреждала Черепаха, целых шесть месяцев. Три месяца понадобилось только для того, чтобы выйти из леса. После этого она оказалась в голой, бесплодной долине, по которой они тащились недель шесть. В конце долины они увидели замок, очертаниями очень напоминавший дворец Белой Лани и Кота-Мурлыки. Добрый месяц потребовался, чтобы подползти к центральной аллее замка. Блондина же сгорала от нетерпения. Узнает она в этом замке что-нибудь о судьбе своих друзей или не узнает? Она просто умирала от желания спросить об этом, но спрашивать было нельзя, и она терпела. Если бы только она могла спрыгнуть со спины Черепахи, она пробежала бы расстояние, отделявшее их от замка, минут за десять. Но спрыгнуть тоже было нельзя; Черепаха все шла, и Блондина каждую минуту помнила, что не должна произносить ни одного слова и касаться ногами земли. Приходилось смириться, хотя это и было невероятно трудно. Казалось, Черепахе следовало бы хоть на аллее немного поторопиться, но она вместо этого замедлила ход. Еще две недели, две долгие недели ушли, чтобы пройти через парк. Блондина не отрываясь смотрела на замок и его парадную дверь. Замок казался покинутым. Не было слышно никакого шума, не было видно никакого движения. Наконец, в конце сто восемьдесят второго дня пути Черепаха остановилась и сказала:

— Вы можете сойти на землю, Блондина. Вы выказали отвагу и послушание и заработали награду, которую я вам обещала. Войдите в маленькую боковую дверь, и у первого, кого вы встретите, спросите, как повидать Фею Благосклонности. Фея расскажет вам, что сталось с вашими друзьями.

Блондина не заставила себя упрашивать и проворно спрыгнула на землю. Она опасалась, что от столь долгого пребывания в неподвижности ноги у нее задеревенеют, но ноги задвигались на удивление легко, совсем как в те дни, когда она счастливо жила во дворце вместе с Белой Ланью и преданным Котом-Мурлыкой, когда она могла бегать целыми часами, собирая цветы и носясь по лугам за бабочками. Пылко поблагодарив Черепаху, она торопливо открыла указанную дверь и оказалась лицом к лицу с молодой девушкой в белом платье. Нежным голосом девушка спросила у Блондины, кого она желает видеть.

— Я хотела бы поговорить с Феей Благосклонности,— потупившись, ответила Блондина,— скажите ей, мадемуазель, что принцесса Блондина просит немедленно ее принять.

— Следуйте за мной, принцесса,— коротко сказала молодая особа.

Блондина с трепетом последовала за ней. Она прошла через целую вереницу богато украшенных гостиных, встретила на своем пути множество других молодых девушек, одетых так же, как и первая. Они смотрели на Блондину с приветливой улыбкой, словно видели ее не в первый раз. Наконец, она оказалась в гостиной, как две капли воды похожей на гостиную Белой Лани в Сиреневом лесу.

Здесь воспоминание о Белой Лани резануло ее так больно, что она и не заметила, как ее провожатая куда-то исчезла. Она грустно рассматривала гостиную и ее меблировку; из всего, что она увидела, только

одного предмета она не знала раньше в гостиной Белой Лани — это был объемистый шкаф из золота и слоновой кости, тончайшей работы. Шкаф этот был плотно закрыт. Блондина почувствовала, как непонятное, но непреодолимое чувство притягивает ее к шкафу. Она смотрела на него, не в силах оторвать глаз, и в это время открылась дверь. Красивая, еще не старая дама в богатом платье вошла в комнату и остановилась подле Блондины.

— Что вы желаете, мое дитя? — спросила дама мелодичным, ласковым голосом.

— Ах, мадам! — воскликнула Блондина, бросаясь к ее ногам,— мне сказали, что вы можете рассказать мне что-то о моих милых, дорогих друзьях, о Белой Лани и Коте-Мурлыке. Вы, конечно же, знаете, мадам, из-за какой роковой оплошности я их потеряла. Долгое время я оплакивала их, считая мертвыми. Но Черепаха, привезшая меня сюда, подала мне надежду снова их когда-нибудь увидеть. Скажите же мне, мадам, живы ли они? Скажите, что должна я сделать, чтобы заслужить счастье снова их встретить!

— Блондина,— с грустью сказала Фея Благосклонности,— сейчас вы узнаете о судьбе ваших друзей. Но, что бы ни довелось вам увидеть, не теряйте мужества и надежды.

С этими словами она подняла с колен дрожащую от страха Блондину и подвела ее к шкафу, который перед этим так поразил ее воображение.

— Вот ключ от этого шкафа, Блондина,— сказала она,— откройте его сами и не теряйте самообладания.

Она протянула Блондине маленький золотой ключ.

Дрожащими руками Блондина открыла шкаф. Вообразите, что с ней стало, когда она увидела в шкафу две шкуры: Белой Лани и Кота-Мурлыки: та и другая были аккуратно прибиты к стенкам красивыми гвоздиками с алмазными шляпками! Увидев эти шкуры,

несчастная Блондина испустила душераздирающий крик, лишилась чувств и упала на руки Феи.

Дверь комнаты открылась еще раз, и юноша, одетый как принц, прекрасный, словно ясный день, бросился к Блондине, восклицая:

— Ах, матушка, вы же видите, что испытание слишком жестоко для нашей дорогой Блондины.

— Увы, мой сын, мое сердце тоже обливается кровью. Но ведь ты сам знаешь, что это последнее наказание было необходимо, чтобы навсегда избавить ее от тиранической власти Гения Сиреневого леса.

С этими словами Фея Благосклонности коснулась Блондины своей волшебной палочкой. Блондина немедленно пришла в себя, но тут же закричала, заливаясь слезами:

— Дайте мне умереть! Я не желаю больше жить! Бедная, бедная Блондина, нет больше для тебя надежды, нет тебе счастья... Мои друзья, мои дорогие друзья, я последую за вами!

— Милая Блондина, остановитесь,— сказала Фея, сжимая девочку в объятиях,— ваши друзья живы, они любят вас как и прежде, Белая Лань — это я, а рядом мой сын, Кот-Мурлыка... Да, да, дитя мое! Злой Гений Сиреневого леса, воспользовавшись оплошностью моего сына, сумел завладеть нами и придал нам то обличье, в котором вы нас и узнали. Мы могли вернуться к прежнему облику только в том случае, если вы сорвете Розу, которая, как мне было прекрасно известно, являлась вашим злым гением, почему я и держала ее в плену. Я поместила ее как можно дальше от моего дворца, стараясь, чтобы она никогда не попалась вам на глаза. Я знала, каким несчастьям вы себя подвергнете, освободив вашего злого гения из его заточения, и само небо свидетель, что мы с сыном охотно остались бы на всю жизнь Белой Ланью и Котом-Мурлыкой, лишь бы избавить вас от тех жестоких испытаний,

через которые вам пришлось пройти. Но Попугай сумел до вас добраться несмотря на все наши предосторожности; остальное, мое дорогое дитя, вы знаете сама. Вам неизвестно только одно — как сильно мы тревожились, как много пережили, когда вы поселились в этом одиноком шалаше и каждый день лили по нам слезы.

Блондина целовала Фею, благодарила ее и принца и успевала засыпать того и другого десятками вопросов.

— А что стало с теми газелями, которые так любезно нам прислуживали? — спросила она.

— Вы только что видели их, дорогая Блондина, это те самые девушки, которые привели вас сюда. Их, как и нас, злой гений надолго лишил человеческого облика.

— А эта добрая корова, что каждый день приходила поить меня парным молоком?

— Мы с сыном добились у Царицы Фей разрешения посылать вам эту небольшую помощь. А Ворон, что обратился к вам с ободряющими словами, говорил с вами по нашей просьбе.

— Значит, это вы, мадам, послали ко мне Черепаху?

— Да, Блондина; Царица Фей, растроганная вашими страданиями, отобрала у злого Гения Леса всякую власть над вами, с условием, однако, что вы дадите еще одно, последнее доказательство вашего повиновения, согласившись на это долгое и скучное путешествие. Она же наложила на вас и самое последнее наказание, заставив заглянуть в шкаф и поверить в мою смерть и в смерть моего сына. Я просила и умоляла Царицу Фей избавить вас хотя бы от этой последней муки, но она была непреклонна.

Блондина слушала, смотрела, обнимала своих друзей, исчезнувших так давно и, как казалось, навсегда. По крайней мере, она уже много месяцев назад свыклась с мыслью о том, что никогда больше их не увидит!

Но тут воспоминания о милом, старом отце овладели ею с новой силой. Принц Парфет — а это означает

Очень Хороший, или, если хотите, Такой Хороший, что Лучше Не Бывает — так вот, принц Парфет угадал, чего хочется Блондине и вопросительно взглянул на Фею.

— Приготовьтесь, дорогая Блондина, сейчас вы увидите вашего отца. Я предупредила его, и он ждет вас,— сказала Фея.

В тот же миг Блондина очутилась в премиленькой повозке, украшенной золотом и жемчугом. Справа от нее уселась Фея, а у ног примостился принц Парфет, смотревший на Блондину нежными и счастливыми глазами. Повозку тянули вперед четыре ослепительно белых лебедя. Они взмыли в воздух и понеслись с такой скоростью, что всего через пять минут опустились перед дворцом короля Бенина.

Вокруг короля собрались все до одного придворные, все слуги и пажи — они ждали Блондину. Когда повозка появилась в небе, раздались крики радости, и они были такими оглушительными, что у лебедей заложило уши, и они чуть не утащили своих седоков в Сиреневый лес — который, впрочем, был теперь совершенно безопасен. Но принц, державший вожжи, сумел привести лебедей в чувство, и повозка вполне удачно опустилась на землю у подножья парадной лестницы.

Король Бенин бросился к Блондине, а та выскочила из повозки и бросилась в объятия к отцу. Они обнялись и долго стояли неподвижно. Все плакали, но это уже были слезы радости.

Когда король немного пришел в себя, он нежно поцеловал Фее руку. Ведь Фея возвращала ему Блондину не просто повзрослевшей, но образованной, и впридачу хорошо воспитанной, а это в наши дни такая редкость! Поцеловал он и принца Парфета, найдя его совершенно очаровательным молодым человеком.

Празднества, посвященные возвращению Блондины, длились целую неделю. А когда они закончились,

Фее Благосклонности настало время собираться домой. Принц Парфет и Блондина впали в такую ужасную грусть от неминуемой разлуки, что король, посовещавшись с Феей, объявил, что никакой разлуки не будет. После чего король женился на Фее Благосклонности, а Блондина вышла замуж за принца Парфета, которого она в минуту особой нежности все-таки предпочитала называть, по старой памяти, Котом-Мурлыкой.

Брунетта в конце концов стала вполне приличной девицей и частенько приезжает к Блондине в гости.

Вспыльчивый принц Виолан, муж Брунетты, в свою очередь, становится все мягче под влиянием уравновешенного характера своей жены, и живут они вполне счастливо.

Что касается Блондины, то она больше не грустит и не плачет. Она подарила жизнь нескольким дочуркам, которые очень похожи на нее, и сынишкам, которые похожи на принца Парфета. Их все любят, потому что, глядя на них, любой человек забывает свои горести и хоть на несколько минут чувствует себя счастливым.

МАЛЫШ АНРИ

I

Мама заболела

Жила-была однажды бедная вдова; она воспитывала маленького сынишку, которого звали Анри. Жили они одиноко. Вдова нежно любила сына, да оно и немудрено, потому что второго такого удивительного ребенка не было на всем белом свете. Ему было всего семь лет, но он уже вовсю занимался хозяйством; это давало маме возможность засесть за вязание теплых носков и фуфаек. Носки и фуфайки мать продавала затем на рынке, а на вырученные деньги покупала еду для себя и маленького Анри. Анри тем временем подметал пол, мыл посуду, стряпал, вскапывал и пропалывал огород, а когда вся работа по усадьбе и по дому была сделана, он садился к лампе и принимался штопать дыры на курточке и штанах, потом подбивал мамины башмаки, а то даже и мастерил стол, шкаф или табуретку; на починку дома у него еще не хватало силенок. Дом был старым, зато они были его полными хозяевами. Жили они в уединенном месте. Прямо перед окном поднималась высокая гора — такая высокая, что ни один мальчик еще не добирался до ее вершины. Взобраться на гору было трудно еще и из-за быстрого ручья, протекавшего у подножья. А кроме ручья пройти к вершине мешали крутые каменные склоны и глубокие овраги, заросшие лопухами.

Мать и сын много лет жили счастливо и не знали горя, но вот в один злополучный день мать тяжело

заболела. Врачей поблизости не было, да впрочем, случись врач, у Анри с матерью все равно не нашлось бы денег, чтобы с ним расплатиться. Малыш Анри не знал, что и делать, за что взяться, чтобы помочь матери. Когда она просила пить, он давал ей простой колодезной воды, потому что больше в доме ничего не было. Он сидел возле ее постели и днем, и ночью. Если его одолевал голод, он наскоро съедал корку хлеба, а когда больная засыпала, он молча смотрел на нее и глотал слезы, чтобы не потревожить ее сон своим плачем. Болезнь день ото дня становилась тяжелее, и, наконец, стало ясно, что бедная женщина скоро умрет. Она уже не могла ни говорить, ни глотать пищу, она больше не узнавала своего маленького Анри, стоящего на коленях у изголовья кровати. И вот, доведенный до полного отчаяния, Анри вскричал:

— Если нам никто из людей не может помочь, так может хоть фея какая-нибудь посетит нашу бедную хижину? Или феи бывают только в сказках?

Едва он произнес эти слова, как окно распахнулось, и в него не то вошла, не то влетела красиво одетая дама. Нежным, мелодичным голосом она спросила:

— О чем вы хотите просить меня, мой маленький друг? Ведь вы звали меня, не так ли? Я пришла! Фея Добрых Дел перед вами!

— Мадам,— воскликнул Анри, бросаясь к ее ногам и воздев руки к небу,— если вы и вправду Фея, то спасите мою бедную маму. Она умирает, и если ее не будет, я останусь один на свете.

Фея бросила на Анри мягкий взгляд, потом, не говоря ни слова, подошла к больной, наклонилась к ней, внимательно ее осмотрела, дунула ей в лицо и сказала:

— Не в моей власти вылечить твою мать, бедный мой мальчик. Ее выздоровление зависит только от тебя. Болезнь отступит от нее, если у тебя хватит смелости

пуститься в трудное путешествие. А какое — я тебе расскажу потом.

— Говорите сейчас, прошу вас, говорите! Я сделаю что угодно, лишь бы спасти маму.

— Тебе будет нужно,— сказала Фея,— разыскать Траву Жизни. А растет она на вершине той самой горы, которую ты видишь из окна. Когда Трава Жизни будет в твоих руках, ты выжмешь капельку ее сока, дашь маме проглотить, и она тут же выздоровеет.

— Я пойду, я сию минуту отправлюсь, мадам, но кто будет смотреть за моей бедной мамой в мое отсутствие? Да и потом,— добавил он со слезами,— она может просто умереть, пока меня не будет.

— Будь спокоен, бедный мальчик: если ты пойдешь на поиски Травы Жизни, твоя мать ни в чем не будет нуждаться, пока тебя нет. И состояние ее останется точно таким же, как и сейчас. Но подумай хорошенько — тебе предстоит преодолеть немало опасностей и приложить много старания, прежде чем ты доберешься до этого растения. Тебе понадобится великое мужество, огромное упорство, чтобы принести целебную траву домой.

— Я не боюсь, мадам, что у меня не хватит мужества и упорства. Скажите мне только одно — как узнать Траву Жизни среди всех остальных растений, что растут в горах.

— Если тебе удастся подняться до вершины, ты позовешь знахаря, охраняющего это волшебное растение. Ты скажешь ему, что тебя послала я, и он даст тебе один стебелек.

Анри поцеловал Фее руку в знак благодарности, положил в карман краюху хлеба, вежливо поклонился и вышел.

Фея улыбнулась — еще бы, этот семилетний мальчонка нисколько не сомневался, что заберется на вы-

соченную и крутую гору. Ему и дела не было до того, что все, кто пытался добраться до ее вершины, погибли.

II

Ворон, петух и лягушка

Малыш Анри, преисполненный решимости, зашагал к горе. Гора оказалась гораздо дальше, чем это казалось из окна дома. Он думал, что доберется до ее подножья через полчаса, а пришлось пробыть в пути с утра до самого вечера.

Он прошагал примерно третью часть пути, когда увидел ворона, попавшего в западню, поставленную каким-то злым мальчишкой. Бедняга-ворон бился, тщетно стараясь выбраться из западни, но петля затягивалась все туже, причиняя ему ужасную боль. Анри подбежал к ворону, перерезал бечевку, захлестнувшую лапу ворона, и освободил птицу. Ворон рванулся, взлетел, и, улетая, крикнул мальчику:

— Большое спасибо, добрый мой Анри, я не забуду твоей услуги.

Анри очень удивился, что ворон говорит по-человечьи, но раздумывать было некогда, и мальчик продолжил свой путь.

Некоторое время спустя он присел отдохнуть и поесть хлеба возле развесистого куста, и тут увидел петуха, за которым гналась лисица. Петух удирал что есть мочи, но судьба его была ясна — через несколько мгновений лиса неминуемо должна была его схватить. Петух, отчаянно хлопая крыльями, пробежал у самых ног Анри; тот, не раздумывая, схватил его, прижал к животу и спрятал под куртку. Лиса этого не заметила

и продолжала гнаться за добычей, полагая, что петух улетел вперед. Анри не шевельнулся до тех пор, пока лиса не скрылась из виду. Только теперь он выпустил петуха, и тот тихо проклекотал ему:

— Большое тебе спасибо, храбрый Анри, я тоже не забуду твоей услуги.

Анри успел к этому времени отдохнуть; он поднялся с земли и продолжал свой путь.

Он прошел изрядный кусок пути, когда увидел несчастную маленькую лягушку, которую готовилась проглотить громадная змея.

Лягушка дрожала всем своим маленьким тельцем и не могла сдвинуться с места — страх совершенно ее парализовал. Змея проворно к ней подползала, широко раскрыв пасть. Анри схватил камень побольше и очень удачно попал им прямо в эту разинутую пасть в тот самый момент, когда змея уже изготовилась проглотить лягушку. Камень попал змее прямо в глотку, и она тут же задохнулась. Лягушка запрыгала прочь, и на ходу крикнула Анри:

— Огромное тебе спасибо, храбрый Анри, я тоже не забуду твоей услуги!

Анри, который уже слышал, как разговаривают ворон и петух, словам лягушки почти не удивился и продолжал свой путь.

Прошло совсем немного времени — и он оказался у подножья горы. Но тут дорогу ему преградил не ручей, а широкая и глубокая река, огибавшая гору. Она была так широка, что ее дальний берег с трудом можно было разглядеть.

В растерянности Анри остановился.

— Может быть, эту реку можно перейти вброд? — сказал он, размышляя.— Или перебраться на плоту? А может, где-нибудь в стороне найдется и мост?

Он побрел вдоль реки, которая текла вплотную к основанию горы. Но река повсюду была широкой и

глубокой, и ни моста, ни плота нигде не было видно. Бедняжка Анри уселся на берегу, не зная, что предпринять. Слезы опять навернулись ему на глаза.

— Фея, дорогая Фея, помоги же мне! — воскликнул он.— Какая мне польза знать, что на вершине горы растет трава, могущая спасти жизнь мамы, если до этой вершины мне не добраться?

В это мгновение петух, которого он недавно защитил от зубов лисы, появился на берегу и сказал:

— Фее Добрых Дел трудно тебе помочь, эта гора не подчиняется ее власти. Но ты спас мне жизнь, и я хочу доказать тебе свою признательность. Забирайся мне на спину, Анри, и даю тебе честное петушиное слово — я перенесу тебя на другой берег.

Анри без колебаний повиновался — он вскочил на спину петуху, ожидая, что сейчас же свалится в воду. Но он не замочил даже пальца — спина у петуха вдруг оказалась такой большой, что Анри расположился там удобно, как в седле лошади. Он уцепился за гребешок, и петух взмыл в воздух. Река была такой широкой, что петуху понадобилось целых три недели, чтобы долететь до противоположного берега. Но удивительно, что за это время Анри ни разу не захотел ни есть, ни пить, ни спать.

Когда они добрались до цели, Анри вежливо поблагодарил петуха. Тот очень мило встопорщил перышки, шаркнул шпорой и пропал из виду.

Мгновение спустя Анри обернулся — никакой реки сзади него не было.

— Не иначе как Хозяин горы шутит со мною,— решил Анри.— Ему хотелось помешать мне добраться до цели, но не на таковского напал. Скоро я буду на вершине, а в случае чего, Фея Добрых Дел мне опять немножко поможет.

III

Жатва

Он двинулся вперед и шел долго, долго. Но сколько бы он ни шел, он оставался все так же далеко от подошвы горы и от ее вершины.

Другой мальчик на его месте давно бы уже повернул обратно. Но малыш Анри не потерял мужества, и, несмотря на крайнюю усталость, он шел вперед, день за днем. Прошло целых три недели, а до вершины по-прежнему было так же далеко. Но Анри шел вперед так же упорно, как и в первый день.

— Пусть мне придется идти хоть сто лет,— сказал он себе,— я буду стремиться вперед, пока не дойду до вершины.

Едва отзвучали эти слова, как он увидел перед собою невысокого старичка, посматривавшего на него весьма ехидно.

— Тебе так уж хочется вскарабкаться на эту гору, малыш? — сказал старичок.— Что же такое ты ищешь наверху?

— Мне нужна Трава Жизни, добрый господин. Моя мать умирает, Трава Жизни может ее спасти.

Старичок покачал головой, оперся подбородком на золотую ручку массивной трости и, окинув Анри долгим взглядом, сказал:

— На лице твоем я вижу доброту и искренность; ты мне нравишься, мой мальчик. Я один из многих волшебников, живущих на этой горе. Я позволю тебе пройти, но при одном условии: ты соберешь все зерно с моего поля, ты его обмолотишь, ты смелешь его в муку и напечешь из муки хлебов. А когда все будет

готово, ты позовешь меня, и мы поговорим. Все, что тебе необходимо для работы, ты найдешь вот в этой яме. Пшеничное поле начинается прямо перед тобой и идет дальше, вокруг горы.

Старичок исчез, а Анри стал смотреть на бескрайнее пшеничное поле, которое вдруг появилось перед ним. Сначала он малость испугался, но быстро преодолел испуг, снял куртку, нашел в яме серп и решительно принялся жать созревшую пшеницу. Когда жатва была закончена, оказалось, что на нее ушло ровно сто девяносто пять дней.

Сжатые колосья Анри принялся обмолачивать цепом, который обнаружил в той же яме. После того, как была закончена молотьба, на краю поля сама собою выросла ветряная мельница, и Анри стал перемалывать зерно в белую аппетитную муку. На помол зерна ушло еще девяносто дней. Теперь Анри стал замешивать тесто и печь хлеб в печи, которая выросла на месте мельницы. Так прошло еще сто двадцать дней. Все испекшиеся хлебы он, вынимая из печи, аккуратно расставлял на полках — словно книги в библиотеке. Наконец, был положен на полку и последний хлеб; радости Анри не было предела. Он громко позвал старичка-волшебника. Тот явился без промедления, насчитал четыреста шестьдесят восемь тысяч триста двадцать девять хлебов, отведал первый и последний, подошел к Анри, потрепал его по щеке и сказал:

— Ты — славный мальчишка, я воздам тебе по заслугам за твою работу.

Он вытащил из кармана деревянную табакерку, протянул ее Анри и сказал, хитровато улыбаясь:

— Когда ты вернешься домой, открой эту табакерку. Ты найдешь в ней такой табачок, какого ты в жизни не видывал.

Анри не курил и не нюхал табака, так что подарок старичка-волшебника не показался ему особенно интересным. Но он был слишком вежливым мальчиком, чтобы откровенно сказать об этом, поэтому он с довольным видом поблагодарил старичка.

Волшебник плутовски улыбнулся, потом расхохотался, потом он исчез.

IV

Сбор винограда

Анри снова двинулся вперед; теперь он с удовлетворением видел, что каждый шаг приближает его к вершине горы. За каких-нибудь два часа он преодолел две трети пути — и вдруг наткнулся на высоченную стену, которую издали почему-то не заметил. Он двинулся вдоль стены, но прошагав трое суток подряд, с ужасом увидел, что стена опоясывала гору сплошным кольцом, и в ней не было ни ворот, ни калитки, ни даже маленького отверстия, через которое можно было бы прошмыгнуть на ту сторону.

Анри уселся на землю и принялся думать, что же теперь делать. В конце концов он решил, что будет ждать. И он ждал — ждал целых полтора месяца. А потом он сказал:

— Если даже потребуется прождать сто лет, я никуда отсюда не двинусь!

Только он произнес эти слова, как кусок стены обрушился с оглушительным грохотом, а в образовавшемся проеме возник великан, поигрывавший огромной дубиной.

— Значит, мальчик, тебе хочется пройти на ту сторону? Что же тебе нужно на вершине горы?

— Я ищу Траву Жизни, господин Великан, чтобы

вылечить мою бедную маму; она умирает, ей очень, очень плохо. Если только в вашей власти перенести меня через эту стену, я исполню для вас любую работу, какую вы пожелаете.

— В самом деле? Хорошо же, тогда слушай. У тебя славная мордашка. Я, понимаешь ли, один из волшебников, приставленных к этой горе; моя стена должна быть непроходимой, но тебя я готов пропустить, если ты снова наполнишь бочками с вином мои опустевшие погреба. Посмотри вокруг — все это мои виноградники. Собери-ка с них урожай, выдави из ягод сок, разлей его по бочкам и закати бочки в подвалы. Все необходимое ты найдешь у подножья стены. Когда справишься с работой, позовешь меня.

И великан исчез, а стена опять затворилась за ним.

Анри огляделся вокруг — во все стороны, насколько хватал глаз, простирались виноградники великана.

— Я только что убрал хлебные поля того маленького старичка,— рассуждал Анри,— почему же я не смогу убрать урожай с виноградников великана? Эта работа не такая уж длительная, легче превратить виноградный сок в вино, чем превратить зерно в печеные хлебы.

Анри снял куртку, подобрал кривой нож, валявшийся у подножья стены, и принялся срезать гроздья и бросать их в чаны. На эту работу потребовался всего месяц. Когда весь виноград был собран, он тщательно раздавил ягоды босыми ногами, как это полагается делать профессиональным давильщикам винограда, и стал разливать сок по бочкам. По мере того, как бочки наполнялись, он закатывал их в погреб. На то, чтобы сок перебродил и превратился в вино, потребовалось еще три месяца. Когда вино было готово, бочки расставлены аккуратными рядами, а погреба чисто подметены, Анри позвал великана, и тот явился без

промедления. Он осмотрел бочки, попробовал вино из первой и из последней, обернулся к Анри и сказал ему:

— Ты славный малый, и я вознагражу тебя за труды. Пусть никто не говорит, что ты даром работал на Горного Великана.

Он вытащил из кармана веточку обыкновенного чертополоха, отдал ее Анри и сказал:

— Когда ты вернешься домой, положи эту веточку в надежное место. А если ты чего-нибудь пожелаешь, потрогай ее.

Анри счел, что подарок мог бы быть и побогаче, но не подал виду и вежливо улыбнулся в знак благодарности.

В тот же миг великан свистнул так оглушительно, что гора вздрогнула. Стена исчезла вместе с великаном, словно их никогда и не было. Анри мог продолжать свой путь к вершине.

V

Охота

До вершины оставалось не больше получаса пути, когда Анри остановился перед пропастью, столь широкой, что перепрыгнуть через нее было выше человеческих сил; и столь глубокой, что дна ее попросту не было видно.

Анри не пал духом. Он пошел по краю пропасти, но в конце концов вернулся на прежнее место и понял, что пропасть идет кольцом вокруг вершины.

— Что же делать? — спросил бедняга Анри.— Едва преодолеешь одно препятствие, как тут же возникает другое. Как перебраться через эту пропасть?

И мальчик снова почувствовал, что глаза его наполняются слезами. Он стал искать способ преодолеть пропасть, ничего путного не придумал и с грустью уселся на ее край, свесив вниз ноги. Внезапно раздалось оглушительное рычание. Обернувшись, он увидел шагах в десяти от себя громадного волка. Волк хищно смотрел на мальчика, и глаза его сверкали.

— Что ищешь ты в моих владениях? — сказал волк голосом, от одного звука которого в пропасть сорвалось несколько камней.

— Уважаемый Волк, я пришел сюда за Травой Жизни, которая может спасти от смерти мою бедную маму. Если вы поможете мне перейти через эту пропасть, я честно отслужу вам, исполнив любую работу, которую вы мне поручите.

— Хорошо, мальчик. Если ты сможешь переловить всю дичь, которая водится в моих лесах — всех зверей и птиц, слышишь! — и наделать из них жаркого и паштетов, то, клянусь честью горного волшебника, я перенесу тебя на другой край пропасти. У корней вон того дерева лежит все, что нужно для охоты и стряпни. Когда выполнишь все, позови меня.

И сказав эти слова, волк исчез.

Анри воспрянул духом. Он подобрал с земли оказавшиеся там лук и стрелы и принялся охотиться на куропаток, бекасов, рябчиков и тетеревов, что летали вокруг. Но сноровки в стрельбе из лука у него не было, так что все его стрелы пролетали мимо цели.

Целых восемь дней он охотился безрезультатно, и это ему уже порядком надоело. Вот тут-то и увидел он рядом того ворона, которого он спас от смерти в самом начале своего путешествия.

— Ты спас мне жизнь,— прокаркал ворон,— и я сказал, что отплачу тебе сторицей. Я прилетел сдержать свое обещание — ведь если ты не настреляешь для волка дичи, он, чего доброго, сожрет тебя самого,

я хорошо его знаю. Следуй же за мной, охотиться буду я. Тебе останется только подбирать дичь и готовить из нее паштеты и жаркое.

Сказав так, ворон взлетел высоко над деревьями горного леса, прикинул, где какая живность, а потом принялся добывать ее, убивая ударами клюва и раздирая когтями. Ворон охотился целых полтораста дней и добыл миллион восемьсот шестьдесят тысяч семьсот двадцать шесть зверей и птиц. Среди его трофеев были горные козы, куропатки, бекасы, тетерева, рябчики и перепелки...

Так оно и пошло у них — ворон убивал дичь, Анри ее подбирал, разделывал тушки, ощипывал и потрошил, а потом обжаривал куски мяса на сковородке или отваривал в кипятке. Когда стряпня была закончена, он выложил еду на земле, на опушке леса, и тогда ворон сказал ему:

— Прощай, Анри, тебе остается преодолеть еще одно-единственное препятствие, и я на этот раз не смогу тебе помочь. Но не падай духом, любовь сына к матери пользуется покровительством фей!

И прежде, чем Анри успел поблагодарить ворона, тот исчез. Тогда Анри призвал волка, а когда волк явился, сказал ему:

— Вот, уважаемый Волк, вся дичь, которая нашлась в вашем лесу. Я приготовил мясо, как вы желали. Соблаговолите помочь мне перейти через пропасть.

Волк осмотрел дичь, попробовал жареное козье мясо, попробовал паштет, облизнулся и сказал Анри:

— Ты — славный и добрый мальчик, и я вознагражу тебя за твои труды. Пусть не говорят потом, что Горный Волк поскупился расплатиться с тобой.

С этими словами он вручил Анри палочку, которую только что подобрал в лесу, и сказал при этом:

— Когда ты сорвешь Траву Жизни и захочешь

быстро перенестись в другое место, сядь верхом на эту палочку.

Анри уже собрался было зашвырнуть обратно в лес совершенно бесполезный неказистый сучок, но подумал, что это будет не совсем вежливо. Поэтому он принял подарок и сказал спасибо.

— Забирайся ко мне на спину, Анри,— позвал волк.

Анри залез волку на спину. Волк разбежался, сделал гигантский прыжок и через мгновение оказался по другую сторону пропасти. Анри слез, еще раз поблагодарил волка и продолжал свой путь.

VI

Рыбная ловля

Он шел, шел и наконец заметил ограду сада — наверняка Трава Жизни росла именно там! От радости сердце запрыгало у него в груди. Теперь он смотрел только вверх, а шел так быстро, как только позволяли силы. Внезапно он почувствовал, что проваливается в какую-то яму. Он проворно отпрянул назад, огляделся и увидел перед собой огромный ров, наполненный водой. Ров был широким и длинным — настолько длинным, что не было видно ни его начала, ни его конца.

— Наверное, это и есть то последнее препятствие, о котором мне говорил ворон,— подумал Анри.— Но ведь удалось же мне преодолеть все предыдущие с помощью Феи Добрых Дел,— она не откажет мне в поддержке и на этот раз. Конечно же, это с ее ведома мне встретились петух и ворон, маленький старичок,

великан и волк. Остается подождать, чтобы она оказала мне и эту последнюю услугу.

Решив так, Анри принялся расхаживать по берегу рва, надеясь все-таки увидеть, откуда он начинается и где кончается. Мальчик шел так целых два дня, а потом пришел на то же место.

Малыш Анри не стал печалиться и предаваться отчаянию. Он уселся на край рва, спустил вниз ноги и сказал:

— Я не двинусь отсюда, пока кто-нибудь из горных волшебников не поможет мне перебраться через ров.

Разумеется, едва он произнес эти слова, как увидел перед собой громадного кота, который принялся мяукать, да так кровожадно, что Анри чуть не оглох. Намяукавшись всласть, кот сказал:

— Интересно, зачем это ты сюда явился? Известно ли тебе, что я могу одним ударом лапы разорвать тебя в клочки?

— Я нимало не сомневаюсь в этом, господин Кот,— отвечал Анри,— но вряд ли вы захотите так поступить, если узнаете, что я пришел сюда за Травою Жизни. Трава нужна мне, чтобы спасти от смерти мою бедную мать — она так тяжело болеет! Если вы соблаговолите разрешить мне перебраться через ров, я готов исполнить любое ваше поручение.

— Гм, в самом деле? — удивился кот.— Вот это мне нравится! Знаешь, что: поймай-ка для меня всю рыбу, которая водится в этой канаве, а потом свари ее в кипятке или засоли — и я, так и быть, пропущу тебя на ту сторону, даю честное кошачье. Все, что тебе нужно для работы, лежит на песке на берегу. Когда закончишь, позови меня.

Анри сделал несколько шагов и увидел на земле несколько неводов и удочек. Он подобрал один из неводов, рассчитывая, что им сподручнее будет загребать рыбу, и дело пойдет быстрее. Он забросил невод,

осторожно его вытащил: увы, в сети не было ни одной, даже самой мелкой рыбешки. Поначалу Анри решил, что это просто недоразумение. Он снова закинул сеть, и снова в ней ничего не оказалось. Анри был терпеливым мальчиком — он закидывал сеть с утра до вечера в течение целых десяти дней, и не поймал ничего! Тогда он оставил невод и принялся орудовать удочкой.

Он прождал час и еще час — ни одна рыбка не клюнула. Он переменил место — раз, и другой, и третий... В конце концов он снова оказался на прежнем месте, а улова не было никакого. Проудив таким манером недели две, он подумал, что Фея Добрых Дел покинула его, покинула в самом конце многотрудного предприятия. В унынии уселся он на землю и стал смотреть на воду. Но вода внезапно забулькала и из нее показалась лягушечья голова.

— Привет, Анри,— сказала лягушка.— Ты спас мне жизнь, теперь пришел мой черед. Ведь если ты не исполнишь поручения Горного Кота, он просто съест тебя на обед. Ты не можешь поймать ни одной рыбки, потому что яма безмерно глубока, а вся рыба держится вблизи дна. Но погоди, я сама примусь за дело. А ты разожги огонь пожарче, приготовь бочки с рассолом — рыба сейчас будет.

Сказав все это, лягушка ушла под воду. Анри увидел, как вода взбурлила и запенилась, словно там, внизу началось нешуточное сражение. Через минуту лягушка появилась снова и вынесла на берег громадного окуня — она поймала его лапками. Едва Анри успел почистить и выпотрошить окуня, как лягушка опять вынырнула, держа в лапах карпа... Так она рыбачила целых два месяца. Анри варил крупную рыбу, мелкую — бросал в бочки с рассолом. Когда пошел третий месяц, лягушка вылезла на берег рва и сказала Анри:

— Больше там, внизу, не осталось ни одной рыбины, ты можешь вызывать сюда Горного Кота.

Анри горячо поблагодарил лягушку, та в знак дружбы протянула ему мокрую лапку. Анри осторожно ее пожал, лягушка бултыхнулась в ров и пропала.

Добрых две недели понадобилось Анри, чтобы в порядке разложить всю сваренную рыбу и расставить бочки с засоленной. После этого он позвал кота, и кот в тот же миг явился.

— Вот, Ваше Кошачье Превосходительство,— сказал Анри,— вся ваша рыба сварена и засолена. Соблаговолите же сдержать обещание и переправьте меня на тот берег.

Кот придирчиво осмотрел рыбу и бочки, отведал одну вареную и одну соленую рыбку, облизнулся, ухмыльнулся и сказал:

— Ты славный парень, Анри, я награжу тебя за терпение. Пусть не говорят, что Горный Кот способен забыть об оказанных ему услугах.

С этими словами кот вырвал у себя один коготь и подал его Анри со словами:

— Когда ты затоскуешь или почувствуешь, что становишься старым, коснись этим когтем своего лба. Тоска, заботы и старость отступят от тебя. Коготь этот поможет и тем, кого ты полюбишь, и тем, кто полюбит тебя.

Анри учтиво поблагодарил за столь ценный подарок, взял коготь и решил немедленно испытать его, потому что как раз почувствовал сильную усталость и недомогание. Едва коготь коснулся его лба, как усталость мгновенно прошла и сменилась таким приливом свежих сил, точно Анри выскочил утром из уютной постели.

Кот довольно ухмыльнулся и сказал:

— А теперь сядь мне на хвост.

Анри повиновался. Едва он уселся, как хвост стал вытягиваться и вытягивался до тех пор, пока Анри не очутился на другом берегу рва.

VII

Трава Жизни

Анри на прощание махнул коту рукой и вприпрыжку побежал к воротам сада, в котором росла Трава Жизни, и до которого теперь оставалось шагов сто. Он ужасно боялся, что на пути его встанет еще какое-нибудь непрошенное препятствие. Но до забора сада он дошел без всяких происшествий. Он стал искать, где калитка, и быстро ее нашел. Сад был небольшой, но в нем росло несчетное количество незнакомых растений, и сообразить, которое из них Трава Жизни, было абсолютно невозможно.

По счастью Анри вспомнил, что Фея Добрых Дел наказала ему позвать знахаря, смотревшего за растениями, и он тут же появился. В зарослях растений, что были возле Анри, раздалось шуршание и из них вышел человечек ростом с метелку. Под мышкой он держал толстую книгу, а крючковатый его нос украшали очки; на плечи была накинута черная докторская мантия.

— Что вы ищите, мое дитя? — сказал знахарь и распрямился во весь свой небольшой рост.— И как это вы сумели сюда добраться?

— Господин доктор,— объяснил Анри,— меня послала Фея Добрых Дел, я хочу попросить у вас стебелек Травы Жизни, чтобы вылечить мою бедную умирающую мать.

— Все, кого присылает Фея,— сказал маленький знахарь, приподнимая свою шляпу,— для меня самые желанные гости. Входите, мой маленький друг, сейчас мы отыщем вашу траву.

Он углубился в заросли лекарственных растений, и Анри стоило немалого труда не потерять его из виду,

потому что высокие стебли покрывали старичка полностью. Наконец, они оказались около одиноко стоявшего диковинного растения. Знахарь извлек из кармана кривой ножичек, отрезал один-единственный стебелек и подал его Анри со словами:

— Вот Трава Жизни, мой мальчик. Поступайте с нею так, как посоветовала вам Фея. Но не выпускайте это растеньице из рук, пока не используете по назначению. Если вы его куда-нибудь положите, оно исчезнет, и вы больше никогда его не увидите.

Анри раскрыл рот, чтобы поблагодарить, но человечек уже исчез в чаще своих лечебных трав, оставив Анри одного.

— Как же мне теперь побыстрее попасть домой? — размышлял Анри.— Если я стану спускаться вниз по этой удивительной горе, а мне опять станут попадаться все те же препятствия, я наверняка потеряю свой стебелек. Какая же тогда будет польза от всего моего путешествия?

Но тут он весьма кстати вспомнил о палочке, подаренной Волком.

— Посмотрим,— сказал он,— сумеет ли она перенести меня домой, или все это враки?

С этими словами он уселся верхом на шершавый сучок и пожелал оказаться дома. Тут же могучая сила дернула его вверх, вокруг засвистел рассекаемый воздух, и Анри оказался возле постели матери.

Он бросился к ней и нежно обнял; увы, мать была в забытьи и не слышала его. Анри не стал терять времени, он прижал стебель Травы Жизни к губам больной. В ту же минуту мать открыла глаза, обвила сына руками за шею и воскликнула:

— Дитя мое, дорогой мой Анри, я была так больна, но теперь мне гораздо лучше. И мне очень хочется есть!

Потом она присмотрелась к сыну получше и всплеснула руками:

— Как же ты вырос, мой мальчик! Что с тобою

произошло? Каким образом ты мог так вырасти всего за несколько дней?

А Анри и вправду подрос ладони на две, потому что в отсутствии он пробыл целых два года, семь месяцев и шесть дней. И теперь ему было без малого десять лет. Прежде чем он успел ответить, окно растворилось и через него в комнату стремительно влетела Фея Добрых Дел. Она первым делом расцеловала Анри, потом, приблизившись к постели его матери, рассказала ей обо всем, что Малышу Анри пришлось совершить и что вытерпеть, чтобы спасти ее. Рассказала об опасностях, которым он подвергся, о тяжелых трудах, которые ему пришлось выполнить, о терпении и доброжелательности, которые он проявил. Анри краснел от смущения, слыша, как хвалит его Фея. А мать прижимала Малыша Анри к сердцу и осыпала его поцелуями. Когда улеглось первое волнение и утих переполох, Фея сказала:

— Теперь, Анри, ты можешь пустить в ход подарки Маленького Старичка и Горного Великана.

Анри вытащил из кармана табакерку и открыл ее. Тотчас из табакерки выскочила целая армия маленьких рабочих, каждый не больше пчелы; скоро ими была полна вся комната. Они принялись работать, да с такой сноровкой и проворством, что всего за четверть часа они построили и обставили мебелью очень славный домик, вокруг которого тут же вырос тенистый сад. С одной стороны этой усадьбы оказался густой лес, с другой протянулось хлебное поле.

— Все это теперь твое, мой славный Анри,— сказала Фея. Тот чертополох, что подарил тебе великан, снабдит тебя всем, в чем у тебя возникнет нужда; палочка, подаренная волком, перенесет туда, куда ты захочешь; а коготь кота сохранит тебе здоровье и вечную юность — тебе и твоей маме. Прощай же, Анри, живи счастливо и не забывай, что доброта и сыновняя любовь всегда вознаграждаются.

Анри встал перед Феей на колени, она дала ему поцеловать свою руку, нежно улыбнулась и растворилась в воздухе.

Мать Малыша Анри очень хотела подняться с постели, чтобы насмотреться и налюбоваться на свой новый дом, сад, лес и поле, но у нее не оказалось приличного платья — во время болезни она велела Анри распродать все, что было в доме, чтобы было на что купить хлеба.

— Увы, сынок, сказала она,— я не смогу встать с постели, у меня нет ни юбки, ни платья, ни башмачков, ни чепца.

— Все это сейчас у вас будет, мамочка,— вскричал Анри.

Он вытащил из кармана стебель чертополоха, потрогал колючие его отростки и пожелал, чтобы тотчас появились красивые платья, белье и башмаки для матери, для него самого и в запас — для дома.

В ту же минуту пустые шкафы наполнились бельем, мама оказалась одетой в добротное суконное платье, а Анри — в красивый костюм из голубой шерсти, и башмаки на нем были красивые и прочные, а на маме — и того лучше. У них обоих вырвался крик радости. Мама выскочила из постели, схватила Анри за руку, и они побежали осматривать дом. А дом был теперь полной чашей! Повсюду стояла простая, но удобная мебель; на кухонных полках рядами выстроились все полагающиеся кастрюли, котлы и сковородки — вот только внутри них пока что ничего не было. Но Анри еще раз потрогал свой кустик чертополоха и пожелал, чтобы на столе был накрыт вкусный обед. И перед ними тут же возник стол, на котором дымились две вместительные миски с ароматной похлебкой, а рядом была тарелка с жарким и тарелка с жареной курицей, и тарелка с салатом. Они уселись за стол и стали есть с аппетитом людей, которые голодали года

три. Они съели подчистую сначала суп, потом все жаркое, потом курицу, а салатом они закончили.

А когда они насытились, мать с помощью Анри сняла скатерть, вымыла и убрала на полки посуду, и подмела кухню. Потом они застелили постели теми простынями, которые нашли в шкафах, и легли спать, вознося хвалу небу и Фее Добрых Дел. А мама благодарила судьбу еще и за то, что теперь ее сынишка, ее Анри стал совсем большим. И стали они жить да поживать, в счастье и довольстве, и дом их не знал нехваток, потому что у них был волшебный кустик чертополоха, а сами они не знали горя и страданий, потому что у них был волшебный коготь. А волшебным сучком они никогда не пользовались, потому что были счастливы в своем собственном доме и уезжать или улетать куда-нибудь не испытывали ни малейшего желания.

Анри не злоупотреблял кустиком чертополоха — он попросил у него двух добрых лошадок, да кое-какие вещи, нужные на каждый день. Но он никогда не просил ни лишней одежды, ни лишней еды, и кустик совершенно не износился, его Анри хватило на всю жизнь до самой старости. Насчет того, сколько он прожил, в точности ничего не известно, но поговаривают, что Фея Добрых Дел в конце концов даровала им обоим бессмертие и забрала их к себе во дворец, где они живут до сих пор, и если знать туда дорогу, то можно было бы их навестить и послушать их рассказы насчет того, в чем же заключается секрет той счастливой, самой счастливой жизни, к которой все мы так стремимся.

ИСТОРИЯ ПРИНЦЕССЫ РОЗЕТТЫ

I

Ферма

Жили-были однажды король с королевой, и было у них три дочери. Две старшие девочки, которых звали Оранжина и Руссетта, были близнецами; отец с матерью в них души не чаяли: во-первых, они считали их красавицами, во-вторых, — умницами, а в-третьих, те были ужасно похожи на родителей. Родители, к примеру, были не очень-то добрыми, а Оранжина с Руссеттой — просто-таки злюками, вот какое удивительное сходство! Ну как же их было за это не любить?

Имелась, правда, еще и третья принцесса, на три года младше своих сестер, и звали ее Розеттой. Она была и пригожей, и обходительной, лицом приглядна и душою приветлива. Крестной ее матерью при рождении стала не кто-нибудь, а Очень Важная Фея, и это возбуждало в Оранжине и Руссетте ужасную зависть, потому что им в свое время никаких фей не досталось. Король с королевой попытались пособить делу как могли: через несколько дней после рождения Розетты они отправили ее в деревню и поручили там кормилице, очень славной крестьянке. Вдали от дворца Розетта и прожила вполне счастливо до пятнадцати лет, и за все это время папа с мамой ни разу не заехали ее навестить — видно, недосуг было, да дела государственные мешали. Но они ее все же не забывали — каждый год посылали немножко денег на хлеб да на платьишки и исправно осведомлялись о здоровье. Прав-

да, к себе дочку не приглашали и воспитанием ее вовсе не занимались. Розетта так бы и выросла кулемой да невеждой, если бы Очень Важная Фея не посылала ей тайком лучших учителей и не снабжала приличной одеждой, игрушками да книжками. Под присмотром учителей Розетта выучилась читать, писать, считать и трудиться. А научившись трудиться, она довольно скоро стала хорошей музыкантшей, а потом художницей, а заодно освоила и иностранные языки, что, как вы понимаете, крайне помогает жить. В общем, вышла из нее самая прелестная, самая обворожительная, самая умная принцесса, какая только может быть на белом свете. При этом Розетта всегда слушалась кормилицу и, конечно, крестную. Поэтому ее никогда не ругали, а она никогда не обижалась на мать и на отца, с которыми она попросту не была знакома. И ее никогда не разбирала охота жить в каком-нибудь другом месте, а не на ферме, где было так привольно и спокойно.

Однажды, когда она сидела на лавочке перед домом и зубрила иностранные слова, разыскал ее придворный лакей в ливрее и треугольной шляпе. Собственно говоря, он приблизился и спросил, не может ли она отвести его к принцессе Розетте.

— Конечно, могу,— ответила Розетта,— идти недалеко, принцесса Розетта — это я.

— В таком случае, принцесса,— и лакей почтительно снял шляпу,— соблаговолите принять вот это письмо, его мне поручил вам передать ваш батюшка, король.

Розетта взяла письмо, надорвала конверт и прочла следующее:

«Розетта, Вашим сестрам исполнилось по восемнадцать лет, теперь они — девушки на выданье. Я пригласил принцев и принцесс из всех королевств на свете приехать к нам и принять участие в празднествах, которые я устраиваю, чтобы найти женихов для ваших

сестер. Вам уже пятнадцать, и этот возраст дает Вам право тоже появиться на празднествах. Вы можете приехать и провести во дворце три дня. Через неделю я пришлю за Вами провожатых. Денег на обновки я Вам выслать не могу, мне пришлось порядком потратиться на Ваших сестер. Впрочем, на Вас все равно никто не будет смотреть, а поэтому оденьтесь, как Вам заблагорассудится.

Ваш отец, король.»

Розетта опрометью бросилась к кормилице и дала ей прочесть письмо.

— Ну, ты, небось, рада, что поедешь на праздник? — спросила кормилица.

— Ой, знаешь, я безумно рада! Во-первых, там можно повеселиться, во-вторых, я познакомлюсь с отцом и с матерью, в-третьих, полюбуюсь на своих сестриц. А в-четвертых, я после этого опять вернусь сюда и познакомлюсь с тобой как бы заново!

— Это все очень мило,— сказала кормилица, покачивая головой,— а в каком же платье ты явишься ко двору, бедное мое дитя?

— В белом полотняном платье, которое я надеваю по воскресеньям, дорогая кормилица!

— Бедная моя малышка, это платье очень хорошо носить в деревне, но оно будет выглядеть совсем бедно в глазах королей и принцев.

— Ну и подумаешь! Мой отец и сам говорит, что на меня никто не собирается смотреть. А это очень удобно: я все увижу, а меня не увидит никто.

Кормилица вздохнула, ничего не ответила и принялась штопать, стирать и гладить единственное приличное платье Розетты. За день до приезда королевских посланцев кормилица позвала Розетту и сказала:

— Вот тебе, милая девочка, платье для королевского

бала. Береги его, другого у тебя нет, а там его тебе никто не выстирает и не отгладит.

— Спасибо тебе, кормилица! Не беспокойся, я буду его очень беречь.

Кормилица уложила в небольшой чемоданчик платье, белую юбку, бумажные чулки, башмачки из черной кожи и маленький букетик полевых цветов, который Розетта должна была приколоть себе в волосы. В тот момент, когда она закрывала крышку чемоданчика, окно с силой распахнулось и в комнате появилась Очень Важная Фея.

— Ты, я слышала, собираешься ко двору короля, милая Розетта?

— Да, дорогая крестная, на целых три дня.

— И какие же туалеты ты припасла на эти три дня?

— О, у меня все в порядке. Вот посмотрите.

И она показала на не закрытый еще чемоданчик. Фея загадочно улыбнулась, извлекла из кармана небольшой флакончик и сказала:

— Я хочу, чтобы моя Розетта произвела фурор своими туалетами. А то, что здесь лежит, ее совершенно недостойно.

Она открыла флакон и уронила капельку духов на белое платье. Платье тут же стало желтым, старым и грязным, измятым и ветхим, материя стала напоминать ветошь, идущую на половые тряпки. Другая капля духов упала на чулки, и они из белых стали грязно-синими. Третья капля упала на букет и он стал куриным крылышком для смахивания пыли, а вполне еще приличные черные туфли стали топорными огородными чёботами.

— Вот теперь совсем другое дело,— удовлетворенно сказала Фея.— Во всем этом появиться при дворе будет совсем не стыдно. А чтобы довести дело до конца, вот тебе ожерелье на шею, наколка в прическу и пара браслетов на запястья.

Сказав это, она вынула из кармана и положила в чемоданчик ожерелье из лесных орешков, наколку из можжевеловых ягод и браслеты из сухой фасоли.

Потом она чмокнула ошеломленную Розетту в лоб и исчезла.

Розетта и кормилица в недоумении переглянулись. Кормилица, придя в себя, разразилась рыданиями.

— Подумать только, а я так старалась из-за этого несчастного платья! Вместо него, значит, можно было просто накинуть на плечи половую тряпку! Ах, Розетта, бедная моя Розетта, не ездите вы на этот праздник, скажитесь-ка лучше больной!

— Ну уж нет,— сказала Розетта,— этим я бы очень подвела свою крестную. Я непременно поеду и надену на себя все, что мне оставлено.

И Розетта перестала обращать внимание на свой туалет.Она улеглась спать и спала совершенно спокойно.

На следующее утро, едва она убрала волосы и оделась, за ней прикатила королевская карета. Она расцеловала кормилицу, закинула чемоданчик на запятки и была такова.

II

Розетта при дворе короля, своего отца.

День первый

Дорога продлилась всего два часа, потому что королевский дворец находился всего в шести верстах от усадьбы, где жила Розетта.

Когда Розетта добралась до места, она нимало была

удивлена, увидев, что карета въехала в маленький грязный двор; ее встретил паж.

— Добро пожаловать, принцесса, я уполномочен проводить вас в ваши апартаменты.

— Не могу ли я для начала приветствовать королеву? — робко спросила Розетта.

— Принцесса, вы увидите королеву через два часа, когда всех пригласят к обеду. А пока что вы можете заняться вашим туалетом.

Розетта последовала за пажом; тот повел ее длинным-предлинным коридором, в конце которого виднелась лестница. Она долго поднималась по крутым ступенькам, а потом попала в другой коридор, в котором, собственно говоря, и находилась предназначенная ей комната. Это была маленькая комнатка в мансарде, в которой почти не было мебели. Королева, похоже, отвела Розетте комнату служанки. Паж поставил чемоданчик Розетты в угол и сказал ей сконфуженно:

— Соблаговолите извинить меня, принцесса, что я привел вас в эту грязную комнату, явно недостойную вас. Королева во все приличные апартаменты поместила иноземных королей и королев, приглашенных на празднества. Больше у нее в распоряжении ничего не осталось, и вот...

— Прекрасная комната, просто прекрасная,— с улыбкой прервала его Розетта.— У меня нет ровно никаких жалоб, мне здесь очень нравится.

— В положенный час я приду за вами, принцесса, чтобы проводить вас к Их Королевским Величествам.

— Я буду готова,— сказала Розетта,— до свиданья, милый паж!

Розетта принялась разбирать чемодан. На сердце у нее было тяжело — со вздохом она вытащила свое грязное платье из ветоши, и все остальные вещи, и начала причесываться, поставив на стол кусок зеркала, валявшийся на полу в углу комнаты. Она проявила

чудеса ловкости и очень удачно уложила свои красивые светлые волосы, приладила куриное крылышко и наколку из можжевеловых ягод, и все это стало выглядеть почти красиво. Когда же она обулась в свои чёботы и натянула платье из ветоши, то ужасно удивилась, увидев, что платье на ней из золотой парчи, расшито рубинами и выглядит сказочно прекрасным! А ее огородные чёботы превратились в миниатюрные бальные башмачки из белого сатина с пряжками из огромных прозрачных рубинов. Чулки стали шелковыми, тонкими, точно сотканными из паутинки. В ожерелье тоже темнели рубины, окруженные алмазными венчиками, а в браслетах сверкали бриллианты, да такие, каких никто ни при каком дворе не видывал. Розетта подбежала к зеркалу и увидела, что куриное крылышко обернулось великолепной гребенкой, а наколка из можжевеловых ягод стала карбункулом такой красоты и блеска, что надеть его осмелилась бы разве что фея.

Розетта, счастливая, восхищенная, прыгала как маленькая в своей тесной комнатушке и во весь голос благодарила свою добрую крестную. Оказалось, что та просто хотела испытать ее послушание, а испытав, так роскошно ее наградила.

Паж постучался в дверь, вошел и попятился обратно, ослепленный красотой Розетты и богатством ее убора. Розетта последовала за ним. Он заставил ее спуститься по множеству лестниц, провел через бесчисленные покои, и, наконец, они вошли в анфиладу великолепных гостиных, где толпились короли, принцы и богато одетые дамы.

Все приостанавливались и оборачивались, с восхищением оглядывая Розетту, которая, смущаясь от того, что все на нее смотрят, не осмеливалась поднять глаза.

Паж, наконец, остановился и сказал Розетте:

— Принцесса, вот король и королева.

Она вскинула глаза и действительно увидела перед

собою короля и королеву, которые смотрели на нее с комичным изумлением.

— Мадемуазель,— обратился к ней король,— благоволите назвать ваше имя! Вы, без сомнения, могущественная повелительница империи, или высокопоставленная фея, не так ли? В таком случае ваш неожиданный визит для нас большая честь и счастье!

— Сир,— сказала Розетта, став на одно колено,— я вовсе не фея и не императрица, я ваша дочка Розетта, которую вы соблаговолили пригласить ко двору.

— Розетта! — вскричала королева.— Какой ужас! Розетта — в богатом платье, какого даже я не носила никогда! Позвольте спросить вас, мадемуазель, кто это пожаловал вам все эти прелестные вещицы?

— Это — подарки моей крестной, мадам,— скромно сказала Розетта. И после некоторого замешательства добавила: — Позвольте мне, мадам, поцеловать вашу руку, и познакомьте меня с моими сестрами.

Королева, сухо поджав губы, протянула ей руку.

— Вот ваши сестры, милочка,— сказала она, указывая на Оранжину и Руссетту, что стояли справа и слева от нее.

Бедная Розетта, опечаленная холодным приемом со стороны отца и матери, обернулась к сестрам и хотела их обнять, но они отпрянули с неприязнью, боясь, как бы Розетта, обнимая их, не повредила белила да румяна, которыми они немилосердно намазались. Оранжина румянилась, чтобы замаскировать желтоватый цвет лица, а Руссетта белилась — чтобы скрыть красные пятна на щеках.

Но Розетта, которую сестры, можно сказать, оттолкнули, скоро оказалась окруженной целой толпой приглашенных на празднество дам и принцев. Поскольку она вела беседу учтиво и приветливо, и при этом на всех иностранных языках, какие только есть на земле,

она легко очаровывала любого из гостей, который к ней приближался. Оранжина и Руссетта просто умирали от ревности. Король и королева тоже были в ярости, поскольку на Розетту перешло все внимание гостей. Сестры больше не были никому интересны. За столом юный король Шармант, владелец красивого и обширного королевства, которого Оранжина рассчитывала на себе женить, уселся рядом с Розеттой и в течение всего обеда разговаривал только с ней. После обеда Оранжина и Руссетта, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание, предложили спеть. Пели они очень хорошо, аккомпанируя себе на арфе.

Розетта, которая была девушкой доброй и желала, чтобы сестры ее полюбили, от души аплодировала их пению и хвалила их таланты. Но Оранжина, вместо того, чтобы ответить на эти благородные чувства, решила, что устроит Розетте каверзу, если попросит спеть и ее. Розетта скромно отнекивалась, сестры решили, что она петь не умеет, и стали настаивать изо всех сил. Тут и королева решила, что неплохо бы посадить Розетту в галошу, и присоединилась к просьбам Руссетты и Оранжины, а в конце концов просто приказала Розетте петь. Тогда Розетта отвесила королеве низкий поклон.

— Я повинуюсь,— сказала она.

Она села к арфе. Движения ее были на редкость точны и изящны, сестры удивились и насторожились. Когда Розетта заиграла на арфе вступление, сестры хотели ее остановить,— они сразу увидели, что не годятся ей и в подметки. Но когда раздался ее красивый, мелодичный голос, когда она запела романс собственного сочинения о том, какое счастье быть добрым и любимым в своей семье, слушатели затрепетали от восхищения. Восторг был всеобщим, и сестры чуть не упали в обморок от злобы. Король Шармант был

потрясен до глубины души. Он подошел к Розетте; в глазах его стояли слезы.

— Милая, восхитительная принцесса,— сказал он,— никогда еще в моих ушах не раздавалось более нежного голоса. Я был бы так счастлив послушать еще что-нибудь.

Розетта, давно уже отметившая, что сестры ревнуют, извинилась, сославшись на усталость. Однако, король Шармант, бывший человеком умным и проницательным, понял истинную причину отказа Розетты и восхитился ею еще больше.

Королева, выведенная из себя успехом Розетты рано закончила вечер, и все разошлись по своим спальням.

Розетта стала раздеваться. Она сняла платье и украшения и сложила все это в роскошный ларец черного дерева, который неизвестно откуда взялся в ее комнате. Только принцесса закрыла ларец, как он превратился в ее скромный деревянный чемоданчик, в котором она обнаружила свое платье из ветоши, куриное крылышко, можжевеловые ягоды, фасолины, огородные чёботы и синие чулки. Но Розетта ничуть не встревожилась, уверенная, что когда придет время, крестная все устроит как нужно. Правда, ее немного расстроили холодность родителей и зависть, проявленная сестрами. Но поскольку она познакомилась с ними совсем недавно, то эти неприятные впечатления тут же уплыли и заменились воспоминаниями о короле Шарманте, который был так обходителен и мил! Вспоминая Шарманта, она скоро уснула, и на следующее утро проснулась только к полудню.

III

Семейный совет

В то время как Розетту занимали мысли светлые и приятные, король с королевой и Оранжина с Руссеттой не находили себе места от злости. Все вчетвером они собрались в спальне королевы.

— Это ужасно,— говорили принцессы.— Зачем нужно было приглашать эту мерзкую Розетту с ее ослепительными нарядами, на которые пялят глаза все короли и принцы. Вы что же, отец, пригласили ее специально, чтобы нас унизить?

— Клянусь вам, девочки,— оправдывался король,— я написал ей это письмо только по настоянию Очень Важной Феи. Я и понятия не имел, что она так красива, и что...

— Красива! — тут же перебили принцессы.— С чего это вы взяли, что она красива? Она уродлива и глупа, тут не может быть двух мнений. На нее все пялят глаза только благодаря ее туалету. Почему вы пожалели для нас ваши фамильные драгоценности, почему не выдали из кладовых самые красивые ткани? Это по вашей милости мы выглядим замарашками рядом с этой задавакой!

— Да где же мне взять камни такой красоты? В королевской сокровищнице нет ничего похожего. Это все ее крестная, она наверняка одолжила ей свои.

— А зачем вы вытребовали фею Розетте в крестные, в то время как у нас в крестных простые королевы?

— Ваш отец и не думал звать эту фею,— вмешалась королева.— Она явилась по собственной инициативе,

без всякого приглашения. Явилась и сказала, что желает быть крестной матерью Розетты.

— Нам не нужно ссориться,— сказал король.— Нам нужно найти какой-нибудь способ, чтобы отделаться от Розетты и помешать королю Шарманту расточать ей комплименты.

— Нет ничего легче,— сказал королева.— Завтра я велю сорвать с нее все ее побрякушки. Я сама сдеру с нее это отвратительное, безвкусное платье. А моим слугам я велю отвезти ее обратно на ферму и больше никогда не впускать во дворец.

Но едва она закончила свои слова, как в комнате появилась Очень Важная Фея, и вид у нее был сердитый, даже грозный.

— Если вы хоть пальцем дотронетесь до Розетты,— сказала она звучным голосом,— если вы откажете ей в приюте, и если вы не допустите ее хотя бы на один из ваших праздников, то мой гнев поразит вас. Вы, недостойный король, и вы, бессердечная королева, будете превращены в жаб, а вы, две отвратительные девчонки, станете гадюками. Так что советую вам быть посмирнее.

И, сказав эти слова, она исчезла.

Король с королевой и обе принцессы были страшно напуганы. Они разошлись по своим спальням, не осмеливаясь произнести ни слова, но чуть не лопались при этом от ярости. Принцессы спали плохо, а наутро еще больше разозлились, когда увидели, что под глазами у них мешки, а лица перекошены; видно, зависть не давала им покоя даже во сне. Напрасно они накладывали на лица белила и румяна, напрасно колотили своих горничных — красивее они все равно не стали. Король и королева терзались не меньше, чем их дочери, но утихомирить их злобу было решительно нечем.

IV

День второй

Толстая служанка принесла Розетте хлеба и молока и предложила помочь одеться. Розетта не очень-то хотела демонстрировать перед служанкой превращения, которые происходили с ее нарядом, а поэтому поблагодарила и сказала, что она привыкла одеваться и причесываться сама.

Она начала свой туалет — хорошенько умылась, расчесала и уложила волосы. Потом поискала вчерашний великолепный гребень с карбункулом, чтобы воткнуть его в волосы. Но в комнате по-прежнему стоял только ее деревянный чемоданчик и на нем лежала записка. Розетта взяла ее и прочла:

«Розетта, все ваши вещи у вас дома. Надевайте, как и вчера, ту одежду, что вы привезли с фермы».

Розетта не стала долго раздумывать — она знала, что Фея не даст ее в обиду. Она приладила в волосы куриное крылышко — правда, немного иначе, чем накануне. Так же она поступила с наколкой из можжевеловых ягод. Потом надела свое платьишко, чёботы, ожерелье из лесных орешков и фасолевые браслеты, после чего решила глянуть на себя в зеркало. Но тут она была в очередной раз поражена, потому что в зеркале увидела, что облачена в богатый костюм для верховой езды — в небесно-голубую амазонку с пуговицами из крупных, как грецкие орехи, жемчужин. Подол юбки был оторочен витым шнуром с нанизанными на него жемчужинами поменьше, величиной с лесной орех. На голове у нее красовалась маленькая шапочка из того же небесно-голубого бархата, укра-

шенная ослепительно-белым пером. Вуаль шляпки спадала до самой талии и была приколота жемчужиной невиданной величины и красоты. Из голубого бархата были и сапожки, расшитые золотыми нитями с жемчужным бисером. Браслеты и ожерелье были тоже из жемчужин, таких отборных и чистых, что каждая из них вполне стоила всего королевского дворца.

Она хотела уже открыть дверь, чтобы следовать за пажом, который стучался с той стороны, но в это время чей-то голос сказал ей на ухо:

— Розетта, садитесь только на ту лошадь, которую подведет к вам король Шармант.

Она поспешно обернулась, но никого не увидела, и поняла, что предупреждение это наверняка исходит от Феи.

— Спасибо, дорогая крестная,— вполголоса молвила она. Она почувствовала, как ее нежно поцеловали в щеку и улыбнулась благодарно и счастливо.

Паж проводил ее, как и накануне, в гостинные покои, где она произвела еще большее впечатление, чем накануне. Ее облик, нежный и приветливый, красота лица, элегантная шляпка и очаровательный костюм притягивали все взгляды и сердца. Король Шармант, поджидавший Розетту, вышел вперед, предложил ей руку и подвел ее к королю с королевой, которые поздоровались с нею еще более холодно, чем вчера. Оранжина и Руссетта чуть не умерли с досады, увидев новый наряд Розетты, и не захотели даже сказать ей «здравствуй».

Розетта несколько опешила от такого приема. Король Шармант, видя ее замешательство, приблизился и попросил позволения быть ее кавалером во время лесной охоты.

— Это доставит мне громадное удовольствие, сир,— ответила Розетта, которая не умела скрывать своих чувств.

— Мне кажется,— сказал король Шармант,— что я ваш брат, такую привязанность к вам я чувствую, милая принцесса. Позвольте же мне не отходить от вас и защищать вас, если вам станет угрожать какая-нибудь опасность.

— Для меня честь и счастье быть в обществе короля, столь достойного того имени, которое он носит.

Король Шармант — а это означает Восхитительный — был в восторге от ее ответа, и несмотря на досадливые ужимки Оранжины и Руссетты, на все их усилия увлечь его с собою, он так больше и не отошел от Розетты.

После завтрака все спустились в парадный двор, где были поданы верховые лошади. Какой-то паж подвел к Розетте красивого вороного жеребца, которого с трудом удерживали два конюха и который выглядел норовистым и злым.

— Вы не должны садиться на эту лошадь, принцесса,— сказал король Шармант, она вас погубит. Приведите-ка другого коня,— добавил он, повернувшись к пажу.

— Король и королева ясно распорядились, чтобы принцесса не садилась ни на какого другого коня, кроме этого,— возразил паж.

— Дорогая принцесса, соблаговолите минутку подождать, я приведу вам лошадь, достойную нести столь бесценный груз. Только прошу вас, не вздумайте сесть на эту.

— Я буду вас ждать, сир,— сказала Розетта с милой улыбкой.

Через несколько мгновений король Шармант появился снова, ведя на поводу прекрасную, белую как снег лошадь. Седло у нее было обтянуто голубым бархатом и расшито жемчугами, а уздечка украшена золотом и мелкими жемчужинами. Когда Розетта со-

бралась сесть на нее, лошадь подогнула колени, и выпрямилась только тогда, когда Розетта была в седле.

Король Шармант проворно запрыгнул на свою рыжую кобылку и пристроился к белому коню Розетты.

Король, отец Розетты, королева и обе принцессы все это прекрасно видели. Они побледнели от досады, но предпринять ничего не осмелились — уж очень они боялись превратиться в жаб и гадюк.

Король дал сигнал к отправлению. У каждой дамы был собственный кавалер. Оранжине и Руссетте пришлось удовольствоваться двумя худородными принцами; понятно, что они не были ни столь видными, ни столь обаятельными, как король Шармант. От этого сестры выглядели необычайно надуто, и принцы тут же поклялись, что лучше останутся на всю жизнь холостяками, чем женятся на столь малоприятных особах.

Вместо того, чтобы следовать за кавалькадой охотников, король Шармант и Розетта остались в аллеях парка, примыкавшего к лесу. Они беседовали и рассказывали друг другу о своей жизни.

— Одного не понимаю,— сказал Шармант,— если король, ваш батюшка, не пожелал вас видеть столько лет, то как же он решил вам дать драгоценности короны, эти удивительные украшения, достойные феи.

— Драгоценностями я и в самом деле обязана только доброте моей крестной,— ответила Розетта.

И она рассказала королю, как воспитывалась на деревенской ферме, как благодаря Очень Важной Фее она научилась всему, что теперь знала и умела, и как благодаря заботам Феи она все эти годы ни в чем не испытывала недостатка.

Шармант слушал ее с нескрываемым интересом и нежным участием.

Он, в свою очередь, рассказал ей, что в семилетнем возрасте остался сиротой, что его образованием руководила Фея Осмотрительности, и именно она послала

его на празднества, устроенные отцом Розетты, сказав, что на этих празднествах он найдет себе идеальную супругу, которую так давно искал.

— Я и в самом деле полагаю, дорогая Розетта, что в вас нашел ту совершенную женщину, о которой мне говорила моя фея. Удостойте же меня чести соединить вашу жизнь с моей и позвольте попросить у Их Величеств вашей руки.

— Прежде, чем ответить вам, дорогой мой принц, мне нужно запастись позволением моей крестной. Но поверьте мне, я была бы бесконечно рада такому спутнику жизни, как вы.

Как мы можем видеть, утро для Розетты и короля Шарманта прошло наиприятнейшим образом. А когда оно кончилось, Розетта и Шармант вернулись во дворец, чтобы переодеться к обеду.

Розетта вскарабкалась к себе в мансарду. Войдя в комнатку, она увидела красивый сундучок из розового дерева. Крышка была откинута, внутри ничего не было. Она разделась; вещи, по мере того, как она снимала их с себя, сами укладывались в сундучок и располагались там в образцовом порядке. Когда сундучок наполнился, крышка захлопнулась сама собой, и в тот же миг сундучок обернулся ее стареньким чемоданчиком. Она переделала себе прическу, потом снова оделась в свое рубище, взглянула в осколок зеркала — и не могла сдержать возгласа восхищения. На ней было газовое платье — такое легкое, тонкое и ажурное, что казалось сшитым из крыльев бабочек. Оно было усеяно маленькими алмазиками, вспыхивавшими словно крохотные искры. Подол, корсаж и талия были отделаны каймой с алмазами средней величины, сиявшими как звездочки. Волосы были наполовину прикрыты сеткой, сверкавшей алмазной крошкой, а кромку сетки оттягивали овальные алмазные подвески, ниспадавшие на шею; каждый алмаз был величиной со сливу и стоил целого

королевства. Ожерелье и браслеты тоже были из алмазов, таких крупных и блестящих, что при пристальном взгляде на них становилось больно глазам.

Розетта опять прошептала «спасибо», и опять кто-то невидимый нежно коснулся губами ее щеки.

Она последовала за пажом и скоро оказалась в гостинных покоях. Король Шармант ждал ее у дверей. Он предложил ей руку и проводил до салона, в котором были король с королевой. Розетта подошла и почтительно с ними поздоровалась. Шармант, как и утром, стал рядом с Розеттой и больше от нее не отходил. Он стал свидетелем и восхищения, которое Розетта внушала всем гостям, и досады, которую ее сестры даже не считали нужным скрывать. Розетта была очень опечалена тем, что у отца с матерью и у сестер она вызывает только ненависть. Шармант заметил ее печаль, спросил о причине — она, не таясь, ему ответила.

— Когда же, Розетта, вы разрешите мне просить у короля вашей руки? Знайте, в моем королевстве вы будете окружены всеобщей любовью, а более всех остальных вас буду любить я.

— Подождите до завтра, сир. Завтра я сообщу вам ответ — я намерена спросить совета у крестной.

Гостей пригласили к обеду. Шармант сел рядом с Розеттой, и они принялись мило болтать о том и о сем.

Когда обед подошел к концу, король распорядился, чтобы тут же начинали бал. Оранжина и Руссетта, которые уже десять лет брали уроки танцев, танцевали очень хорошо, и им не хватало разве что изящества. Они знали, что Розетта никогда раньше не бывала ни на празднествах, ни на балах, и с издевкой попросили ее показать свое искусство. Скромная Розетта отнекивалась, как могла — ей не хотелось быть центром всеобщего внимания и ловить на себе десятки чужих взглядов. Но чем больше она отказывалась, тем неотвязнее становились сестры, надеявшиеся, что если

Розетта пойдет танцевать, то дело кончится конфузом. Тут вмешалась королева и положила конец спору — она властно приказала Розетте станцевать тот же танец.

Розетте пришлось повиноваться; Шармант, видя, что она в затруднении, сказал:

— Я буду вашим кавалером, дорогая Розетта; если окажется, что вы не знаете какой-нибудь фигуры, ничего страшного — выждите, я исполню ее один.

— Спасибо, Ваше Величество, за доброту. С радостью избираю вас своим кавалером и надеюсь, что не заставлю вас краснеть.

Розетта и Шармант начали свой танец. Никто из присутствующих никогда не видел более грациозной, более живой, более легкой на ногу пары. Гости смотрели на них со все возрастающим восхищением. Розетта танцевала настолько лучше Оранжины и Руссетты, что обе принцессы кусали губы от досады и чуть не бросились на Розетту, чуть не надавали ей пощечин, чуть не сорвали с нее алмазы. Король и королева, правда, не теряли дочерей из виду, поняли их намерения, вовремя остановили и стали шептать им на ухо:

— Не забывайте об Очень Важной Фее, дочки! Наберитесь терпения, завтра все устроится!

Когда танец закончился, со всех сторон раздались аплодисменты, и все стали настойчиво кричать «бис, бис!» Поскольку Розетта и Шармант совсем не устали, они не заставили себя просить и станцевали еще один танец, оказавшийся даже изящнее и грациознее предыдущего. Вот тут Оранжина и Руссетта не выдержали. Они упали в обморок от душившей их злобы, и их вынесли из зала. Лица обеих девушек были так искажены злобой и завистью, что на них не осталось и следа красоты. Никто о них не сожалел, потому что все поняли, как они мелочны и злы. Зато аплодисменты и восторги в адрес Розетты стали совершенно неистовыми, и пришлось ей спасаться в саду, куда за ней последовал и король Шармант. Весь

остаток вечера они прогуливались по дорожкам и строили планы на будущее, так как надеялись, что Очень Важная Фея все-таки позволит Розетте выйти замуж за короля Шарманта. Алмазы Розетты распространяли вокруг такое сияние, что тысячью звездочек осветились и аллеи, по которым они проходили, и беседки, в которых они присаживались отдохнуть.

Но вечер заканчивался, нужно было прощаться.

— До завтра! — сказал Шармант.— Надеюсь, что с завтрашнего дня мы больше не будем расставаться.

Розетта поднялась к себе в комнату; как только она разделась, ее богатый убор сам разместился в ларце, еще более роскошном, чем два предыдущих — он был вырезан из слоновой кости и украшен гвоздиками со шляпками из бирюзы. Юркнув под одеяло, Розетта потушила свечу и тихо прошептала:

— Дорогая крестная, что же мне ответить завтра королю Шарманту? Подскажите мне ответ, милая крестная! Как вы скажете, так я и сделаю.

— Скажите ему «да», милая Розетта,— ответил нежный голос феи.— Ведь я сама и задумала этот брак, а чтобы познакомить вас с королем Шармантом, я заставила вашего отца пригласить вас на празднества.

Розетта поблагодарила Фею, почувствовала на своих щеках не один, а целых два поцелуя своей доброй покровительницы, и уснула крепко и спокойно.

V

День третий, последний

В то самое время, когда Розетта мирно спала, король, королева, Оранжина и Руссетта, не находя себе

места от возмущения, бранились, обвиняли во всем друг дружку, удивлялись успеху Розетты и считали, что они глубоко и несправедливо обижены. У них оставалась последняя надежда. На завтра были назначены гонки на колесницах. Каждой колесницей, запряженной парой лошадей, должна была управлять какая-нибудь дама. И они решили, что дадут Розетте высокую и неустойчивую колесницу, а запрягут в нее двух молодых лошадей, брыкливых и необъезженных.

— Вряд ли у короля Шарманта найдется запасная колесница с парой впряженных в нее лошадей,— сказала королева.— Давеча он дал ей свою верховую, однако, не думаю, что он захватил с собой еще и снаряженную колесницу.

Отрадная мысль, что назавтра Розетта может быть убита или тяжело ранена, или изувечена, восстановила мир между четырьмя членами этой зловредной семейки. Они тоже отправились спать, прикидывая, какие еще могут найтись способы, чтобы отделаться от Розетты — на тот, конечно, случай, если гонка на колесницах не даст нужного результата.

Думая над всем этим, Оранжина и Руссетта почти не спали, и наутро обе они были страшны, как смертный грех.

Розетта же, у которой совесть была спокойна, а сердце полно радости, мирно отдыхала всю ночь. Накануне она очень устала и утром немного заспалась.

Когда она проснулась, у нее едва оставалось время, чтобы проделать утренний туалет. Толстая девчонка-скотница принесла ей кружку молока и ломоть черного хлеба. Таковы были распоряжения королевы — она хотела, чтобы с Розеттой обращались, словно со служанкой. Розетта не стала капризничать — она с аппетитом пожевала хлеба, запила его молочком и начала причесываться.

Ларец из слоновой кости исчез, поэтому ей

пришлось, как и в предыдущие дни, напялить платье из ветоши, приладить куриное крылышко и все остальное, после чего она заглянула в осколок зеркала.

На ней был костюм наездницы из золотистого сатина, вышитый спереди и отороченный внизу сапфирами и изумрудами. Голову украшала шляпка из белого бархата с пучком разноцветных перьев всевозможных экзотических птиц, схваченным сапфиром, величиной с голубиное яйцо. На шее, на цепочке отборных сапфиров висели маленькие часики с циферблатом из опала и корпусом из выдолбленного сапфира, защищенные алмазным стеклышком. Часы исправно тикали, не отставали, не забегали вперед и не нуждались в заводе.

Розетта услышала, как в дверь постучали. Она отошла от зеркала и последовала за пажом.

Войдя в гостинные покои, она увидела короля Шармента, который ждал ее с большим нетерпением; он устремился навстречу Розетте, предложил ей руку и в тревоге спросил:

— Я так волнуюсь, дорогая принцесса! Что сказала вам Фея? Какой ответ дадите вы мне?

— Тот самый, что продиктовало мне мое сердце. Шармант, я готова посвятить вам мою жизнь, как и вы посвятите мне вашу.

— Спасибо, тысячу раз вам спасибо, дорогая моя, очаровательная Розетта. Когда же я смогу поговорить с вашим отцом?

— Как только мы вернемся во дворец после гонки на колесницах, дорогой король.

— Разрешите мне добавить при разговоре с вашим отцом просьбу, чтобы брачная церемония совершилась сегодня же? Мне очень хочется поскорее избавить вас от вашей ужасной семьи и увезти к себе в королевство!

Розетта была в нерешительности, но в ушах ее раздался голос Феи:

— Соглашайтесь, крестница!

В то же самое время тот же голос прозвучал и в ушах Шармента, но сказал он совсем другое:

— Поторопитесь с женитьбой, король Шармант, и поговорите с отцом Розетты прямо сейчас. Жизни Розетты угрожает опасность, а я в течение целой недели не смогу ей покровительствовать — сегодня после захода солнца я должна отбыть из дворца.

Шармант задрожал от страха за Розетту и сообщил ей то, что услышал. Розетта ответила, что таким предостережением не следует пренебрегать, ибо оно, конечно же, исходит от Очень Важной Феи.

Розетта отправилась поздороваться с королем, королевой и сестрами. Но никто из них не пожелал с ней разговаривать и даже не взглянул на нее. Зато ее сразу окружила толпа принцев и королей, и каждый готов был тут же предложить ей руку и сердце, но только никто из них не осмеливался об этом сказать — король Шармант следовал за нею по пятам, не отпуская ни на шаг.

После завтрака все спустились вниз и стали рассаживаться по колесницам. Мужчины сопровождали гонки верхом, женщины же являлись героинями дня — они должны были править колесницами.

К Розетте подогнали выбранную королевой колесницу. Шармант успел схватить Розетту за руку в тот самый момент, когда она уже готовилась сесть на кучерское место.

— Вы не должны садиться в эту колесницу, принцесса! Посмотрите-ка на лошадей!

Розетта взглянула и увидела, что каждую из лошадей удерживают четверо конюхов, а лошади храпят и в нетерпении гарцуют на месте.

В этот момент неизвестно откуда взявшийся изящ-

ный маленький жокей, одетый в желтую сатиновую ливрею с голубой шнуровкой, выкрикнул серебристым дискантом:

— Колесница принцессы Розетты!

И все увидели, как к крыльцу подъехала маленькая колесница, украшенная жемчугом и перламутром и запряженная двумя великолепными белыми конями, в сбруе из полос желтого бархата, разукрашенной сапфирами.

Шармант не был уверен, должен ли он позволить Розетте сесть в этот никому не знакомый экипаж — он с полным основанием опасался какой-нибудь мерзости со стороны короля и королевы. Но голос Феи сказал над его ухом:

— Пусть Розетта сядет в эту колесницу. Я дарю ее вам обоим вместе с лошадьми. Следуйте, Шармант, за нею повсюду, куда бы ни направила ее принцесса. День в разгаре, я могу посвятить Розетте только несколько часов. Нужно, чтобы еще до наступления вечера она пересекла границу вашего королевства.

Шармант торопливо помог Розетте подняться в колесницу, а сам сел верхом. Колесницы начали гонку, тронулась и колесница Розетты. Шармант следовал вплотную за ней. Через минуту-другую две колесницы, каждой из которых управляла женщина, плотно закутанная в вуаль, стали обгонять колесницу Розетты. Одна из них с такой силой врезалась в колесницу Розетты, что та неминуемо разбилась бы в щепы, не будь она построена руками феи. В результате именно тяжелая колесница неизвестной развалилась на куски, женщину в вуали выбросило на камни, и она теперь лежала без движения. Пока Розетта, узнавшая в этой женщине Оранжину, пыталась остановить лошадей, вторая колесница тоже понеслась на экипаж Розетты

и обрушилась на него с еще большей силой. Но ее постигла точно такая же участь — она была разбита в щепки, а женщину-возницу швырнуло на камни, которые, казалось, специально кто-то подложил для этой цели.

Вглядевшись, Розетта узнала свою вторую сестру. Она хотела спешиться и помочь, но Шармант стал ее торопить:

— Время идет, Розетта,— сказал он,— не забывайте предостережение Феи.

— Да, не медлите,— раздался в воздухе голос Феи,— сейчас подоспеет король с отрядом егерей, они хотят убить вас обоих. Через несколько часов зайдет солнце, у меня осталось совсем мало времени, чтобы спасти вас. Доверьтесь моим лошадям, король Шармант, спешьтесь и перейдите в колесницу.

Шармант, не колеблясь, прыгнул в колесницу и уселся рядом с Розеттой, которая от страха была ни жива, ни мертва. Лошади взяли так резво, что всего за час пробежали верст двадцать. Еще долго позади виднелся гнавшийся за ними отряд — множество людей, вооруженных саблями, пиками и алебардами. Но куда им было тягаться с волшебными лошадьми Феи! Колесница летела, как молния, и стало казаться, что лошади делают уже верст по сто в час. Так они мчались часов шесть — и вдруг кони остановились как вкопанные у парадного крыльца. Это был дворец короля Шарманта, они ушли от погони!

Дворец сиял огнями иллюминации, все придворные и слуги в праздничных нарядах ожидали прибытия короля, выстроившись перед крыльцом.

Король и Розетта были в изумлении, они не понимали, почему их встречают с такой пышностью, точно все были извещены заранее. Едва Шармант

подал руку Розетте и помог выйти из колесницы, они увидели перед собою Очень Важную Фею, которая сказала им:

— Добро пожаловать в ваши владения. А вы, король Шармант, следуйте за мной, потому что все готово для вашей свадьбы. Отведите Розетту в предназначенные ей апартаменты, пусть она там переоденется, а я тем временем объясню вам все, чего вы еще не поняли в событиях сегодняшнего дня. У меня в запасе есть целый час.

Король Шармант и Фея отвели Розетту в роскошные апартаменты, украшенные и меблированные с изысканным вкусом. Там Розетту уже ждали служанки.

— Я приду за вами через несколько минут, дитя мое,— сказала Фея,— не удивляйтесь, что я то и дело смотрю на часы.

Она вышла из комнаты вместе с Шармантом и сказала ему:

— Ненависть короля и королевы к Розетте приняла такие размеры, что они пренебрегли страхом перед моей местью и решили отделаться от Розетты. Их первая хитрость во время состязания колесниц не удалась, потому что я своими лошадьми заменила тех, что должны были убить Розетту, и тогда они решили прибегнуть к помощи оружия. Король призвал на помощь шайку разбойников, которые поклялись слепо ему повиноваться. Они пустились в погоню по вашим следам, а поскольку король видел вашу любовь к Розетте и понимал, что вы будете защищать ее до смерти, он решил и вас принести в жертву собственной ненависти. Оранжина и Руссетта, ничего не зная о планах короля, попытались умертвить Розетту тем способом, который вы видели — то есть разбив ее маленькую и легкую колесницу своими тяжелыми

и массивными колымагами. Но я покарала их по заслугам!

— Оранжина и Руссетта так изранили свои лица об острые камни, что теперь они уродливы, как болотные чудовища. Я привела их в чувство, я залечила их раны, но оставила им на память безобразные шрамы на лице. Мало того, я заменила их богатые платья на бедную крестьянскую одежду и немедленно выдала их замуж за двух неотесанных конюхов, которым поручено колотить их и помыкать ими до тех пор, пока сердца их не переделаются на человеческий манер, а это, я думаю, произойдет очень нескоро.

— Ну, а что касается короля и королевы, то они теперь превращены во вьючных ослов, и я подыскала для них злобных и жестоких хозяев, которые заставят их сполна заплатить за те мерзости, что они совершили в отношении Розетты. Более того, я переселила их дочерей вместе с мужьями в ваше королевство, и теперь они обречены ежедневно слушать комплименты в адрес Розетты и ее супруга!

— Мне остается только дать вам один совет, дорогой мой Шармант: не говорите Розетте о наказании, которому мне пришлось подвергнуть ее родителей и сестер. Она ведь так добра душой, что счастье ее перестало бы быть полным,— а я не хочу и, слышите, я не имею права миловать закоренелых злодеев, неисправимых и жестоких.

Шармант горячо поблагодарил Фею и пообещал сохранить все это в тайне. А потом они пошли к Розетте, которая к этому времени успела переодеться в свадебный наряд, подаренный ей Феей.

Вы, конечно, хотите знать, из чего шьются свадебные платья, которые дарят феи. Ну так вот, это платье было сшито из золотистой газовой ткани, во все стороны пускавшей золотые зайчики. На

платье мелкими драгоценными камнями всех цветов были вышиты цветочные гирлянды и фигурки птиц, и это было невероятно красиво! Камни, образовывавшие силуэты птиц, были прикреплены так искусно, что при каждом движении Розетты получался как бы легкий щебет, он был тише самой тихой музыки, но слышался вполне отчетливо! На голове Розетты красовалась целая корона из цветов, и все эти цветы тоже были сделаны из драгоценных камней, только еще более прекрасных. А шею и руки Розетты украшали голубые карбункулы, сверкавшие, словно маленькие солнца.

Шармант был совершенно ослеплен красотой Розетты, но Фея привела его в чувство, сказав:

— Скорее, скорее, нам нужно поторапливаться. У меня всего полчаса, а потом я отправляюсь к Царице Фей, и при этом я должна потерять всю власть на целую неделю. Мы все подчиняемся этому правилу, и из него не допускается никаких исключений.

Шармант подал руку Розетте, Фея пошла впереди них. Они подошли к часовне, которая была освещена сотнями свечей, и Шармант с Розеттой получили от священника свадебное благословение. Когда они снова вошли в парадную залу, оказалось, что Феи с ними нет, но зная, что через неделю они снова ее увидят, молодые не стали особенно переживать. Тем более, что королю нужно было представить новую королеву министрам и придворным. Все нашли, что она так же добра и обаятельна, как и сам король, и каждый понял, что скоро полюбит ее столь же горячо, как и короля.

Оказалось, что перед тем, как отбыть на аудиенцию к Царице Фей, Очень Важная Фея сумела доставить Розетте еще одно маленькое удовольствие: она перенесла в королевство Шармента ту небольшую ферму, где Розетта воспитывалась — со всем ее населением. Ферма теперь разместилась на опушке дворцового парка, и Розетта, прогуливаясь после обеда, частенько забегала навестить свою старую кормилицу. Мало того, в новом дворце Розетты оказались и все три сундучка с теми удивительными нарядами, которые Розетта одевала на празднествах во дворце отца.

Розетта и Шармант были счастливы и нежно любили друг друга до самой глубокой старости. Розетта никогда не узнала о жестоком наказании, постигшем ее отца, мать и сестер. Когда она спросила Шарманта, как сестры чувствуют себя после падения, он ответил, что они сильно поцарапали себе физиономии, но потом выздоровели и вышли замуж. Он добавил также, что фея велела Розетте не вмешиваться в их судьбу. Розетта послушалась и никогда более о них не говорила.

Но вы-то, конечно, хотите знать, что сталось потом с Оранжиной и Руссеттой? Ну так вот — чем больше передряг выпадало на их долю, тем черствее и озлобленнее становились их сердца. Поэтому они так и остались уродинами, и весь свой век провели на скотном дворе.

А король и королева, превращенные во вьючных животных, могли теперь позволить себе только одно утешение — они постоянно кусали друг друга и лягали копытами. Им, между прочим, пришлось отвозить седоков на празднества, которые были устроены по случаю свадьбы Розетты и Шармента, и они чуть не издохли от ярости, слыша, какими похвалами награждают новобрачных, и глядя, как Розетта, ни о чем не подозревая, ходит мимо них — красивая, сияющая и любимая Шармантом.

Они могли вернуться к прежнему обличью лишь в том случае, если переродятся сердцем, вы ведь помните? Ну так вот, говорят, что несколько веков спустя кто-то случайно видел и даже узнал их — увы, они все еще были вьючными ослами...

СЕРАЯ МЫШЬ

I

Садовый домик

Жил однажды в далеких-предалеких краях один человек, и звали его Прюдан. У него была дочка по имени Розали, и растил он ее сам, потому что жена его умерла давным-давно, всего через несколько дней после рождения девочки.

Жили они в просторном деревенском доме, а дом был окружен огромным садом, и в этом саду Розали гуляла когда и сколько хотела.

Отец относился к Розали с любовью и нежностью, но при этом с самого детства приучил ее к беспрекословному послушанию. Кроме того, он строго-настрого запрещал ей задавать вопросы по пустякам. И если уж он чего-нибудь не желал ей говорить, то об этом расспрашивать не полагалось. Считалось, что при подобном воспитании девочка никогда не узнает такого распространенного порока, как праздное любопытство.

Розали никогда не выходила за пределы сада, окруженного высокой каменной стеной. Кроме своего отца, она никогда ни с кем не встречалась — в доме не было никаких слуг, а все домашние дела делались как-то сами собой. У Розали всегда оказывалось под руками все, что ей было нужно, будь то платья, книги, игрушки или пяльцы для рукоделия. Отец сам занимался ее обучением, и Розали, хотя ей было уже почти пятнадцать, никогда не скучала, а поэтому ей и в голову не приходило, что можно жить совсем иначе, в окружении множества людей.

В глубине сада стоял еще один домик — совсем маленький и без единого окошка. Дверь, правда, в нем имелась, но всего одна, и при этом совсем крохотная. Она постоянно была закрыта на замок. Отец Розали каждый день наведывался в этот домик, но ключ он постоянно носил в кармане. Розали считала, что домик — это просто сторожка, в которой хранятся разные садовые инструменты. А расспрашивать, какие именно, ей никогда не приходило в голову. Но вот однажды, отыскивая лейку, чтобы полить цветы, она попросила отца:

— Отец, дайте мне, пожалуйста, на минутку ключ от садового домика.

— А что ты, дочка, хочешь делать в садовом домике?

— Мне нужна лейка — ведь должна же найтись в этом домике хоть одна?

— Нет, Розали, там нет никаких леек.

Голос его в эту минуту был каким-то чужим, и Розали взглянула на отца с удивлением. Она увидела, что он бледен, а на висках у него капли пота.

— Что с вами, отец? — со страхом спросила Розали.

— Ровно ничего, дочка, ровно ничего.

— Но вы так изменились в лице! Неужели это из-за ключа? Что же такое спрятано в этом домике, почему вы пришли в такой ужас?

— Ах, Розали, ты сама не знаешь, о чем ты говоришь! Чем спрашивать, поищи-ка лучше лейку в теплице.

— Но, отец, что же все-таки хранится в садовом домике?

— Для тебя в нем не найдется ничего интересного.

— А почему вы ходите туда каждый день и никогда не позволяете мне пойти с вами?

— Розали, ты же знаешь, что я не люблю пустых вопросов. Разве ты забыла? Любопытство — это ужасный порок.

Розали промолчала, но глубоко задумалась. Раньше она и внимания не обращала на этот домик, а теперь он не выходил у нее из головы.

— Что бы такое могло в нем быть? — спрашивала она сама себя.— И как отец побледнел, едва мне захотелось туда войти... Он наверняка решил, что в этом домике мне угрожает какая-то опасность. Но ведь сам-то он ходит туда каждый день! А зачем? Может быть, там сидит какой-нибудь дикий зверь, и отец носит ему еду? Э, нет, будь это зверь, он бы рычал и фыркал, ну хоть изредка. А из домика никогда не доносится ни звука — значит, это не зверь. И потом, зверь растерзал бы папу. А может, он там на привязи? Но раз он на привязи, то он и для меня не опасен. Кто же там сидит? Какой-нибудь пленник? Но ведь отец — добрый, он ни за что не лишил бы свободы ни в чем не повинного беднягу. Нет, мне непременно нужно разобраться в этой тайне. Как же мне быть? Вот если бы я могла незаметно взять у отца ключ, хотя бы на четверть часа. А что, если он где-нибудь его забудет?

Тут ее позвал голос отца, прозвучавший очень сердито, и Розали очнулась от своих размышлений.

— Я здесь, папа, я иду,— отозвалась она.

Она вошла в комнату и взглянула на отца. Лицо его было бледным и выражало волнение. Еще более заинтригованная, она решила, что будет притворяться веселой и беспечной, чтобы успокоить отца и попробовать завладеть ключом. Ведь если он увидит, что Розали забыла про ключ, то и сам перестанет о нем думать!

Они уселись за стол. Прюдан почти не притронулся к еде, он был молчалив и грустен, хотя и пытался казаться веселым. Но Розали выглядела веселой и беззаботной, она принялась болтать, и отец в конце концов обрел свое всегдашнее спокойствие.

Надо сказать, что через три недели Розали должно было исполниться пятнадцать лет, и отец пообещал,

что преподнесет ей ко дню рождения богатый подарок. Скоро прошла и неделя, и теперь до дня рождения оставалось только две.

И вот как-то утром Прюдан сказал Розали:

— Дорогое мое дитя, мне нужно на часок отлучиться. Я хочу кое-что раздобыть к празднику. Жди меня в доме. И умоляю тебя, Розали, не давай волю любопытству. Потерпи, и через две недели ты узнаешь все, что ты хочешь знать. Я ведь читаю твои мысли, я знаю, что сейчас у тебя на уме... Прощай же, дочка, и остерегайся любопытства!

Прюдан нежно обнял дочь и удалился, хотя было видно, что уходить ему очень и очень не хотелось.

Едва он ушел, Розали бросилась к нему в комнату. С неописуемой радостью она увидела, что злополучный ключ лежит прямо на столе — отец забыл его дома!

Она схватила ключ и со всех ног бросилась в сад. Тут она вспомнила отцовские слова: «Остерегайся любопытства, дочка!» Она приостановилась и уже хотела было отнести ключ обратно, как вдруг из садового домика донесся тяжкий вздох. Она приложила ухо к маленькой двери и услышала жалобный голос, напевавший грустную песенку:

Как тяжело в темнице,
Отсюда не уйти,
Не убежать, не скрыться,
Сижу я взаперти!

— Так и есть,— подумала Розали.— Там сидит какой-то несчастный, которого мой отец держит в плену.

И тихонько постучав в дверь, она позвала:

— Кто ты? Что я могу для тебя сделать?

— Открой мне дверь, Розали! — раздался какой-то

странный голос, не человеческий, но и не звериный.— Пожалуйста, открой эту дверь!

— Но почему ты сидишь под замком? Тебя наказали за какое-нибудь ужасное преступление?

— Нет, Розали, я ни в чем не виновата, сюда меня запер один жестокий колдун. Спаси меня, и я все тебе расскажу.

Розали больше не колебалась. Любопытство и жалость взяли в ней верх над послушанием, она вставила ключ в замок. Однако ж, рука у нее дрожала, и она никак не могла его повернуть. Она уже хотела вынуть ключ и вернуться в дом, но тут голосок поспешно стал ее звать:

— Постой, Розали, не уходи, я хочу рассказать тебе о разных интересных вещах. Между прочим, ты узнаешь, что и отец твой совсем не таков, каким он кажется.

Вот уж тут Розали надавила на ключ изо всех сил. Ключ, наконец, повернулся, и дверь открылась.

II

Фея Гадостей

В домике было совсем темно. Розали стала жадно всматриваться в этот мрак, но ничего не увидела, затем услышала все тот же пронзительный голосок:

— Спасибо, Розали, как хорошо, что ты освободила меня из этого жуткого чулана!

Голос исходил откуда-то с полу. Девочка всмотрелась еще пристальнее и увидела, что в уголке домика поблескивают два крохотных круглых глаза, и взгляд у них очень и очень недобрый.

— Моя хитрость удалась, Розали, ты все-таки по-

зволила любопытству одолеть себя! Не спой я эту песенку, ты, пожалуй, вернулась бы домой, а я бы так и сидела здесь в темноте. Зато теперь, когда ты выпустила меня отсюда, и ты, и твой отец — вы будете навечно в моей власти.

Розали, не понимая еще до конца, какое несчастье она накликала на себя своим ослушанием, поняла одно: в домике был заперт их могущественный враг, которого отец держал в плену. Она отпрянула назад и хотела захлопнуть дверь.

— Ты напрасно стараешься, Розали, не в твоей власти держать меня под замком. А подумать только — ведь я так никогда и не вышла бы отсюда, дождись ты своего пятнадцатилетия...

И садовый домик тут же исчез — словно растворился в воздухе. Только ключ от замка остался в руках ошеломленной Розали. А возле себя она увидела тощую серую мышь, которая смотрела на нее колючими блестящими глазками. И мышь эта вдруг рассмеялась тонким и скрипучим смехом.

— Хи-хи-хи! Какой же у тебя дурацкий вид, Розали! Со смеха умрешь, глядя на тебя. И как мило, что ты выказала такое неуемное любопытство! Ведь в этой отвратительной темнице я сижу уже почти пятнадцать лет. И все эти пятнадцать лет я не могу сделать ни одной гадости твоему папаше, которого я так ненавижу! А заодно и тебе, которую я ненавижу еще больше, потому что ты — его дочь!

— Так кто же ты, злая Мышь?

— Я враг твоей семьи, моя милая, вот я кто! Меня зовут Фея Гадостей, и я недаром ношу это имя, уж в этом-то ты убедишься! Я ненавижу весь мир, и весь мир ненавидит меня. И уж теперь, Розали, я не отстану от тебя ни на шаг!

— Прочь от меня, наглая тварь! Вот погоди, я с тобой разделаюсь!

— Это мы еще увидим, моя дорогая. А пока что — куда ты, туда и я!

Розали побежала к дому. Обернулась — и увидела Мышь, которая вприскочку следовала за ней, ехидно хихикая. Обернулась еще раз — Мышь прыгала за ней по пятам. На пороге дома Розали хотела было придавить Мышь дверью, но дверь не закрывалась, точно на порог попал камень! Однако там был не камень; на пороге сидела Серая Мышь и невозмутимо чистила шкурку.

— Ну погоди же, мерзкое чудище! — вскричала Розали вне себя от гнева и страха.

Она схватила метлу и замахнулась на Мышь. Но метла вдруг вспыхнула ярким пламенем и обожгла ей руки. Девочка успела отшвырнуть метлу на пол и ногой подтолкнула ее в печку. Потом, схватив котел с водой, кипевшей на огне, она выплеснула его на Мышь, но напрасно — кипяток вдруг превратился в холодное молоко.

Мышь принялась лакать молоко, приговаривая:

— Как это славно, Розали! Ты не только меня освободила, но еще и угощаешь вкусным обедом!

Бедная Розали горько расплакалась. Она не знала, что ей теперь делать. Тут она услышала, что возвращается отец.

— Мышь, злая Мышь! Уходи отсюда! — сказала она.— Сейчас войдет отец, он не должен тебя видеть. Уходи сию же минуту!

— Уйти я не уйду,— ответила Мышь.— Но, так уж и быть, я спрячусь за твоей спиной. Твой отец и сам догадается, что ты его не послушалась.

Едва Мышь примостилась под скамьей, что была за спиной у Розали, как Прюдан вошел в комнату. Он пристально взглянул на дочь. Она была немного бледна, вид у нее был смущенный, она явно чего-то боялась.

— Розали,— произнес Прюдан дрожащим голосом,— я забыл на столе ключ от садового домика. Он тебе не попадался?

— Вот он,— сказала Розали.

Девочка протянула отцу ключ и при этом густо покраснела.

— А почему по полу разлито молоко?

— Отец мой, это... это кот разлил.

— Наш кот? Он принес в дом крынку с молоком и опрокинул ее посреди комнаты?

— Нет, папа, это я сама принесла... и опрокинула тоже я.

Розали говорила очень тихо и не смотрела на отца.

— Возьми метлу, Розали, и убери эту лужу.

— Метла сломалась, папа.

— Когда это она успела сломаться? Час назад она была здесь, в углу.

— Я ее сожгла, папа. Это вышло нечаянно, когда... когда...

Она замолчала. Отец окинул ее пристальным взглядом, с беспокойством оглядел комнату, вздохнул, потом решительно направился к садовому домику.

Розали упала на стул и зарыдала. Мышь ничем не выдала своего присутствия. Через минуту Прюдан вернулся бегом, лицо его выражало ужас.

— Розали, несчастная девчонка, что ты наделала? Ты не совладала со своим проклятым любопытством, ты освободила нашего злейшего врага!

— Отец, простите меня, я больше не буду! — закричала Розали и упала на колени.— Я же не знала, что это кончится так плохо!

— Когда дети не желают слушаться старших, это очень часто кончается плохо. Они думают, что слегка нашалили — и все тут. А может получиться большая беда и для самих детей, и для их родителей.

— Но, отец, неужели маленькая, ничтожная Мышь

может наводить такой страх даже на вас? А если она так могущественна, то как же вы сумели столько лет держать ее под замком? И почему мы не можем снова ее запереть?

— Это не простая Мышь, мое дитя. Это злая и очень могущественная Фея. Правда, и сам я — не просто твой отец, а чародей Прюдан. Понимаешь, дочка, все это началось с твоей матери. Она была всего-навсего обычной женщиной, но ее добрая душа и ее красота так тронули всех фей и всех добрых волшебников, что мне, в нарушение всех правил, позволили на ней жениться. На свою свадьбу я устроил пышный праздник, но, к несчастью, забыл пригласить Фею Гадостей. Она уже и до этого была в бешенстве от того, что я взял в жены простую смертную принцессу, не пожелав жениться на одной из ее гадких дочерей. И вот она поклялась, что будет вечно сживать со света меня самого, мою жену и моих будущих детей.

Нет, я не испугался ее угроз — ведь я и сам был почти таким же могущественным, как она. Кроме того, мне покровительствовала сама Царица Фей. Поэтому мне много раз удавалось своими чарами разрушать козни Феи Гадостей. Но вот через несколько часов после твоего рождения твоя мать почувствовала ужасные боли, и я ничем не мог ей помочь. Тогда я на минутку отлучился, чтобы вызвать на помощь Царицу Фей. Когда же вернулся — твоей матери уже не было на свете. Фея Гадостей воспользовалась моим отсутствием, чтобы умертвить ее. А тебя она собиралась одарить всеми пороками и болезнями, какие только бывают на свете. И я заставил ее замолчать в тот самый момент, когда она успела наделить тебя неуемным любопытством. Она предрекла, что это любопытство доставит тебе массу неприятностей, а после твоего совершеннолетия отдаст тебя в полную ее власть. Силой своих чар, подкрепленных и чарами Царицы

Фей, я смягчил это роковое предсказание, и было решено: да, в пятнадцатилетнем возрасте ты поступишь в полное ее распоряжение — но лишь в том случае, если ты целых три раза сряду, в минуту, когда решается твоя судьба, не сможешь справиться с любопытством. А одновременно с этим Царица Фей наказала и Фею Гадостей — она превратила ее в мышь, заперла в том самом садовом домике. И она, Розали, постановила, что эта Мышь сможет выйти из неволи лишь в том случае, если ты сама пожелаешь открыть дверь этого домика. И что она никогда не сможет опять принять своего прежнего обличья, если ты хоть однажды выдержишь испытание любопытством, которому тебя подвергнут перед твоим пятнадцатилетием. Покажи же, что ты можешь справиться с собой, и ты навсегда освободишься из-под власти Феи Гадостей, а вместе с тобой избавлюсь от нее и я. Ты знаешь, я ведь с огромным трудом добился всех этих милостей — мне пришлось пообещать, что и сам я безропотно разделю с тобой твою судьбу и стану вечным рабом Феи Гадостей, если ты трижды падешь жертвой любопытства. Подумай — я очень старался воспитать тебя так, чтобы истребить в тебе этот роковой недостаток, который сулил нам обоим такие несчастья.

Поэтому я и заточил тебя в ограде нашего сада, не позволил тебе видеть никого из людей, и у нас не было даже слуг. Чудесной властью чародея я доставлял тебе все, чего ты только могла желать. Я уже было ликовал, мне казалось, что я добился своего. Ведь через три недели тебе должно было исполниться пятнадцать, и тогда чары Феи Гадостей потеряли бы всякую силу! Но ты вдруг попросила у меня ключ, о котором прежде никогда не думала! Твой вопрос причинил мне боль, ты увидела это, и твое любопытство было подстегнуто еще больше. И несмотря на твою показную веселость, я проник в твои мысли. Суди сама, как мне стало

тревожно, когда Царица Фей приказала мне подвергнуть тебя искушению, оставив ключ на столе хотя бы раз! И мне пришлось его оставить, этот злосчастный ключ, да еще и уйти из дому, чтобы тебе легче было его взять. А когда я вернулся, я сразу понял, что ты не выдержала испытания... Мне долго пришлось скрывать от тебя все это — и обстоятельства твоего рождения, и опасности, тебе грозящие. Проговорись я раньше — и оба мы тут же попали бы во власть Феи Гадостей.

Но и сейчас, Розали, не все еще потеряно. Ты можешь еще поправить свою оплошность, если за две оставшиеся недели не уступишь своей ужасной склонности. Ведь раньше тебе на роду было написано, что ты выйдешь замуж за очаровательного принца Грасье, нашего дальнего родственника. Ваша свадьба возможна еще и сейчас!

Ах, Розали, дорогое мое дитя! Пожалей хотя бы себя, если не хочешь пожалеть меня, наберись мужества и перебори любопытство!..

Розали не поднималась с колен и горько плакала, закрыв лицо руками. Но последние слова отца немножко ее приободрили. Нежно поцеловав Прюдана, она сказала ему:

— Да, отец, я клянусь тебе, я исправлю свою ошибку. Только не бросай меня, и я в тебе почерпну мужество, ведь своего мне, наверное, не хватит.

— Увы, Розали, не в моей власти остаться подле тебя. Теперь я во власти своего врага. Отвратительная Фея Гадостей, конечно же, не позволит мне остаться с тобой и предостерегать тебя от ловушек, которые она будет тебе расставлять. Я, кстати, удивляюсь, что она до сих пор не появилась — ведь мое горе должно быть ей так приятно!

— А я уже давно тут, рядом с тобой, у ног твоей дочери! — сказала Серая Мышь все тем же противным скрипучим голосом.

И она показалась незадачливому чародею.

— Мне было очень приятно слышать, что я доставила тебе неприятности. Поэтому-то я и пряталась — уж очень мне хотелось дослушать. Ну, а теперь прощайся со своей ненаглядной Розали! Она пойдет со мной, и я запрещаю тебе следовать за нею.

Сказав так, Серая Мышь вцепилась своими маленькими острыми зубками в подол платья Розали и с невероятной силой потащила ее за собой. Розали истошно закричала, она цеплялась за отца как могла, но сопротивляться было бесполезно. Прюдан схватил было палку и замахнулся на Мышь, но прежде чем он нанес удар, Мышь поставила свою крохотную лапку ему на ногу, и этот громадный мужчина замер, словно статуя. Розали цеплялась за отца, умоляла Мышь о пощаде, но та, посмеиваясь своим пронзительным сатанинским смехом, сказала:

— Пойдем, пойдем, малышка! Здесь больше нет никаких соблазнов, а ведь ты должна уступить любопытству еще дважды. Так что мы с тобой отправимся путешествовать, за две недели можно немало повидать!

Мышь тянула и тянула за собой Розали, а та, обхватив отца руками, умудрялась сопротивляться этой немыслимой силе. Тогда Серя Мышь издала странный резкий звук — и тут же весь дом охватило пламя. У Розали хватило здравого смысла — она поняла, что если сгорит в огне, то не сможет спасти отца, и он навсегда останется во власти Феи Гадостей. С другой стороны, сохранив свою жизнь, она сохранит шансы спасти и себя, и отца.

— Прощай, отец! — крикнула она.— Через две недели мы увидимся! Твоя Розали погубила тебя, но она же тебя и спасет!

Тут она пустилась бегом, чтобы не сгореть в пожаре. За отца она не беспокоилась, ведь он все же был чародеем, пусть и не очень могучим.

Долго она бежала, сама не зная куда, а потом, выбившись из сил, пошла шагом. Много часов брела она через поля и деревни и, наконец, сломленная и обессиленная, она отважилась обратиться к пожилой женщине, отдыхавшей у дверей своего дома.

— Мадам,— попросила она,— не приютите ли вы меня на несколько часов? Я умираю от усталости и голода. Позвольте мне войти и переночевать под вашей крышей.

— Какими это судьбами такая славная девушка оказалась одна на проезжей дороге? Э, да вы, я вижу, вдвоем! Что это за зверек такой вас сопровождает? Да это настоящий дьяволенок!

Розали поспешно обернулась — и увидела все ту же Серую Мышь. Та посматривала нагло и с издевкой.

Розали топнула на нее ногой, но Мышь уходить не желала. Крестьянка, поглядев на них обеих, покачала головой и сказала:

— Нет, милочка, ступайте-ка вы своей дорогой. Я не привыкла пускать к себе в дом ни чертей, ни их приятелей.

Роняя слезы, Розали снова пустилась в путь. К кому бы она не обращалась, никто не хотел пускать ее на ночлег вместе с отвратительной Мышью, не отстававшей от нее ни на шаг. Пришлось уйти в лес. На ее счастье, в лесу был ручей с прозрачной, чистой водой. Кроме того, в лесу нашлись дикие ягоды и орехи. Пока не смерклось, Розали попила водички, поела ягод, а потом уселась под деревом и с тревогой стала думать об отце — что-то будет с ним через две недели? Охваченная беспокойными мыслями, Розали закрыла глаза, чтобы не видеть опостылевшую ей Серую Мышь. Усталость и темнота сморили ее, и она уснула глубоким сном.

III

Принц Грасье

Пока Розали спокойно спала под деревом, принц Грасье затеял в этом лесу ночную охоту при свете факелов. Его собаки подняли оленя, и тот, объятый страхом, укрылся в кустах, в трех шагах от спящей девушки. Свора собак и охотники шли по следам добычи. Но вдруг собаки оборвали свой лай, они молча остановились у дерева. Принц подскакал, сошел с коня, чтобы натравить собак на оленя. Каково же было его удивление, когда он увидел, что в ночном лесу безмятежно спит девушка! Он посмотрел вокруг — и не увидел больше ни души. Девушка была одна, совсем одна. Он присмотрелся и увидел на ее лице следы слез. Слезы продолжали сочиться из-под закрытых век, девушка плакала даже во сне.

Розали была одета без затей, но платье на ней было из шелка, а это свидетельствовало не просто о достатке. Кроме того, у нее были красивые белые руки, розовые ногти, опрятные русые волосы, аккуратно сколотые золотым гребнем, изящные башмачки, бусы из маленьких жемчужин — все это говорило о том, что девушка отнюдь не была простою крестьянкой.

Она все еще не просыпалась, хотя вокруг топотали слуги, лаяли псы, раздавались выкрики охотников. Принц, удивленный и очарованный, не сводил с Розали глаз. Никто из придворных ранее никогда не видел эту девушку.

Обеспокоенный столь крепким ее сном, Грасье тихонько взял ее за руку. Розали не проснулась. Принц легонько потряс ее руку — но так и не смог разбудить.

— Мы не можем бросить в лесу эту несчастную девочку,— сказал он своим приближенным.— Она не случайно забрела в этот лес, скорее всего — она жертва какого-то низкого заговора. Но она спит, как же мы вынесем ее из леса?

— Мой принц,— сказал начальник охоты, лесничий Губерт,— мы могли бы сплести носилки из веток и на них доставить девушку в ближайший дом. А Ваше Высочество тем временем продолжит охоту.

— Неплохая мысль, Губерт. Пусть плетут носилки. Но несите девушку прямиком во дворец. Она наверняка происхождения высокого. Глядите, она красива, как ангел. Я сам прослежу, чтобы о ней заботились как следует.

Губерт и его лесники в два счета приготовили носилки, и сам принц постелил на них свой плащ. Потом он бережно взял на руки Розали, которая все еще не проснулась, и уложил ее на носилки. В этот миг Розали словно бы приснился некий светлый сон — она улыбнулась и тихо прошептала:

— Отец, отец... Теперь ты спасен! Царица Фей... А вот и принц Грасье. Я вижу его... Какой он красивый!

Принц несказанно удивился, услышав свое имя. Теперь он ни капли не сомневался, что Розали — неизвестная принцесса, подпавшая под власть злых чар. Он попросил, чтобы носильщики двигались медленно и осторожно. Сам он не стал продолжать охоту, велел отпустить на волю загнанного было оленя и двинулся вслед за носилками.

Скоро вся процессия прибыла в замок принца Грасье. Он сам распорядился, чтобы постель приготовили в спальне королевы. И, не желая, чтобы кто-нибудь другой притрагивался к Розали, он собственноручно донес ее до постели. Потом он на

цыпочках удалился из спальни, и велел известить его, как только девушка проснется.

Розали проспала всю ночь и еще утро. Когда она проснулась, солнце стояло совсем высоко. Она что-то вспомнила и стала озираться, но Серой Мыши нигде не было видно, она исчезла.

— Неужели я избавилась от несносной Феи Гадостей? — подумала Розали, не веря своим глазам.— Наверное, я в гостях у какой-то другой феи, причем очень могущественной.

Она подошла к окну. За окном гарцевали на конях рыцари, обвешанные оружием; жестикулировали, беседуя, офицеры в разноцветных мундирах. Она удивилась еще больше, распахнула окно и хотела окликнуть кого-нибудь из этих людей, которые все до одного казались ей волшебниками и чародеями. Ведь она почти еще не знала людей!

Но раздался звук шагов, она обернулась и увидела принца Грасье. Он был все еще в охотничьем костюме, красивом и расшитом золотыми нитями. Розали немедленно узнала героя своих сонных грез и невольно воскликнула:

— Принц Грасье!

— Как, вы меня знаете? — удивленно сказал принц.— Выходит, мы встречались? Но я не могу припомнить вашего имени! А лицо ваше мне кажется знакомым, очень знакомым.

— Я видела вас только во сне, принц,— краснея, сказала Розали.— Возможно, там мы и встречались... Что до моего имени, вам оно вряд ли известно — ведь я и сама только вчера узнала, из какой я семьи, и кто мой отец.

— Скажите же, скорей скажите мне его имя!

Тогда Розали без утайки рассказала принцу все, что узнала от своего отца накануне. Она простодушно

поведала и о своем неистовом любопытстве, и о роковых последствиях, к которым оно привело.

— Представляете, принц, как мне было горько оставлять отца, чтобы вырваться из огня, зажженного Феей Гадостей! А потом все гнали меня, потому что за мною по пятам следовала эта отвратительная Серая Мышь! Знаете, я ведь едва не умерла от голода и холода! А после я, непонятно как, очутилась здесь. Я до сих пор не верю своим глазам: я — и вдруг у вас в гостях!

Грасье, в свою очередь, рассказал, как ее нашли спящей под деревом в чаще леса, и повторил слова, которые она произнесла во сне. А заключил он свой рассказ так:

— Ваш отец, Розали, не сообщил вам одной очень важной вещи. Царица Фей, с которой мы оба с вами в родстве, постановила, что вы станете моей женой, как только вам исполнится пятнадцать лет. Это, конечно же, она внушила мне желание поохотиться в лесу при свете факелов. Еще бы, а как иначе я мог обнаружить вас в лесу, где вы заблудились, если не при свете факелов? А теперь, Розали, окажите мне честь, и считайте, что здесь вы у себя дома. Ведь все равно через несколько дней вам исполняется пятнадцать лет, и тогда все, что вы здесь видите, станет вашим. Так что распоряжайтесь здесь, как подобает будущей королеве. Скоро сюда прибудет ваш отец, и тогда мы отпразднуем нашу свадьбу.

Розали горячо поблагодарила своего юного и прекрасного кузена. Потом ее провели в гардеробную, и там она нашла прислужниц, которые поджидали ее с огромным ворохом платьев, париков и украшений. Розали никогда не увлекалась нарядами, а потому она натянула на себя первое же платье, которое ей подали — из красивой розовой кисеи, расшитой кружевами. Прическу она украсила кружевной же наколкой с

розочками. Волосы предварительно заплели в косы и уложили вокруг головы наподобие короны. Когда она была вполне готова, пришел принц и подал ей руку, чтобы проводить к обеденному столу.

Розали ела с большим аппетитом, как и подобает человеку, который накануне не обедал. После трапезы принц проводил ее в сад. Он показал ей теплицы. Они были громадны, и в них росли все тропические растения, какие только известны на земле. А потом они пришли в небольшую ротонду, уставленную вазами с изысканными цветами. В центре ротонды стояла высокая кадка, в которой, должно быть, росло какое-то дерево. Но оно было покрыто полотняным чехлом, и сквозь материю можно было различить только несколько листочков, сверкавших невиданным блеском.

IV

Дерево в ротонде

Розали походила по ротонде, вдоволь налюбовалась на желтые и голубые цветы, потом подождала, пока принц догадается снять чехол с таинственного дерева. Но принц направился к выходу из теплицы, ничего не сказав Розали о дереве.

— А что это там за дерево, мой принц? — как бы невзначай спросила Розали.— Оно так старательно укрыто от глаз...

— Это мой свадебный подарок вам, милая Розали. Но вы не должны его видеть, пока не настанет день вашего пятнадцатилетия,— улыбаясь, ответил принц.

— А что так блестит на нем? — не унималась Розали.

— Через несколько дней вы все узнаете, и я рад, что мой подарок окажется не совсем похожим на обычные подарки.

— А нельзя ли взглянуть на него немножечко раньше? Ну хоть одним глазком!

— Нет, Розали. Царица Фей строго-настрого запретила мне показывать его вам раньше, чем вы станете моей женой, иначе может случиться большое несчастье. Я надеюсь, что вы достаточно меня любите для того, чтобы хоть на несколько дней смирить ваше любопытство.

От этих слов Розали задрожала — она сразу вспомнила Серую Мышь и все несчастья, которые угрожали ей самой и ее отцу, если только она уступит этому новому искушению, которое, конечно же, устроила ей Фея Гадостей, ее заклятый враг. Поэтому она прикусила язык и продолжала свою прогулку об руку с принцем.

Весь остаток дня они провели преотлично. Принц представил ей придворных дам, и всех он тут же известил, что они должны уважать в лице принцессы Розали его будущую жену, которую ему выбрала сама Царица Фей. Розали придворным чрезвычайно понравилась, и они пришли в восторг, увидев, что у них будет такая очаровательная королева. Завтрашний и все остальные дни промелькнули как единый миг — их заполнили празднества, охота и верховые прогулки. Принц и Розали безмятежно ожидали дня рождения девушки, который должен был стать и днем их свадьбы. Принц ждал этого дня, потому что нежно полюбил свою кузину, а Розали — потому, что полюбила принца, что с нетерпением ждала встречи с отцом, и еще потому, что ей ужасно хотелось поскорее узнать, что же такое там спрятано под полотняным чехлом. Она думала об этом беспрерывно. Дерево снилось ей по ночам, а когда

она оставалась одна, ее так и подмывало пробраться в теплицу и заглянуть под чехол.

Но вот пришел и последний день ожидания. Назавтра Розали исполнялось пятнадцать лет. Принц был по уши занят приготовлениями к свадьбе. Шутка ли — на ней должны были присутствовать все его знакомые феи и даже сама Царица Фей. Поэтому утром за Розали никто не пришел, и она отправилась гулять одна. Размышляя о том, как она будет счастлива завтра, Розали безотчетно направилась к ротонде. Задумавшись и чему-то своему улыбаясь, она вошла в ротонду и сразу увидела дерево, покрытое полотняным чехлом.

— Завтра! — сказала она себе.— Завтра я, наконец, узнаю, что скрывается под этим полотном. А ведь захоти я, можно было бы узнать это прямо сегодня... Вон там в этом полотне появилась маленькая дырочка, которой раньше не было. Так легко просунуть в нее палец... Да наверняка кто-то уже и просунул! Наверняка все уже знают, что там, под этим чехлом. Вот если чуть-чуть потянуть его потом наверх... Что плохого может от этого случиться? Я ведь только гляну и тут же отойду в сторонку. Раз мне завтра это будет разрешено — значит, сегодня это почти разрешено...

Она осмотрелась, никого рядом не увидела, и забыв в припадке любопытства и доброту принца, и опасности, которые были ей напророчены, она просунула палец в дырочку на полотне и легонько потянула. Трах! Полотно разорвалось сверху донизу с треском, похожим на гром, и глазам Розали предстало изумительное дерево — ствол его был из коралла, листья — из изумрудов, а вместо ягод на ветвях висели все мыслимые драгоценные камни — бриллианты, рубины, сапфиры, опалы, топазы и жемчужины... Многие были величиной с небольшое яблоко, и все они так блестели, что Розали невольно зажмурилась. Но не успела она хорошенько рассмотреть необыкновенное дерево, как

что-то громыхнуло и затрещало. Розали почувствовала, что поднимается в воздух и куда-то летит. Очнулась она в поле; в отдалении виднелся дворец принца, но увы, он рушился на глазах! Ужасные крики доносились из-под руин... Вот Розали увидела, как из-под обломков и пыли показалась фигура принца. Он был окровавлен, в разорванной одежде. Принц протянул к ней дрожащие руки и сказал:

— Розали, неблагодарная Розали, посмотри, что ты сделала со мною и со всем моим государством! Теперь я понимаю — ты и в третий раз не совладаешь с любопытством. И тогда окончательно погибну и я, и твой отец, и ты сама. Прощай же, Розали, прощай! Ах, если бы мое отчаяние могло хоть немного усовестить тебя — ты так неблагодарна к несчастному принцу, который любил тебя и желал тебе только добра!

И с этими словами он растаял в воздухе. Розали бросилась на колени. Горько плача, она звала принца, но принца не было, и некому было даже взглянуть на то, как велико горе Розали!

Тогда она решила, что самое время упасть в обморок, но тут она услышала тоненький и резкий смех, и откуда ни возьмись, перед Розали появилась Серая Мышь.

— Скажи мне спасибо, Розали,— пропищала она,— я неплохо тебе помогла! Это я по ночам заставляла тебя думать о полотняном чехле. Это я его прогрызла, чтобы тебе захотелось заглянуть в дырочку. Не придумай я этой хитрости, ты, пожалуй, ускользнула бы от меня — и ты, и твой папаша, и твой ненаглядный принц Грасье. Теперь остался самый пустяк — и все вы станете моими рабами — навсегда, хи-хи-хи!

И тут Мышь, объятая сатанинской радостью, стала плясать вокруг Розали. Однако, эти ее слова, хотя и были невероятно злыми, ни капельки не рассердили Розали.

— Я сама во всем виновата,— сказала себе девушка.— Не будь я так любопытна и так неблагодарна, Серая Мышь нипочем не сумела бы подбить меня на этот глупейший поступок. Теперь я должна искупить его, вытерпеть все, проявить терпение и выдержать третье испытание, каким бы трудным оно ни оказалось. А ведь для этого у меня осталось всего несколько часов! И только от меня самой зависит, как сказал мне мой дорогой принц, и его счастье, и счастье моего отца, и мое собственное.

Тем временем Серая Мышь сновала вокруг Розали, тянула ее зубами за платье и всячески хотела заставить снова пуститься в дорогу. Но Розали упорно сидела там, где была, и не сводила глаз с разрушенного дворца.

V

Сундучок

Так прошел остаток дня. К вечеру Розали ужасно захотелось пить.

— Так мне и надо,— подумала она.— И этого для меня даже мало! Меня нужно еще строже наказать за то, что я так заставила страдать моего отца и моего кузена. А поэтому наступления моего пятнадцатилетия я буду ждать прямо здесь, перед развалинами дворца, который разрушен из-за меня!

Начинало смеркаться. Мимо Розали проковыляла какая-то старушка. Поравнявшись с девушкой, она остановилась, тяжело вздохнула и сказала:

— Милая девушка, не окажете ли вы мне услугу? Вот у меня тут сундучок, он такой тяжелый... Не

посторожите ли вы его немного? А я пока дойду вон до той деревни, повидаю свою родственницу, эх-хе...

— С удовольствием, мадам! — сказала Розали, которая всегда с радостью исполняла просьбы, если только ее просили по-хорошему.

И тогда старушка поставила перед ней свой сундучок, сказав:

— Спасибо вам, милое дитя... Я постараюсь вернуться побыстрее. Только вы уж, пожалуйста, не смотрите, что там в сундучке, там есть такие вещи, такие вещи... вы таких в жизни не видели... Да и не увидите никогда! И, пожалуйста, не двигайте его слишком резко, он может развалиться. А тогда вы увидите все, что в нем есть. А этого никто не должен видеть, никто, хе-хе...

И бормоча что-то неразборчивое, старушка удалилась. Розали бережно придвинула сундучок к себе и стала размышлять обо всем, что произошло. Спустилась ночь, старушка все не возвращалась. Розали взглянула на сундучок и очень удивилась: он почему-то светился, и даже земля вокруг него мерцала неярким светом.

— Интересно, что же такое сверкает в этом сундучке?

Она повернула сундучок другим боком, осмотрела его со всех сторон, но так и не поняла причины загадочного сияния. Тогда она водворила сундучок на прежнее место и принялась сама себя уговаривать:

— Ну какое мне дело — что там заперто в этом сундучке? Ведь он же не мой! Он принадлежит той славной старушке, а я его только сторожу. Да я о нем и думать не хочу! А то начнешь сначала думать, потом захочешь его открыть. И что тогда будет?

Решив так, она перестала смотреть на сундучок и постаралась думать о чем-нибудь другом.. Она даже глаза закрыла и стала дожидаться наступления дня.

— Через несколько часов мне исполнится пятнадцать, я увижу отца и принца Грасье. Отец залечит ожоги, принц — раны и царапины, дворец отстроят заново, и завтра мне уже не придется бояться Феи Гадостей. Только бы выдержать.

— Розали, а Розали! — торопливо пропищал резкий голос Серой Мыши.— А я ведь тут, рядом с тобой. Старых друзей не бросают. Да, да, я уже давно тебе не враг, и тебе это сейчас докажу: скажи только слово, и я покажу тебе все, что лежит в этом сундучке.

Розали не отвечала.

— Ты что же, Розали, даже и слушать меня не хочешь? Но я ведь просто хочу тебя развлечь. Давай поболтаем, а? Как твой друг, я хочу сказать тебе по секрету: в этом сундучке и в самом деле масса интересного! Ну неужели тебе не хочется даже взглянуть?

Никакого ответа.

Тогда Серая Мышь, которая не могла уже терять времени даром, бросилась на сундучок и стала грызть его с хрустом изо всех сил.

— Ах ты, мерзкая Мышь! — воскликнула Розали и вскочила с земли.— Если ты еще раз посмеешь коснуться сундучка, я сверну тебе шею!

Мышь бросила на Розали яростный взгляд, но почему-то не посмела ей перечить. Она встала на задние лапы и мучительно соображала, как бы еще ей пробудить любопытство Розали, но в это время часы на колокольне деревенской церкви пробили полночь!

При первом же ударе колокола Мышь испустила жалобный писк и сказала Розали:

— Розали, день твоего рождения наступил. Теперь тебе пятнадцать лет, и я уже не страшна для тебя. У меня нет теперь никакой власти ни над тобой, ни над твоим отцом, ни над твоим гнусным принцем. А мне отныне очень, очень долго придется сохранять личину Серой Мыши. До тех самых пор, пока в мою западню

не угодит такая же юная и простодушная принцесса, какой была и ты. А принцесс нынче мало... А простодушные и вовсе перевелись, где их теперь найдешь... Прощай, Розали! Срок исполнился, ты можешь открыть сундучок.

И с этими словами Серая Мышь исчезла.

Розали поостереглась доверять словам своего злейшего врага и сказала себе, что не коснется сундучка до самого восхода солнца. Но в это время над самой ее головой, беззвучно взмахивая крыльями, пролетела ночная сова и выронила из когтей камень, который угодил прямо в крышку сундучка и разбил ее в щепки. Розали испуганно вскрикнула, но тут перед нею возникла Царица Фей и сказала:

— Пора идти, Розали! Ты все-таки сумела одолеть заклятого врага вашей семьи. Идем, я отведу тебя к отцу. Только сначала подкрепи свои силы, ведь ты так устала, бедняжка!

И опустив руку в сундучок, Царица Фей вынула из него удивительный плод, какого Розали не видела никогда! Стоило ей надкусить его, она почувствовала дивный аромат, все ее тело наполнилось молодой силой, и девушка совершенно забыла и о голоде, и о жажде. Тут к ним подкатила колесница, запряженная тремя драконами, Царица Фей села в нее и пригласила подняться и Розали.

Пока они ехали, Розали успела вежливо поблагодарить Царицу Фей за ее покровительство и спросила, скоро ли она увидит отца и принца Грасье.

— Твой отец ждет тебя во дворце принца, Розали.

— Ах, мадам, но ведь дворец принца разрушен! А сам принц так изранен!

— Все это только показалось тебе, дитя мое! Обман нужен был для того, чтобы ты ужаснулась своему любопытству, Розали, и сумела совладать с ним, хотя бы с третьего раза. Сейчас ты увидишь дворец принца

таким, как он был в минуту, когда ты разорвала полотняный чехол и стала рассматривать дерево, что принц хотел тебе подарить.

Едва фея успела произнести эти слова, как колесница остановилась у дворцового крыльца. На крыльце Розали ожидали: ее отец, принц Грасье и все его придворные. Розали бросилась в объятия сначала к отцу, потом к принцу; при этом принц, представьте себе, даже не напомнил ей, какую ужасную оплошность она совершила накануне. Все было готово для свадебной церемонии, и она тут же началась. Все феи присутствовали на празднике, который продолжался несколько дней. Не хватало только Феи Гадостей, но ее отсутствия никто почему-то не заметил.

После свадьбы отец Розали поселился вместе с молодыми. Розали навеки избавилась от пустого любопытства, но осталась живой и любознательной — мы-то с вами понимаем, что это совсем не одно и то же. Принц Грасье всю жизнь нежно ее любил, и она платила ему тем же. У них родились очень славные детки, и отец с матерью на славу постарались, чтобы дать им в покровительницы самых могущественных добрых фей и этим защитить их от всевозможных Фей Гадостей и прочей нечисти.

МЕДВЕЖОНОК

I

Жаба и жаворонок

Жила да была однажды славная фермерша по имени Аньелла, а вместе с нею молодая и очень старательная служанка по имени Роза. Аньелла коротала свои дни в одиночестве, никого у себя не принимала, да и сама ни к кому не ходила.

Хозяйство у нее было небольшое, но исправное и чистенькое. Стояла в стойле пригожая белая корова, дававшая много молока, бродил по усадьбе кот, который молока не давал, но зато неустанно ловил мышей, да пасся на лужке осел, который мышей не ловил, но по вторникам и пятницам отвозил на рынок фрукты, масло, яйца и сыр.

Никто в округе не мог почему-то сказать толком, когда именно Аньелла и Роза появились на этой ферме и когда появилась сама ферма. Все называли ферму Лесной Усадьбой, и все были уверены, что она существовала всегда.

Однажды вечером Роза, как обычно, доила корову, а Аньелла тем временем готовила ужин. Она как раз поставила на стол горшок вкусного капустного супа и тарелку сметаны, когда заметила вдруг прегромадную жабу. Жаба сидела у печи и жадно поедала вишни, что лежали на полу на виноградных листьях и предназначались на десерт.

— Ах ты, мерзкая жаба! — вскричала Аньелла,— ну постой же, я тебе покажу!

Она поспешно собрала вишни с пола, а жабу пихнула ногой так, что она отлетела шагов на десять. Собиралась она пнуть жабу и еще раз, но та вдруг пронзительно зашипела и встала на задние лапы. Глаза ее сделались огромными и метали пламя; широкий рот открывался и закрывался с бешенством, все тело вздрагивало, а из горла вырывался то ли вой, то ли стон, от которого по коже шли мурашки.

Аньелла в замешательстве остановилась и даже отступила на шаг, опасаясь, как бы разъяренное чудище не прыснуло на нее ядом. Потом она стала искать метлу, чтобы вымести прочь непрошенную гостью, но жаба вдруг скакнула вперед, повелительно подняла переднюю лапу и произнесла голосом хриплым и грозным:

— Ты посмела пнуть меня ногой, ты запретила мне лакомиться твоими вишнями, хотя и выставила их на самом виду. Ты пыталась прогнать меня из дома. Так вот, я отомщу тебе — я поражу самое дорогое, что только у тебя есть. Ты поймешь, моя милая, что Бешеную Фею нельзя оскорблять безнаказанно. Знай же, что скоро у тебя родится сын, но, во-первых, он будет покрыт густою шерстью на манер медведя, а во-вторых...

— Достаточно, сестрица, остановитесь,— прервал ее негромкий мелодичный голос, исходивший откуда-то сверху.

Аньелла подняла голову и увидела, что на створке полуоткрытой двери сидит маленький хохлатый жаворонок.

— Вы, сестра моя, чересчур жестоко мстите за обиду, нанесенную вовсе не вашей сущности Феи, а всего лишь той безобразной оболочке, которую вы сами себе избрали. Так вот, именем своего могущества,

превосходящего ваше, я запрещаю вам увеличивать горе, которое вы уже причинили этой семье, и которое я сегодня не в силах исправить! — прощебетал жаворонок.

— А вы, несчастная мать,— обратился жаворонок к Аньелле,— не предавайтесь отчаянию. Со временем мы отыщем средство, способное исправить уродство вашего сына. Возможно, я разрешу ему, к примеру, поменяться кожей с любым человеком, которому он сумеет внушить привязанность столь глубокую, что тот добровольно пойдет на такой обмен. И тогда он вновь обретет ту красоту, которую имел бы, не прояви моя сестрица своего ужасного характера.

— Ах, мадам,— плача, сказала Аньелла,— вы так добры к нам. Но ваша доброта, увы, не помешает моему сыну родиться мохнатым чудищем!

— Что верно, то верно,— согласилась Фея. (Вы, конечно, поняли, что это была веселая Фея-Забавница, не так ли?).— Тем более, что вы с ним кожей поменяться не сможете, и ваша служанка тоже. Но вы не беспокойтесь, я не кину на произвол судьбы ни вас, ни вашего будущего сына. Когда он родится, назовите его Медвежонком. Пусть он носит это имя до того самого дня, когда он сможет принять другое, достойное и его высокого происхождения, и его подлинной красоты. А тогда мы все будем называть его принцем Мервеем.

Сказав эти слова, Фея-Забавница воспользовалась своим обликом жаворонка — она вспорхнула со створки двери и тут же растаяла в воздухе.

Получив такую острастку, Бешеная Фея тоже отступила, брызжа слюной, тяжело переваливаясь и на

каждом шагу бросая на Аньеллу яростные взгляды. Пятясь, она поминутно брызгала ядом, от которого трава тут же жухла, кусты вздрагивали, а с деревьев осыпались листья. Травы там и поныне нет, а путь, по которому отступала жаба, окрестные жители теперь называют Тропинкой Бешеной Феи...

Оставшись одна, Аньелла продолжала плакать. Тем временем Роза закончила работу во дворе и решила, что пора уже накрывать на стол. Однако, войдя в комнату, она застала хозяйку в слезах.

— Что с вами, дорогая моя королева? — в изумлении спросила Роза.— Кто успел вас огорчить? Ведь в дом никто не входил, я это ясно видела.

— Есть существа, что проникнут всюду, не бросаясь в глаза, Роза. У нас побывала Бешеная Фея в обличье жабы и Фея-Забавница в обличье жаворонка.

— И что же такого печального они вам рассказали, эти достойные дамы? Ведь наверняка добрая фея сумела исправить все, что испортила злая, не так ли?

— Нет, дорогая моя Роза. Она несколько смягчила злые предсказания, но отменить их она не смогла.

Тут Аньелла рассказала все, что произошло, радуясь от того, что ей предстояло родить сына, и плача от того, что он должен родиться облеченным в звериную шкуру.

Выслушав рассказ Аньеллы, Роза заплакала вместе с ней.

— Какое несчастье! — запричитала она.— И какой стыд! Наследник такого королевства — и медведь! Что скажет король Ферос, ваш достойный супруг, если только он сумеет вас разыскать?

— Да как же он сумеет, Роза? Разве ты

забыла — ведь после нашего бегства мы попали в вихрь, который швырял нас от облака к облаку, и это длилось целых двенадцать часов. И несло нас с такой скоростью, что мы приземлились в трех тысячах лье от королевства моего мужа, Фероса. А потом — ты же знаешь, какой он злой, и как он меня ненавидит за то, что я не дала ему убить его же брата, короля Индолана и его милую женушку, королеву Беззаботу! Ты ведь помнишь, я и сама спаслась только потому, что он вслух угрожал убить меня. К счастью, хоть здесь, в нашей Лесной усадьбе я могу не бояться, что он меня настигнет...

Роза, поплакав за компанию с королевой Аматой (таково было настоящее имя Аньеллы), пригласила свою хозяйку за стол.

— Проплачь мы с вами хоть всю ночь, дорогая королева, мы все равно не смогли бы помешать вашему сыну родиться косматым. Но мы постараемся прилично его воспитать и сделать его подобрее. И тогда он легко найдет добрую душу, которая с удовольствием отдаст ему свою белую кожу, а сама наденет на себя мохнатую шкуру, дарованную ему Бешеной Феей. Хорош же подарочек, нечего сказать! Она вполне могла приберечь его и для себя самой!

Бедная королева Амата — нам придется до поры до времени называть ее Аньеллой, чтобы не привлекать внимания короля Фероса,— поднялась, отерла глаза и постаралась справиться со своим горем. Мало-помалу болтовня Розы и ее веселость развеяли грусть. Вечер еще и не кончился, а Роза уже убедила Аньеллу, что Медвежонок совсем недолго останется медвежонком, что ему выхлопочут другую кожу, вполне достойную принца, и что, в крайнем случае, она добьется у

Феи-Забавницы позволения и отдаст ему свою собственную.

После этого Аньелла и Роза легли спать и провели ночь вполне спокойно.

II

Рождение Медвежонка и его детство

Месяца через три после визита жабы и ее зловещего предсказания у Аньеллы родился мальчик, которого она в соответствии с советом Феи-Забавницы назвала Медвежонком. Ни Аньелла, ни Роза так и не поняли, красив ребенок или нет, потому что новорожденный был покрыт густой шерстью, и можно было рассмотреть только глаза да рот, да и то когда он их открывал. Если бы Аньелла не была его матерью, а Роза не любила Аньеллу словно свою сестру, бедный Медвежонок непременно погиб бы от голода и жажды, ибо в своей косматой шерсти он был до того неприглядeн, что к нему и прикасаться было боязно. Увидь его в лесу крестьянин, он принял бы Медвежонка за настоящего звереныша и, чего доброго, заколол бы вилами. Но Аньелла была его матерью, и первым ее движением было взять его на руки и поплакать над ним.

— Бедный Медвежонок! — сказала она.— Кто же это сумеет полюбить тебя настолько, чтобы избавить от этой жуткой шерсти? Ах, ну почему это Фея-Забавница не позволяет мне заступить на место того или той, которые тебя полюбят?

Медвежонок ничего не ответил, так как он спал.

Роза тоже всплакнула за компанию, но не в ее

привычках было грустить подолгу. Поэтому она вытерла слезы и сказала Аньелле:

— Дорогая королева, что до меня, то я совершенно уверена: ваш сын недолго будет носить медвежью шкуру. Не начать ли мне прямо с сегодняшнего дня звать его принцем Мервеем?

— Нет, моя милая, время еще не пришло,— живо отозвалась королева.— И ты хорошо знаешь, что феи не любят непослушных!

Тогда Роза взяла ребенка на руки, переменила ему пеленки, благо их было заготовлено великое множество, а потом наклонилась, чтобы поцеловать. Но она уколола губы о жесткую шерсть и проворно выпрямилась.

— Ну уж нет, мой мальчик,— пробормотала она вполголоса.— Ты колешься почище ежа.

Но именно на Розу легли все заботы о маленьком Медвежонке. Вообще-то медвежьей у него была только кожа, а сам он был ласковым и понятливым ребенком, к тому же на редкость привязчивым. И Роза в конце концов нежно его полюбила.

По мере того, как Медвежонок подрастал, ему позволяли прогуливаться все дальше и дальше от фермы. Опасности для него не было никакой, потому что в местечке его прекрасно знали; дети при его приближении спасались бегством, женщины поворачивались спиной, а мужчины сворачивали с дороги, чтобы ненароком не повстречаться. На мальчика смотрели как на прокаженного. Сначала Аньелла пробовала брать его с собой на рынок. Она сажала Медвежонка верхом на ослика, и они ехали вместе. Но в такие дни продажа сыров и овощей шла совсем плохо. Покупательницы подходили с большой опаской, остерегаясь Медвежонка.

Вернувшись домой, Аньелла плакала, мысленно обращаясь с мольбой к Фее-Забавнице. Если поблизости начинал порхать какой-нибудь жаворонок, надежда возрождалась в ее сердце. Но каждый раз это были жаворонки настоящие, распевающие свои песни над полями, а вовсе не жаворонки-феи.

III

Виолетта

Время шло, Медвежонку исполнилось уже восемь лет, он подрос и стал ловким и сильным. У него были красивые глаза и приятный голос. Его шерсть теперь потеряла жесткость, она стала совсем шелковистой, и можно было обнимать его безо всякого риска уколоться. Он нежно любил мать, почти так же нежно любил Розу, но часто грустил и предпочитал проводить время в одиночестве — он видел, что всем внушает ужас, и что ко всем другим детям взрослые относятся совсем иначе.

Как-то раз он прогуливался в небольшом леске, который начинался сразу за фермой. Он долго по нему бродил, а потом его сморила жара и он стал искать прохладное местечко, чтобы отдохнуть. Вдруг ему померещилось шагах в десяти от него то ли белое, то ли розовое пятно. Он осторожно приблизился и увидел маленькую девочку, которая преспокойно спала в кустах. На вид девочке было года три, и она была хорошенькой, как ангелочек. Светлые кудряшки падали на белую шейку, на свежих круглых щеках вырисовывались две ямочки, подчеркнутые полуулыбкой розовых полуоткрытых губок, за которыми виднелись зубки,

похожие на жемчужинки. Живописная эта головка покоилась на не менее очаровательной ладошке. И вся поза этой девчушки была столь грациозна, что Медвежонок остановился в восхищении.

Он удивленно и радостно рассматривал это дитя, спавшее в лесу безмятежно, словно в собственной постельке. Он долго не отрывал от нее глаз. Рассмотрел он и ее платье — оно было куда богаче и красивее, чем все, что он видел на детях в городе в базарные дни.

Это было платье из белого шелка, расшитое золотом и окаймленное синим сатином. На ногах у девочки были тонкие шелковые чулочки, а на руках сверкали красивые браслеты, в медальоны которых были вставлены два каких-то портрета. Шейку обрамляло жемчужное ожерелье.

Вдруг на ветку над головой девочки уселся жаворонок, он запел, и девочка тут же проснулась. Она открыла глаза, осмотрелась, позвала няню. Потом она увидела вокруг деревья и кусты и принялась плакать.

Медвежонок был в совершенном отчаянии от того, что ребенок плачет; он мучительно думал, что предпринять.

— Если я покажусь ей, бедняжка, пожалуй, примет меня за лесного зверя,— рассуждал он.— Она испугается, бросится бежать и совсем заблудится. А если ее оставить тут, она рискует умереть от страха и голода.

Пока Медвежонок думал, как ему быть, девчушка увидела и его. Она вскрикнула, вскочила, пыталась убежать, но ноги у нее подкосились от страха, и она упала ничком.

— Не беги от меня, малышка,— сказал Медвежонок голосом кротким и грустным.— Я не причиню тебе зла. Совсем даже наоборот, мы вместе станем искать твоих маму с папой.

Девочка все смотрела на него с испугом, широко раскрыв глаза.

— Ты бы поговорила со мною, малышка,— попросил Медвежонок.— Я ведь вовсе не медведь, я просто мальчик, только очень несчастный. Я всех пугаю своим видом, и все разбегаются от меня.

Девочка поглядела уже не так испуганно. Страх у нее явно проходил, уступая место любопытству.

Медвежонок сделал шаг по направлению к ней. Тут же страх снова завладел девочкой, она ойкнула и опять попробовала бежать.

Медвежонок остановился и сам заплакал от досады.

— Какой же я неловкий! — воскликнул он.— Я не могу даже прийти на помощь заблудившемуся ребенку. Это мой звериный вид повергает девочку в такой ужас. Подумать только — для нее лучше умереть одной в лесу, чем терпеть мое присутствие.

И сказав это, бедный Медвежонок закрыл лицо руками, упал на траву и зарыдал.

Но тут же он почувствовал, что маленькая ладошка старается отвести от лица его собственные мохнатые ладони. Он поднял голову и увидел, что девочка стоит рядом, а глаза ее полны слез.

Она гладила шерсть на щеках бедного Медвежонка.

— Не надо плакать, Медвежонок,— сказала девочка,— не плачь! Виолетта больше тебя не боится, она никуда не убежит. Виолетта любит бедного Медведя. И пусть Медведик даст Виолетте руку. А если ему будет грустно, Виолетта его погладит.

Слезы счастья и нежности хлынули из глаз Медвежонка после слез отчаяния.

Виолетта, видя, что он опять плачет, приблизила свои хорошенькие губки к мохнатой щеке Медвежонка и стала его целовать, приговаривая:

— Ну вот, ну вот, Медвежонок, Виолетта больше тебя не боится. Видишь, Виолетта целует Медвежонка. А Медвежонок не будет есть Виолетту, правда? И они вместе пойдут гулять.

Послушайся сейчас Медвежонок голоса сердца, он прижал бы к груди и покрыл бы поцелуями это славное дитя, которое превозмогло собственный страх, чтобы успокоить и развеселить беднягу, которого она видела несчастным. Но он поостерегся и не стал ее пугать.

«Еще подумает, что я ее съесть хочу»,— решил он.

И он ограничился тем, что слегка пожал ей ладошки и запечатлел на каждой из них по поцелую. Виолетта не мешала ему, она улыбалась.

— Ну, вот Медвежонок и доволен! Медвежонок любит Виолетту? Ты знаешь, а Виолетта бедная, она потерялась в лесу!

Медвежонок уже понял, что его новую приятельницу зовут Виолеттой. Но он не понимал, каким образом эта девочка в праздничном платьице оказалась в лесу совсем одна.

— Где ты живешь, маленькая Виолетта?

— Там, далеко, у папы и мамы.

— А как зовут твоего папу?

— Его зовут королем, а маму — королевой.

Медвежонок удивился еще больше и спросил:

— А как же ты попала в лес?

— Ой, Виолетта ни-че-го не знает... Бедную Виолетту посадили на такую большую, большую собаку, и собака побежала. Она быстро бежала, только очень долго. А Виолетта устала, свалилась и заснула.

— И где же теперь эта собака?

Виолетта посмотрела направо, потом налево, потом она тихонько позвала:

— Ами! Ами!

Но никто не появился.

— Значит, Ами убежал... Теперь Виолетта совсем одна!

Медвежонок взял Виолетту за руку; она руки не отняла и тихонько улыбалась.

— Хочешь, я пойду, поищу твою маму, Виолетта?

— Ой, нет... Виолетта не хочет оставаться одна в лесу, Виолетта пойдет с маленьким Медвежонком.

— Хорошо же, малышка, тогда пошли. Я отведу тебя к моей собственной маме!

И Медвежонок с Виолеттой, взявшись за руки, зашагали к ферме.

По дороге Медвежонок собирал землянику и дикие вишни и угощал ими Виолетту, но она ела только тогда, когда Медвежонок полгорсти брал себе. А если он утаивал эту половину у себя в ладони, то Виолетта отнимала у него ягоды и сама запихивала их ему в рот, приговаривая:

— Ешь, Медведик, ешь! Виолетта не станет их есть без тебя. Виолетта не хочет, чтобы Медведику было плохо. И Медведик никогда не должен плакать.

Девочка искоса поглядывала на Медвежонка, чтобы узнать, доволен ли он.

А он и в самом деле был счастлив: его маленькая спутница не только не страдала от его присутствия — она проявляла к нему большой интерес и хотела сделать для него что-нибудь приятное. Его глаза искрились неподдельным счастьем, а голос, всегда такой мягкий, звучал особенно задушевно.

Они шли уже с полчаса, когда Медвежонок спросил:

— Так значит, Виолетта больше не боится Медведя?

— Нет, нет,— закричала девочка.— Виолетта не бросит Медвежонка!

— И мне можно тебя поцеловать, Виолетта? Ты больше меня не испугаешься?

Вместо ответа девчушка нежно к нему прильнула.

Медвежонок нежно обнял ее и прижал к сердцу.

— Дорогая моя Виолетта,— сказал он,— ты знаешь, я всегда буду тебя любить. Я никогда не забуду, что ты — первый ребенок, захотевший со мной поговорить, взять меня за руку, поцеловать меня.

Тут они подошли к ферме. Аньелла и Роза сидели на скамейке у дверей дома и вели беседу.

Увидев своего Медвежонка, ведущего за руку маленькую девочку в богатом платьице, обе женщины ужасно удивились, и от удивления даже не стали задавать вопросов.

— Мамочка,— сказал Медвежонок первым,— эта девочка — очень послушная и славная. Я нашел ее в лесу, она там спала. Ее зовут Виолетта, она очень милая и совсем меня не боится. Она даже поцеловала меня, когда увидела, что я плачу.

— А отчего же ты плакал, бедный ты мой? — спросила Аньелла.

— Потому что сначала девочка меня испугалась,— ответил Медвежонок, и в его дрогнувшем голосе прозвучала печаль.

— Зато теперь Виолетта уже не боится,— живо вмешалась малышка.— Виолетта дала руку Медвежонку и поцеловала бедного Медвежонка. И покормила земляникой.

— Позвольте, что все это значит? — спросила Роза.— Зачем Медвежонок привел к нам эту милую девчушку? И почему она совсем одна? И кто она такая? Отвечай же, Медвежонок! Ей-богу, я ничего не понимаю!

— Да я, Роза, и сам понимаю во всем этом не больше

вашего,— сказал Медвежонок.— Я увидел эту малышку спящей под кустом, она была совсем одна. Она проснулась, я заговорил с ней, подошел ближе. Она при виде меня расплакалась. Тогда мне стало очень грустно, и я сам расплакался...

— Замолчи, замолчи, Медвежонок! — закричала Виолетта и закрыла ему рот ладошкой.— Виолетта больше никогда не заставит тебя плакать.

При этом и у самой Виолетты дрожал голос, а в глазах стояли слезы.

— Славная моя крошка,— сказала Аньелла, заключив ее в объятия.— Значит, ты будешь любить моего бедного Медвежонка, такого одинокого?

— Да, да, обязательно! Я буду очень любить Медвежонка! И я никогда его не покину.

Потом Аньелла и Роза стали расспрашивать девочку, кто ее родители, но она лишь повторила то, что уже успела рассказать Медвежонку. Ее отец — король, мать — королева. А как она оказалась здесь, ей и самой было непонятно.

Аньелла, не колеблясь, приняла бедную сиротку к себе и стала о ней заботиться; она уже успела полюбить девочку за ту привязанность, которую та испытывала к Медвежонку, и за счастье быть любимым, которое она ему доставила. Ведь такого счастья ищут все люди, и оно всем понятно!

Настал час ужина, и Роза накрыла на стол. Виолетта захотела сидеть рядом с Медвежонком. Она была весела, болтала и смеялась. Медвежонок выглядел совсем счастливым, чего с ним не бывало никогда раньше. Аньелла сияла, а Роза чуть не пела от радости — ведь у ее дорогого Медвежонка теперь была подружка по

играм. Она так расчувствовалась, что уронила крынку со сливками; сливки, правда, не пропали, потому что тут же подбежал кот, ожидавший ужина, и вылизал все без остатка.

В конце ужина Виолетта заснула прямо на стуле.

— Куда же мы ее уложим? — сказала Аньелла.— Ведь лишней кровати у нас нет.

— Отдайте ей мою, матушка,— сказал Медвежонок.— Мне и в сарае хорошо будет спаться.

Аньелла и Роза стали возражать, но Медвежонок просил так настойчиво, что они, в конце концов, уступили.

Роза взяла сонную Виолетту в охапку, осторожно ее раздела и положила в кровать Медвежонка, стоявшую рядом с кроватью Аньеллы. А Медвежонок улегся в хлеву на груде сена и уснул там со спокойным сердцем.

Роза, между тем, снова вышла в столовую, где в задумчивости сидела Аньелла.

— О чем вы грустите, дорогая моя королева? — спросила Роза.— Ваши глаза печальны, и улыбка покинула уста. А ведь я пришла показать вам браслеты малышки. Эти маленькие медальоны, верно, открываются, но мне их открыть не под силу. Может быть, в них есть какая-нибудь записка с именем.

— Дай-ка сюда... Какие славные браслеты! Они мне что-то напоминают, а что — не могу понять. Словно бы я где-то видела такие же...

Аньелла повертела в руках браслеты, нажала и тут, и там, пытаясь открыть медальоны, но ей повезло не больше, чем Розе.

В момент, когда, прекратив свои попытки, она протянула браслеты Розе, посреди комнаты вдруг прямо из воздуха возникла незнакомая женщина, от кото-

рой шло сияние, словно от солнца. Лицо женщины было ослепительно белым, пряди светлых волос казались золотыми, а лоб украшала корона, в которой сверкали маленькие звездочки. Вся ее невысокая фигура словно просвечивала, до того она была легкой и светоносной. Ее свободно спадающее платье было усеяно такими же звездочками, какие сияли в короне. Взгляд женщины выражал нежность; улыбалась она немного насмешливо, но по-доброму.

— Мадам,— сказала она королеве,— я — Фея-Забавница, и решила навестить вас по очень серьезному делу. Я принимаю большое участие в судьбе вашего сына и той маленькой принцессы, которую он сегодня утром привел из леса. Эта принцесса для вашей семьи не чужая, она приходится вам родственницей; она дочь вашего шурина, легкомысленного короля Индолана и его жены, королевы Беззаботы. Дело-то ведь в том, что ваш супруг Ферос сумел-таки натворить дел — после вашего бегства он все же лишил жизни и Индолана, и Беззаботу, которые, не подозревая беды, спокойно пировали да развлекались. Увы, мне не удалось помешать этому преступлению — я как раз отлучилась, чтобы присутствовать при рождении одного принца, родителям которого я покровительствую. Я отбыла так поспешно, что даже забыла подшутить над старой фрейлиной, злой и чванливой, и одним выжившим из ума придворным, скрягой и ворчуном. Но обратно я поспела как раз вовремя, чтобы спасти принцессу Виолетту, единственную дочь Индолана и Беззаботы. Девочка играла в саду, король Ферос разыскивал ее, чтобы пронзить кинжалом. Я спешно посадила Виолетту на спину моему псу Ами и велела доставить ее в тот самый лес, куда направила шаги принца, вашего сына. Вы пока что не должны открывать ни ей, ни ему тайну

их происхождения; не показывайте Виолетте браслетов, в которых скрыты портреты ее отца и матери, не говорите ей, что на ней было богатое платье — я временно заменила его на другое, более подходящее для той жизни, что ей предстоит вести в ближайшем будущем.

— Вот,— добавила Фея,— шкатулка с драгоценными камнями. В ней — счастье Виолетты. Но пока что не показывайте шкатулку ни Медвежонку, ни Виолетте. Сейчас вам предстоят немалые испытания, а шкатулку вы откроете тогда, когда они закончатся.

— Я со всею тщательностью исполню ваши приказания, мадам,— ответила Аньелла.— Но заклинаю вас, скажите мне, долго ли еще моему милому Медвежонку носить эту ужасную шкуру?

— Наберитесь немного терпения,— сказала Фея-Забавница.— Я ведь присматриваю и за вами, и за ним, и за Виолеттой. Объясните Медвежонку, что, начиная с сегодняшнего дня, он может поменяться кожей с любым человеком, который будет достаточно любить его, чтобы согласиться на такой обмен. И помните главное: никто не должен знать, что Медвежонок и Виолетта принадлежат к королевскому роду. В эту тайну может быть посвящена только Роза — уж она-то сумеет ее сохранить. А теперь, королева, прощайте — вы можете и впредь рассчитывать на мое покровительство. Вот вам кольцо, наденьте его на мизинец. Пока вы будете его носить, ваш дом будет полной чашей.

Фея приветливо взмахнула рукой, превратилась в жаворонка и со щебетом улетела прочь.

Аньелла и Роза переглянулись. Аньелла тяжело вздохнула, Роза улыбнулась.

— Давайте-ка спрячем подальше эту драгоценную шкатулку, моя королева. А заодно и платьице Виолет-

ты. Кстати, схожу я, посмотрю, что там такое наша Фея приготовила для ее завтрашнего одевания.

Она и в самом деле сбегала в комнату, открыла шкаф и обнаружила, что он полон платьев, тонкого белья и простых, но очень удобных башмачков. Осмотрев и подсчитав все, и все одобрив, Роза улеглась в постель и через минуту уже спала, как убитая.

IV

Сон

На следующее утро первым проснулся Медвежонок — его разбудило коровье мычание. Он протер глаза, осмотрелся и увидел, что спит в хлеву. Тут он вспомнил все вчерашние события, спрыгнул вниз с кучи сена и со всех ног побежал к колодцу умываться.

Пока он умывался, Роза, которая тоже проснулась очень рано, вышла подоить корову и оставила дверь открытой. Медвежонок на цыпочках вошел, дошел до комнаты матери, которая еще спала, и приоткрыл полог кровати Виолетты. Девочка тоже спала.

Медвежонок смотрел, как она спит, и улыбался, следя по лицу за ее снами. Но вдруг лицо Виолетты изменилось, у нее вырвался крик, она наполовину проснулась и, закинув свои маленькие ручки на шею Медвежонку, закричала:

— Медвежонок, Медвежонок, спаси Виолетту! Виолетта в воде! Гадкая жаба схватила Виолетту!

Она проснулась в слезах, и было видно, что она до смерти напугана. Она накрепко вцепилась в Медвежонка, и тот напрасно ее успокаивал, и утешал, и обнимал — она продолжала кричать:

— Гадкая жаба! Милый Медвежонок! Спасите Виолетту!

Аньелла, которая проснулась при первом же крике девочки, не понимала, почему она так испугана. В конце концов, немного успокоившись, Виолетта рассказала:

— Виолетта гуляла, а Медвежонок вел ее за руку. Потом он больше уже не дал руки, и на Виолетту не смотрел. А тут пришла противная жаба и потащила Виолетту в воду. Бедная Виолетта, она упала и стала звать Медвежонка. А Медвежонок хороший, он пришел и спас Виолетту. И теперь Виолетта очень любит доброго Медвежонка! — Тут голос Виолетты стал тихим и нежным.— Виолетта никогда не забудет своего Медвежонка.

И при этих словах Виолетта бросилась Медвежонку на шею, и тот стал обнимать девчушку и долго повторял, что он ее любит.

Аньелла не сомневалась, что сон этот был предостережением, посланным Феей-Забавницей. И она решила, что нужно будет особо тщательно присматривать за Виолеттой, а Медвежонку придется рассказать все, что можно было рассказать, не нарушая приказаний Феи. Одев Виолетту, Аньелла посадила всех за стол, и они стали завтракать. Роза принесла им крынку парного молока, буханку теплого хлеба и кусок свежесбитого масла. Виолетта запрыгала от радости, когда увидела такой вкусный завтрак.

— Виолетта очень любит теплое молоко,— сказала она.— И хлеб тоже, и масло тоже. Виолетте здесь так хорошо, и она всех любит. И медвежью маму тоже любит.

— Да я же вовсе не медвежья мама,— сказала Аньелла со смехом,— зови меня просто мама.

— Ой, нет, ты не мама,— сказала Виолетта и грустно покачала головой. Мама — это там... Она потерялась. Мама всегда спала или танцевала. А с Виолеттой не гуляла и не играла. И никогда не разговаривала, и не обнимала, и не целовала. А медвежья мама разговаривает, и ходит с Виолеттой гулять, и целует Виолетту, и одевает ее. Виолетта любит медвежью маму, очень!

Медвежонок был растроган, глаза у него были на мокром месте. Виолетта это заметила, положила ладошки ему на глаза и умоляюще сказала:

— Медвежонок, не плачь, я тебя очень прошу. Если ты будешь плакать, я тоже заплачу.

— Нет, маленькая моя Виолетта, я не плачу, это тебе просто показалось. Давай-ка лучше завтракать, а потом пойдем гулять.

И они с аппетитом принялись за еду. Виолетта хлопала в ладоши и то и дело кричала с набитым ртом:

— Ах, как вкусно! Виолетта такого никогда еще не ела!

После завтрака Медвежонок и Виолетта и в самом деле пошли гулять, а Аньелла и Роза занялись хозяйством. Медвежонок играл с Виолеттой, собирал для нее цветы и ягоды. Прогулка Виолетте очень понравилась, и она сказала:

— Виолетта теперь всегда будет гулять с Медвежонком. А Медвежонок будет играть с Виолеттой, да?

— Я непременно буду играть с тобой, Виолетта, но только не всегда — мне ведь еще нужно будет помогать маме и Розе.

— А помогать — это как?

— Помогать мести пол, вытирать пыль, ухаживать за коровой, косить траву, приносить дрова и воду.

— Значит, ты будешь помогать маме и Розе, а я — тебе!

— Подожди самую малость, Виолетта. Сейчас ты совсем еще маленькая. Впрочем, ты можешь попробовать, если хочешь.

Когда они вернулись с прогулки, Медвежонок принялся за работу по дому. Виолетте это было безмерно интересно, и она ходила за ним по пятам. Она помогала ему, как могла. Вернее, она думала, что помогает — она и вправду была еще мала, и пользы от нее было немного. Но через несколько дней она уже умела мыть чашки и тарелки, стелить простыни, вытирать со стола. Она стала ходить вместе с Розой доить корову, пробовала процеживать молоко, снимать с него сливки и мыть щеткой пол в молочной. Не все у нее получалось, но она никогда не куксилась, была приветливой и послушной и никогда не дерзила. Медвежонок привязывался к ней все больше и больше. Аньелла с Розой тоже ее обожали, тем более, что она ведь, как оказалось, была дальней родственницей Медвежонка.

Аньеллу и Розу Виолетта очень любила, но все же Медвежонка она любила больше. Да и как ей было не любить такого славного мальчишку, который ради нее забывал о себе, постоянно выдумывал для нее разные забавы и ради улыбки своей маленькой подружки был готов отдать все на свете!

Однажды Роза пошла на рынок и взяла с собою Виолетту. Аньелла воспользовалась их отсутствием, чтобы рассказать Медвежонку о зловещем событии, случившемся незадолго до его рождения. Кроме того, она открыла сыну, что существует возможность избавиться от его ненавистной косматой шкуры, обменяв ее

на белую и гладкую кожу того человека, который пойдет на эту жертву добровольно, из одной только любви и признательности.

— Никогда! — вскричал Медвежонок, едва выслушав до конца.— Никогда я не потребую такой жертвы ни от кого и не приму ее! Никогда я не обреку любящего меня человека на несчастье, к которому меня приговорила месть Бешеной Феи! Ведь тогда ему придется перенести все, что перенес я, он должен будет столько выстрадать от людской неприязни и ненависти!

Аньелла напрасно старалась переубедить своего упрямого сына. Он потребовал никогда больше не возвращаться к этому разговору. Подтвердил, что на такой обмен не согласится никогда. И велел никогда не заговаривать об этом ни с Виолеттой, ни с любым другим человеком, с которым он хоть когда-нибудь подружится.

Все это Аньелла обещала ему. И вообще перечила она больше для виду, а в душе одобряла такое его решение. Втайне она надеялась, что Фея-Забавница вознаградит эти благородные чувства и догадается сама избавить своего крестника от его мохнатой шкуры каким-нибудь волшебным способом.

V

Снова появляется жаба

Однако же год шел за годом, и ничего особенного пока не происходило. Медвежонок рос, подрастала и Виолетта. Аньелла и думать забыла о том сне, что приснился Виолетте в самую первую ночь. Она даже

перестала присматривать за Виолеттой и часто отпускала ее гулять одну или под присмотром Медвежонка.

А Медвежонку было уже пятнадцать лет. Он был ловким, сильным, рослым и трудолюбивым. Теперь никто на свете не мог бы сказать, красив Медвежонок или безобразен, потому что шерсть, покрывавшая его лицо и тело, стала длинной, густой и темной. Как и прежде, он был добрым, щедрым, приветливым, готовым помочь кому угодно. Но, кроме этого, он был еще веселым и общительным. Потому что с того самого дня, как он нашел в лесу Виолетту, навсегда ушла его грусть. Он больше не страдал от той неприязни, которую к нему испытывали селяне. А кроме всего прочего, его даже и не тянуло в те места, где были люди. Он вполне счастливо жил среди троих дорогих ему людей, любивших его таким, каким он был.

Виолетте уже исполнилось десять. Она была все такой же милой и пригожей. Ее красивые голубые глаза стали еще прекраснее, цвет лица — свежее, рот — изящнее и насмешливее. Теперь она была высокой, тонкой и ладной девочкой. Пепельные волосы доходили ей до пят и окутывали ее словно плащом, едва она их распускала. Аньелла восхищалась ее волосами, а Роза любила устраивать ей всевозможные прически.

Виолетта многому научилась за эти семь лет. Аньелла показала ей, как делаются разные работы по дому. А во всем остальном ее учителем захотел быть Медвежонок. Он научил ее писать, читать и считать. Иногда она что-нибудь делала по хозяйству, а Медвежонок читал ей вслух. Все нужные книжки неизменно оказывались в комнате Виолетты, и никто не понимал, откуда они там взялись. Кроме книг, там постоянно откуда-то бралась новая одежда и обувь, нужная Виолетте, Медвежонку, Аньелле и Розе. Им даже больше

не было нужды ездить в город, чтобы продавать молоко и овощи и покупать там все необходимое. Благодаря кольцу, которое носила на своем мизинце Аньелла, все появлялось по мере надобности.

Однажды, гуляя с Медвежонком, Виолетта споткнулась о камень, упала и оцарапала ногу. Медвежонок очень испугался, увидев кровь, сочащуюся из царапины. Не зная, как ей помочь, он потащил ее к ручью, протекавшему неподалеку.

— Дорогая Виолетта,— бормотал он,— обопрись на меня и попытайся сделать всего несколько шагов. От холодной воды тебе станет легче!

Виолетта запрыгала к ручью. Медвежонок поддерживал ее под руки. Потом он усадил ее на берег ручья, она сняла башмачок и погрузила ноги в холодную быструю воду.

— Я, пожалуй, сбегаю домой и принесу большой платок, чтобы перевязать тебе ногу,— сказал он.— Ты подожди меня здесь, я мигом вернусь. Только к воде больше не приближайся — ручей глубокий, и если ты поскользнешься, то вытащить тебя на берег будет довольно трудно.

Как только Медвежонок ушел, Виолетте стало совсем нехорошо. Сначала она решила, что во всем виновата ее ранка. Но что-то говорило ей, что лучше бы вытащить ногу из ручья. И она совсем было собралась это сделать, но в это мгновение вода замутилась, и на поверхности показалась громадная жабья голова. Противные выпученные глазищи уставились на Виолетту, которая панически боялась жаб с тех пор, как увидела свой странный сон. Появление этой громадной жабы, и ее немигающий взгляд наполнили Виолетту таким ужасом, что она была не в состоянии ни убежать, ни закричать.

— Наконец-то ты попалась мне, глупая! — сказала жаба.— Давай-ка знакомиться: я — Бешеная Фея, давний враг твоей семейки. Давненько я тебя караулю! Я бы поймала тебя и раньше, да вот моя сестра, Фея-Забавница, послала тебе тот сон и предостерегла тебя. Мерзкая шкура твоего Медвежонка тебя охраняла столько лет, но сейчас его с тобою нет! А моя сестрица в отлучке. Ну-ка, иди ко мне!

И сказав это, она схватила ногу Виолетты холодными липкими лапами и стала тащить девочку в глубину. Виолетта опомнилась, закричала что было сил, стала цепляться за корни и кусты, за траву, покрывавшую берег ручья. Но корни крошились, кусты ломались, травинки обрывались, а она тут же хваталась за что-нибудь другое.

— Медвежонок, спаси меня! Я гибну, Медвежонок! Спасай Виолетту! Ах!..

Бешеная Фея уже одолевала. Не выдержал и оползъ в воду последний куст. Вот уже и крики замолкли. Бедняжка Виолетта уже погружалась в воду, когда другой крик, тревожный и отчаянный, ответил на ее призывы. Увы! Только волосы Виолетты еще виднелись на воде, когда Медвежонок примчался на берег ручья.

Он, не колеблясь, бросился в воду и схватил руками длинные пряди волос. Но он почувствовал, что и сам тонет вместе с Виолеттою: Бешеная Фея увлекла на дно их обоих!

Идя ко дну, Медвежонок не потерял присутствия духа. И вместо того, чтобы выпустить из рук волосы Виолетты и спасаться самому, он обеими руками перехватил ее под мышки, мысленно позвал на помощь Фею-Забавницу, а когда погрузился на самое дно, то изо всех сил оттолкнулся от него пятками и тут же

вылетел на поверхность. Обхватив Виолетту одной рукой, он другою стал грести. Кто-то невидимый мягко подтолкнул его в спину. Благодаря этому он кое-как сумел выкарабкаться на берег и положил Виолетту на траву.

Глаза девочки были закрыты, губы сжаты, безжизненная бледность покрывала лицо. Медвежонок плакал, стоя возле нее на коленях. Да, храбрый Медвежонок, который никогда ничего не боялся, которого никогда не могли сломить никакие огорчения, никакая боль, плакал, как маленький мальчик. Его любимая сестренка, единственная его подружка лежала на земле недвижимая, без признаков жизни! Мужество и силы покинули его. Он потерял сознание и рухнул возле Виолетты.

Но в это мгновение к ручью подлетел жаворонок. Он опустился возле них, слегка стукнул своим клювиком Виолетту, потом Медвежонка, и тут же упорхнул прочь.

Между тем, крики Виолетты услышал не один только Медвежонок. Они были услышаны и Розой, работавшей в поле. Она побежала на ферму, позвала Аньеллу, и обе они бросились к ручью.

Добежав до ручья, они с ужасом увидели, что Виолетта и Медвежонок лежат без чувств. Но Роза положила руку на сердце Виолетты — оно билось. Аньелла тем же манером убедилась, что и Медвежонок подает признаки жизни. Она велела Розе отнести Виолетту домой, раздеть ее и уложить в постель. Сама она пыталась привести Медвежонка в чувство, заставив его дышать особой нюхательной солью из своего флакончика. Медвежонок был слишком тяжел, нечего было и пытаться отнести его домой. Виолетта же была легонькой, а Роза — очень сильной. Она

без труда дотащила Виолетту до дому, где та сразу пришла в себя.

Прошло несколько минут, и она открыла глаза. Она смутно помнила: случилось нечто страшное, но рассказать, чем именно она напугана, ей никак не удавалось.

Тем временем нежное попечение Аньеллы вывело Медвежонка из забытья. Он открыл глаза, узнал мать и со слезами бросился к ней на шею.

— Матушка! Дорогая матушка! — воскликнул он. Моя Виолетта, моя дорогая сестренка утонула! Теперь остается умереть и мне.

— Успокойся, сынок,— ответила ему Аньелла.— Виолетта пока еще жива. Роза отнесла ее домой, там она ее подлечит.

Медвежонок при этих словах воспрянул. Он вскочил и хотел бегом пуститься на ферму, но вовремя подумал о матери и унял свое нетерпение.

Пока они шли к ферме, он рассказал все, что знал о происшествии, которое едва не стоило жизни Виолетте; он говорил с трудом, потому что от ядовитой слюны Бешеной Феи в голове у него стояла страшная тяжесть.

Аньелла тоже рассказала ему, как они с Розой обнаружили их обоих лежащими без чувств на берегу ручья. Тут они как раз дошли до фермы, и Медвежонок, с которого еще стекала вода, бросился в дом. Виолетта, увидев его, окончательно пришла в себя, вскочила и бросилась к нему.

Оба, разумеется, принялись плакать, заплакала с ними и Аньелла. Роза подумала немного — и присоединилась к ним. Получился такой концерт, от которого любой бы зарыдал в голос. Но Роза опомнилась первой и сказала:

— Ну разве не понятно, что мы — самые несчастные на всем белом свете? Вы только посмотрите на нашего Медвежонка! Мокрый, хоть выжимай. А он еще и поливает себя собственными слезами... Да и Виолетта ему помогает! Ну же, дети мои! Мужайтесь и улыбнитесь! Все мы пока еще живы и здоровы. Спасибо Медвежонку!

— О, да! — воскликнула Виолетта,— я жива только благодаря Медвежонку, моему славному, дорогому и любимому Медвежонку! Чем я теперь отплачу ему? Как я смогу засвидетельствовать ему свою признательность и нежную любовь?

— Любя меня и впредь, дорогая моя сестричка! Ах, я имел счастье быть тебе полезным. Но ведь и ты изменила мою жизнь, внесла в нее радость, тогда как раньше она была такой печальной! Да разве не являешься ты ежедневно и ежечасно утешением и счастьем моей жизни и жизни нашей дорогой мамы!

Виолетта еще шмыгала носом, поэтому она молча прижала к сердцу своего дорогого Медвежонка, своего приемного брата.

— Дорогой Медвежонок! — сказала ему мать.— Ты промок, поди-ка переоденься. Виолетте полезно отдохнуть часок; мы встретимся за обедом!

Виолетта дала себя уложить, но не сомкнула глаз. Сердце ее было переполнено благодарностью и нежностью. Напрасно она ломала себе голову, каким образом может она отплатить Медвежонку за его самоотверженность. Она сообразила только, что должна стараться не огорчать своих близких — может, хоть от этого Медвежонок и Аньелла станут чуточку счастливее.

VI

Болезнь и жертвоприношение

Когда подошел час обеда, Виолетта поднялась с постели, оделась и вышла в столовую, где ее ожидали Аньелла и Роза. Медвежонка с ними не было.

— А где же Медвежонок, матушка? — спросила Виолетта.

— Я больше его не видела,— сказала Аньелла.

— И я тоже,— сказала Роза.— Пойду-ка поищу.

Она нашла Медвежонка в его комнате. Он сидел возле постели, уронив голову на руки.

— Пойдем, Медвежонок, пойдем скорей! Нас ждут к обеду.

— Я не могу подняться,— еле слышно ответил Медвежонок.— У меня тяжелая-претяжелая голова.

Роза побежала к Аньелле с известием, что Медвежонок заболел, а назад они побежали уже вдвоем. Он попытался встать, чтобы не тревожить женщин, но тут же упал на стул. Аньелла обнаружила у него сильный жар и уложила в постель. Виолетта наотрез отказывалась его оставить.

— Он заболел из-за меня,— твердо сказала она,— и я отойду от него только тогда, когда он выздоровеет. Я умру от тревоги, если вы отошлете меня прочь.

И Аньелла с Виолеттой уселись возле кровати своего дорогого больного. Скоро Медвежонок перестал их узнавать: жар у него усилился и он стал бредить. То и дело он звал мать и Виолетту. Он продолжал искать и звать их даже тогда, когда они держали его в своих объятиях.

В течение всей болезни Аньелла и Виолетта не покидали его ни ночью, ни днем. На восьмой день Аньелла, сломленная усталостью, задремала возле постели Медвежонка. Дыхание его было неровным, взгляд — мутным; все это предвещало близкий конец. Виолетта стояла на коленях возле постели и держала в своих ладонях мохнатую ладонь Медвежонка, покрывая ее слезами и поцелуями.

Но посреди всего этого отчаяния вдруг нежный и чистый птичий щебет нарушил угрюмое молчание комнаты, в которой лежал умирающий. Виолетта вздрогнула. Нежная птичья мелодия словно бы несла с собой надежду и счастье. Виолетта подняла голову и увидела, что на открытой оконной раме сидит жаворонок.

— Виолетта! — позвал ее жаворонок.

Виолетта вздрогнула.

— Виолетта! — раздался тот же нежный голос.— Любишь ли ты Медвежонка?

— Люблю ли я его? Да больше всего на свете, больше себя самой!

— Согласна ли ты купить ему жизнь ценою своего собственного счастья?

— Даже ценою своей жизни!

— Тогда слушай меня, с тобой говорю я, Фея-Забавница. Я тоже люблю Медвежонка, люблю тебя, люблю всю вашу семью. От яда, которым моя сестра, Бешеная Фея, обрызгала голову Медвежонка, он должен умереть. Но если ты и вправду его любишь, то жизнь его в твоих руках. Тебе разрешается выкупить ее. Но помни, что очень скоро тебе придется дать доказательство своей любви, ужасное доказательство.

— О, мадам, скорее скажите, что нужно делать, я хочу его спасти! Я ничего не боюсь, все обратится для меня в радость, если только он останется в живых.

— Хорошо же, дитя мое,— сказала Фея.— Поцелуй его трижды в левое ухо и скажи при этом: «Тебе... Для тебя... С тобою...» Но прежде хорошенько подумай, Виолетта! Если только в душе ты не готова на все, что угодно, то при произнесении этих слов тобою тут же завладеет моя сестра, Бешеная Фея. Итак, думай!

Вместо ответа Виолетта положила обе ладони себе на сердце, бросила на улетающую уже Фею-Забавницу нежный и благодарный взгляд. А потом она подошла к Медвежонку, запечатлела на его левом ухе три поцелуя и проникновенно сказала:

— Тебе... Для тебя... С тобой...

Медвежонок глубоко вздохнул, открыл глаза, увидел Виолетту, взял ее руки в свои, поднес их к губам и признес:

— Виолетта... Дорогая Виолетта... По-моему, я просыпаюсь от долгого, долгого сна... Расскажи скорее, что же такое с нами произошло? Почему я лежу в постели? Почему ты такая бледная и худенькая? Твои щеки ввалились, словно ты не спала много ночей. А глаза красны, словно ты долго плакала...

— Тсс! — произнесла Виолетта.— Не разбуди нашу маму, она очень устала — ведь ты так тяжело болел.

— А ты, как же ты, Виолетта? Все это время ты не отдыхала?

Виолетта покраснела.

— Как же я могла заснуть, милый Медвежонок, если ты и заболел-то из-за меня...

Медвежонок молчал, нежно смотрел на Виолетту и целовал ей руки. Он опять спросил, что же такое произошло у ручья и потом. Но она была слишком скромна, да еще и связана обещанием, и поэтому не стала говорить, какую цену назначила Фея-Забавница за его исцеление. И пока что Медвежонок ни о чем не узнал.

Самое главное было то, что теперь он чувствовал себя совсем здоровым. Он встал с постели, тихо подошел к матери и разбудил ее нежным поцелуем. Аньелла спросонья решила, что он поднялся с постели в бреду. Она закричала, позвала Розу и была очень удивлена, услышав от Виолетты, что Медвежонок спасен благодаря вмешательству Феи-Забавницы.

С этого дня Медвежонок и Виолетта полюбили друг дружку еще крепче, и стали неразлучны.

VII

Кабан

После всех этих событий прошло целых два года. Однажды Медвежонок отправился в лес нарубить дров. Виолетта должна была принести ему в лес горячую еду и после этого вечером вернуться домой вместе с ним.

В полдень Роза вручила Виолетте корзинку, в которой были хлеб, вино, только что сваренная каша, ветчина и вишни. Виолетта тут же тронулась в путь. Утро, проведенное дома, показалось ей слишком длинным, и теперь она со всех ног спешила на встречу с Медвежонком. Чтобы сократить дорогу, она свернула прямо в лес — деревья тут были огромными, и Виолетта без труда могла пройти под кронами. Землю покрывал мягкий мох, и на ней не было ни коряг, ни шипов. Идти было легко, и Виолетта была рада, что выбрала путь покороче.

На половине дороги она услышала тяжелый и быстрый топот; он доносился издали, и непонятно, какому зверю он мог принадлежать. Она остановилась, подо-

ждала, и тут из чащи выскочил громадный кабан. Кабан направился прямо к девочке. Его красные маленькие глазки сверкали бешенством, он рыл клыками землю, выворачивая маленькие деревца, встречавшиеся на пути. Теперь хорошо была слышна не только его тяжелая поступь, но и хриплое дыхание.

Виолетта не знала, бежать ей или прятаться. Пока она думала, кабан заметил ее и остановился. Клыки у него щелкали, щетина встала дыбом. С хищным хрюканьем он бросился на Виолетту.

По счастью, рядом с ней находилось раскидистое дерево, и нижние его ветки доставали до земли. Обеими руками она ухватилась за ветку, подпрыгнула, как могла, и стала карабкаться с ветки на ветку, выше и выше, пока не оказалась в полной безопасности. Но тут кабан разбежался и всей тяжестью ударился о дерево. Потом, в бессильной ярости, он клыками содрал с дерева кору и стал так сильно трясти рылом ствол, что Виолетте стало страшно. Она вцепилась в ветки изо всех сил. Кабан прекратил свои бесполезные атаки и улегся у корней дерева. Но время от времени он зорко поглядывал наверх, на Виолетту.

Так прошло несколько часов. Виолетта тихо дрожала от страха, сидя на своем дереве, кабан лежал под ним. Он то спокойно похрюкивал, то впадал во внезапную ярость, бросался на ствол и полосовал кору острыми, как ножи, клыками.

Виолетта попробовала позвать на помощь Медвежонка. Но он был далеко и не слышал ее. Помочь ей было некому.

Виолетта совсем приуныла. Кроме того, ей хотелось есть. Ведь корзинка с едой осталась внизу, а кабан

первым делом истоптал ее копытами и раздавил рылом, смешав в кашу все, что в ней было.

Медвежонок, работавший в лесу в нескольких лье от Виолетты, тоже хотел есть и удивлялся — почему же Виолетта, такая аккуратная, до сих пор не несет ему обеда.

«Может быть, про меня просто забыли? — подумалось ему.— Да нет же, ни Виолетта, ни мать не могут про меня забыть. Наверное, я плохо объяснил им, как меня найти. Или же они ждут, пока я приду обедать домой. Но они наверняка помнят обо мне и беспокоятся, иначе просто быть не может».

Рассуждая таким образом, Медвежонок бросил работу и поспешно зашагал по дороге к дому. Ему тоже захотелось сократить дорогу, и он пустился прямиком через лес. Скоро до его слуха донесся чей-то жалобный зов. Он остановился и прислушался; сердце его забилось — он различил голос Виолетты. Впрочем, нет... Кажется, опять все стало тихо. Он сделал несколько шагов, и тут еще один крик, более отчетливый и пронзительный, поразил его слух. Сомнений не было, это кричала Виолетта. Она была в опасности, она звала его на помощь. Что было мочи, он побежал на голос. Приблизившись, он услыхал уже не крики, а стоны, и тут же послышалось рычание и яростные тяжелые удары.

Медвежонок бежал со всех ног, тревога придавала ему силы. Наконец, он увидел все: громадный кабан всей своей тушей сотрясал дерево, на котором сидела, или, лучше сказать, еле держалась Виолетта — пока еще она была в безопасности. При виде Виолетты силы Медвежонка удвоились. Он призвал на помощь Фею-Забавницу и, подняв топор, кинулся на кабана. Кабан запыхтел от злобы, щелкнул своими страшными клыками и сам бросился на Медвежонка. Тот занес топор и ждал.

Кабан обрушился на Медвежонка, но получил такой удар, от которого любая голова раскололась бы пополам. Однако, череп кабана оказался столь крепок, что на нем не осталось даже царапины.

От сильного удара Медвежонок потерял равновесие и опрокинулся навзничь. Увидев своего врага лежащим, кабан вскочил на него и принялся драть его клыками.

Медвежонок решил, что погиб, но, забыв о самом себе, он мысленно попросил Фею-Забавницу спасти Виолетту. И вот, в ту секунду, когда кабан изготовился, чтобы нанести последний и решающий удар клыками в горло противника, сверху послышалось ироническое птичье посвистывание. Кабан задрожал всем телом, сошел с лежащего Медвежонка, задрал голову и увидел порхающего над ним жаворонка. Тот все высвистывал свою смешную песенку. Кабан хрипло зарычал, уткнул рыло в землю и медленно засеменил в чащу, так ни разу и не оглянувшись.

Виолетта, увидев с дерева, что Медвежонку сейчас придет конец, лишилась чувств и бессильно повисла на ветвях своего дерева.

Медвежонок, решивший, что он уже растерзан на кусочки, не решался шевельнуть ни рукой, ни ногой. Оказалось, однако, что у него решительно ничего не болит, и он тут же вскочил на ноги, готовый защищать Виолетту. Он всем сердцем поблагодарил Фею-Забавницу, справедливо считая, что это она избавила его от кабана. Тут подлетел к нему жаворонок, клюнул в щеку и прощебетал на ухо:

— Медвежонок, а ведь кабана сюда прислала Бешеная Фея! К счастью, я поспела вовремя. Воспользуйся

благодарностью Виолетты, поменяйся с нею кожей! Я разрешаю тебе это сделать, а девочка согласится на это с радостью.

— На это я никогда не соглашусь,— не задумываясь, ответил Медвежонок.— Пусть лучше останусь медведем на всю жизнь, пусть умру на месте! Отдать мою шкуру бедняжке Виолетте! Пойти на такую подлость, воспользоваться ее привязанностью ко мне!

— Ну что же, прощай, упрямец! — пискнул жаворонок.— Может, в другой раз я сумею тебя убедить.

— В другой раз я отвечу то же, что и сегодня,— сказал Медвежонок.

•

Потом он забрался на дерево, снял с него потерявшую сознание Виолетту, положил ее на мягкий мох и растер ей лоб остатками вина из разбитой бутылки. Виолетта сразу же пришла в себя. Она глазам своим отказалась верить, когда увидела перед собой Медвежонка — живого и без единой царапины.

— Медвежонок, милый мой Медвежонок! Ты еще раз спас мне жизнь. Как же мне отплатить тебе за добро, как отблагодарить?

— Не смей говорить о благодарности, дорогая Виолетта. Ведь благодаря тебе я узнал, что такое счастье. Спасая тебя, я спасаю и свое счастье, а значит, и свою жизнь тоже.

— Это в тебе говорит нежный и любящий брат, дорогой мой Медвежонок. Но от этого я нисколько не менее хотела бы сделать для тебя что-нибудь очень важное, доказать, какой нежностью к тебе переполнено мое сердце.

— Да ведь ты это каждый день доказываешь,— сказал Медвежонок со смехом.— Подумаем-ка лучше

о том, как выбраться отсюда. Ты ведь ничего не ела с утра, бедная моя Виолетта! Вон он на земле, наш с тобой обед, кабан его уничтожил. А сейчас уже поздно, день меркнет. Надо бы нам с тобой засветло добраться до дому.

Виолетта попробовала привстать. Но сил, то ли от пережитого страха, то ли от голода, у нее не оказалось, и она опять села на мягкий мох.

— Ноги не держат меня, Медвежонок. Что же мы теперь будем делать?

Медвежонок и сам был в большом затруднении — донести Виолетту до самого дома ему было не под силу, она теперь была совсем взрослой и тяжелой. Оставить ее в лесу на съедение диким зверям, чтобы пригнать из дома повозку с лошадью — это было чересчур рискованно. Сидеть в лесу не евши тоже не годилось — еды все равно не высидишь.

Чем больше Медвежонок думал, тем в большую растерянность он приходил — и вдруг к его ногам упал сверток. Он подобрал его, развернул — в свертке оказалось немного паштета, хлеб и бутылка вина.

Он понял, что и это подарок Феи-Забавницы. Мысленно сказав «спасибо», он поднес бутылку к губам Виолетты. Одного глотка этого удивительного вина хватило, чтобы подкрепить Виолетту. А когда она поела хлеба с паштетом, то стала совсем молодцом. После нее поел и Медвежонок. Они с аппетитом жевали и с набитыми ртами разговаривали о том, какого страху они натерпелись, и как хорошо, что все обошлось благополучно.

Между тем, стало смеркаться. Ни Медвежонок, ни Виолетта не знали, в какую сторону идти, чтобы

попасть на ферму. Они были в самой чаще леса. Виолетта отдыхала, прислонившись к тому самому дереву, которое послужило ей убежищем от кабана. Она не желала отходить от него, кто знает, удастся ли в темноте найти другое, столь же удобное место.

— Не волнуйся, Виолетта,— подбадривал ее Медвежонок.— Погода ясная, и вечер теплый. Ляг на мягкий мох, и проведем эту ночь под деревом. Я покрою тебя плащом, а сам лягу у тебя в ногах и буду тебя охранять. Мама и Роза не будут волноваться— ведь они и ведать не ведают, что нам с тобой грозила опасность. И мы с тобой довольно часто возвращаемся домой, когда они уже спят.

Виолетта не возражала — во-первых, ничего другого им не оставалось, а во-вторых, рядом с Медвежонком ей все было нипочем.

Медвежонок устроил для Виолетты удобную постель, укрыл девушку своим плащом, а сам растянулся в ногах и тут же заснул крепким сном.

Устав накануне, он спал долго, поэтому первой проснулась Виолетта. Было уже светло, и она улыбнулась, увидев, в какой грозной позе спит Медвежонок: топор он и во сне держал в правой руке, словно вызывая на бой всех кабанов на свете. Виолетта тихонько выбралась из-под плаща и принялась отыскивать тропинку, ведущую к ферме.

В это время Медвежонок проснулся, не увидел рядом с собой Виолетты и тут же вскочил, как ужаленный. Он окликнул ее голосом, осипшим от страха.

— Я здесь, дорогой брат, я здесь,— ответила она, подбегая к нему.— Я просто искала тропинку. Что с тобой, почему ты дрожишь?

— Мне привиделось, что тебя похитила какая-то злая Фея. И я стал ругать себя за слишком крепкий

сон! А сейчас я вижу тебя веселой и бодрой — и этого мне достаточно для счастья! Скорее в путь, нужно прийти на ферму до того, как проснется Роза.

Медвежонок хорошо знал лес и быстро нашел тропинку. Они явились домой буквально за минуту до того, как Роза вышла доить корову. В лесу они договорились, что ничего не скажут своим о пережитых опасностях, чтобы не заставлять их беспокоиться в будущем. Но Розе они, не утерпев, рассказали обо всем.

VIII

Пожар

После всего, что было, Медвежонок не захотел, чтобы Виолетта ходила в лес одна. Поэтому она теперь больше не носила ему обедов, и он приходил перекусить на ферму. Ну, а Виолетта без Медвежонка не отходила от фермы ни на шаг.

После происшествия в лесу прошло уже года три. И вот как-то раз Виолетта прибежала в комнату Медвежонка рано утром. Она была бледна и растрепанна.

— Пойдем-ка со мною, Медвежонок! — сказала она, увлекая его на двор.— Мне нужно поговорить с тобой, рассказать одну вещь... Да пойдем же!

— Что случилось, дорогая Виолетта? Что мне нужно сделать?

— Ах, Медвежонок, не можем мы ничего сделать, ни ты, ни я. Ты помнишь сон, что я видела в детстве — жабу, реку, опасность? Ну так вот, он опять приснился мне сегодня ночью. Медвежонок, твоя жизнь в опасности. А если умрешь ты, вслед за тобой умру и я.

— Как это так, почему это моя жизнь в опасности?

— Ты понимаешь, я крепко спала. И вдруг — жаба. Второй раз жаба! Она подскочила ко мне и сказала:

«Приближается миг, когда твой Медвежонок должен обрести свою естественную кожу, и это превращение совершится благодаря тебе. Я ненавижу тебя, и его тоже. Я постараюсь, чтобы ни один из вас не был счастлив. Он погибнет гораздо раньше, чем ты принесешь ему дурацкую жертву, на которую толкает тебя твоя глупость. Через несколько дней — а возможно, и через несколько часов я отомщу вам обоим за все. До свидания же, слышишь? До скорого свидания!»

— Я тут же хотела закричать «Нет, нет!» — и вместо этого проснулась. И я сразу увидела, угадай, кого? Жабу! Ту самую жабу! Она сидела у порога и грозно на меня смотрела. Потом она исчезла, а я долго лежала в постели ни жива, ни мертва. И наконец, вскочила, оделась и прибежала к тебе, чтобы предупредить. Бешеная Фея снова угрожает нам, мы должны сию же минуту поговорить с Феей-Забавницей.

Медвежонок слушал Виолетту со страхом. И боялся он вовсе не за себя. Причиной его страха было упоминание о жертве, которого Виолетта, к счастью, не поняла. Но он-то хорошо знал, что это за жертва. Одна лишь мысль, что его милая и красивая Виолетта из любви к нему наденет его мохнатую шкуру, вызывала в нем ужас. Тревога эта отразилась и во взгляде, передавшись Виолетте, которая с рыданиями бросилась к нему на шею:

— Бедный мой, любимый мой братик! — причитала она.— Тебя должны отнять у меня! И ты, не знающий страха, дрожишь! Ты, всегда утешавший меня, не находишь слов, чтобы вернуть мне мужество. Ты,

умеющий одолевать любые опасности, склоняешь голову и покоряешься обстоятельствам!

— О нет, Виолетта! Не от страха я дрожу, и не от боязни хмурюсь. Бешеная Фея в разговоре с тобою обронила одно словечко, и я знаю, что оно означает. Это угроза тебе, Виолетта, и из-за нее-то я дрожу, ею озабочен!

Услышав эти слова, Виолетта поняла, что заветный миг настал, и ей нужно будет исполнить обещание, данное жаворонку. Но вместо того, чтобы ужаснуться, она затрепетала от радости — она наконец-то могла заплатить своему дорогому Медвежонку преданностью за преданность и нежностью за нежность, она могла теперь что-то для него сделать! Поэтому на страхи Медвежонка она не обратила никакого внимания. Она поблагодарила его за заботу, поговорила с ним еще мягче обычного — она как бы прощалась с ним, потому что полагала, что скоро их может разлучить смерть. О том же самом думал и Медвежонок. Оба они в душе попросили Фею-Забавницу не оставлять их своим покровительством. Медвежонок даже попытался позвать ее вслух, но Фея на этот раз не откликнулась.

День прошел грустно. Ни Медвежонок, ни Виолетта не стали делиться своими страхами с Аньеллой. Зачем было ее расстраивать, когда она и так с каждым днем выглядела все печальнее,— по мере того, как ее дорогой Медвежонок становился старше.

— Надо же, ему уже двадцать лет,— думала Аньелла.— Если он и дальше будет так упорно чураться людей, если он не захочет сейчас поменяться кожей с Виолеттой, которая, я совершенно уверена, только об этом и мечтает,— то наверняка он проносит свою шкуру до самой смерти!

Часто Аньелла украдкой лила слезы, да только слезы эти делу не помогали.

В ту самую ночь, когда Виолетте приснился так напугавший ее сон, кое-что приснилось и Аньелле. Во сне ей явилась Фея-Забавница.

— Мужайтесь, королева! — сказала Фея.— Еще несколько дней, и Медвежонок расстанется со своею мохнатой шкурой. Помните же, как только это произойдет, зовите его принцем Мервеем.

Аньелла проснулась с ощущением надежды и счастья. С этой минуты она стала еще нежнее к Виолетте — ведь именно от нее зависело избавление ее сына.

Все легли спать с самыми разнообразными чувствами. Виолетта и Медвежонок были полны беспокойства за будущее, которое представлялось им таким неопределенным и грозным. Аньелла радовалась этому будущему — оно представлялось ей безмятежным и счастливым. Роза удивлялась, грустила и радовалась одновременно, сама не зная, почему. Каждый в конце концов заснул: Виолетта — наплакавшись, Медвежонок — наговорившись мысленно с Феей-Забавницей, Аньелла — с улыбкой на устах, думая о том, каким счастливым и красивым скоро станет ее Медвежонок. А Роза засыпала, в сотый раз задавая себе один и тот же вопрос: «И что это с ними сегодня такое?»

Прошел уже целый час, как на ферме воцарился покой, когда Виолетта вдруг проснулась от запаха гари. Тут же проснулась и Аньелла.

— Матушка,— сказала в темноте Виолетта,— вы ничего не чувствуете?

— Это горит наш дом! — и Аньелла вскочила с постели.— Смотри, за окном зарево!

Они выбежали в гостиную. Пламя уже подобралось и к ней, соседние комнаты горели тоже.

— Медвежонок! Роза! — звала Аньелла.

— Медвежонок! Медвежонок! — кричала Виолетта.

Полуодетая Роза появилась в гостиной.

— Мы погибли, мадам! Весь дом в огне, двери и окна на задвижках, они не открываются!

— Мой сын! Мой сын! — кричала Аньелла.

— Мой брат! Мой брат! — вторила ей Виолетта.

Они подбежали к дверям, но даже соединив свои усилия, не могли их открыть. Двери, как и окна, были словно приколочены гвоздями.

— Боже мой, тот сон сбывается,— пробормотала Виолетта.— Милый Медвежонок, прощай, прощай навсегда!

А Медвежонка тоже разбудили дым и пламя, хотя спал он на улице возле коровника. Он бросился к двери дома, но не смог ее открыть, несмотря на всю свою удивительную силу. Он так ее тряс, что любая другая дверь непременно рассыпалась бы в щепы. Но эту, по-видимому, держала сама Бешеная Фея.

Повсюду уже полыхало пламя. Медвежонок вскарабкался на приставленную лестницу, сквозь пламя проник на чердак и пробрался-таки в комнату, где его мать и Виолетта, тесно обнявшись, ожидали смерти. Прежде, чем они поняли, в чем дело, он схватил их в охапку, велел Розе не отставать, снова взобрался на чердак и спустился по лестнице, держа мать в одной руке, а Виолетту — в другой. Роза спускалась следом. Земли они коснулись в тот самый момент, когда и чердак, и лестницу охватило пламя.

Медвежонок положил Аньеллу и Виолетту на траву, подальше от огня. Роза между тем отнюдь не потеряла головы: она крепко держала в руках сверток с одеждой, которую догадалась собрать на скорую руку, едва начался пожар.

А ведь Аньелла и Виолетта не успели обуться и были в одних ночных рубашках! Понятно, что Розина одежда пришлась весьма кстати.

Поблагодарив мужественного Медвежонка, который спас всем им жизнь, рискуя своей собственной, они поблагодарили и Розу за предусмотрительность.

— Видите ли, я всегда говорю себе: главное — это спокойствие,— ответила Роза.— Вы, конечно, думали только о нашем дорогом Медвежонке, а я подумала еще и о том, что все мы можем оказаться без платьев и башмаков.

— Ты правильно поступила, Роза, но кому был бы нужен твой сверток, погибни матушка и Виолетта в огне?

— Да ведь я прекрасно знала, что вы не дадите им пропасть. Тот, кто находится рядом с вами, пропасть никак не может. Вы ведь и Виолетту уже в третий раз спасаете от гибели.

Виолетта крепко сжала руки Медвежонка и поднесла их к своим губам. Аньелла, поцеловав ее, сказала:

— Посмотри, как счастлив наш Медвежонок уже от того, что ты нежна с ним. Это самая дорогая для него награда, за все, что он для тебя сделал. И я совершенно уверена, что со своей стороны ты тоже пойдешь ради него на некоторые неприятности, если это будет нужно, не так ли?

Но прежде, чем Виолетта успела ответить, Медвежонок вмешался:

— Матушка, ради Бога, не просите у Виолетты никаких жертв, вы же знаете, что это навсегда сделает меня несчастным!

Аньелла хотела что-то ответить, но вдруг в смятении поднесла руку ко лбу:

— Послушай, Роза,— растерянно произнесла она,— а где шкатулка? Ты вынесла из огня шкатулку?

— Мадам... Про шкатулку я совсем забыла.

Лицо Аньеллы так омрачилось, что Медвежонок стал настойчиво расспрашивать, что это за шкатулка такая, и почему ее пропажа так огорчительна.

— Это был подарок Феи-Забавницы,— объяснила Аньелла.— Фея сказала, что в шкатулке заперто счастье Виолетты. Она стояла в шкафчике, у самого моего изголовья. Увы! Как же это я о ней забыла?

Она не успела закончить, как Медвежонок бросился к дому, охваченному пламенем, и несмотря на слезы и мольбы Аньеллы, Виолетты и Розы, исчез в огне, прокричав им:

— Я добуду эту шкатулку, или сгорю вместе с ней!

Воцарилась тревожное молчание. Виолетта упала на колени и простерла руки к горящей ферме. Аньелла, сжав ладони, в ужасе глядела на объятую пламенем брешь, через которую только что проскочил Медвежонок. Роза оцепенела, спрятав лицо в ладони.

Прошло несколько секунд. Трем женщинам они показались веками. Медвежонок не появлялся. Трещало горящее дерево, негромко выло пламя. Внезапно что-то оглушительно загрохотало, и Виолетта с Аньеллой вскрикнули.

Это обрушилась крыша дома. Теперь пылало все. Медвежонок был, конечно же, засыпан горящими обломками, раздавлен бревнами, уничтожен пламенем.

Шум пожара стихал. Воцарилось зловещее молчание, катастрофа завершалась. Пламя съежилось и стало гаснуть. Больше никакие звуки не тревожили уныния Аньеллы и Виолетты.

Виолетта упала на руки Аньеллы, и обе долго рыдали без слов. Рассвело. Роза смотрела на дымящи-

еся руины и утирала слезы косынкой. Бедняга-Медвежонок был погребен под этими руинами, в этом не было никаких сомнений. Он стал жертвой своего мужества и своей преданности. Аньелла и Виолетта всё плакали и, казалось, не понимали, что творилось вокруг них.

— Пойдемте же куда-нибудь отсюда! — сказала, наконец, Роза.

Ни Аньелла, ни Виолетта ей не ответили.

Роза решила увести Виолетту с пожарища.

— Пойдем, девочка, пойдем со мной! Нужно найти приют на эту ночь. Погода, кажется, ясная, спать можно и под открытым небом.

— Зачем мне теперь приют? — всхлипывала Виолетта.— И какое мне дело до погоды? Ясной погоды для меня уже никогда не будет. Солнце будет всходить только для того, чтобы осветить мою печаль!

— Но ведь если мы останемся тут и будем только плакать, мы умрем не от горя, а просто от голода. Печаль печалью, а пора бы и перекусить.

— А мне все равно, от горя мне умереть, или от голода. На этом вот месте я в последний раз видела моего дорогого Медвежонка, здесь он жизнью своей заплатил за любовь к нам, и я с этого места никуда не двинусь.

Роза только пожала плечами, она вспомнила о корове, хлев которой не был затронут огнем. Она побежала в хлев, подоила корову, выпила крынку молока и попыталась напоить Аньеллу и Виолетту.

Аньелла поднялась с земли и сказала Виолетте торжественным тоном:

— Ты грустишь, дочь моя, и правильно делаешь — у Медвежонка было благородное сердце. Ведь он любил тебя больше всего на свете, и чтобы избавить от несчастья тебя, он пожертвовал собственным счастьем.

И Аньелла рассказала Виолетте сцену, разыгравшуюся перед рождением Медвежонка. А также и о том, что Виолетта могла бы, если бы только захотела, избавить его от звериной личины, приняв ее на себя. И о том, что Медвежонок настоятельно просил даже не намекать Виолетте на возможность такой жертвы.

Какая нежность, какое восхищение и какое сожаление захлестнуло душу Виолетты, когда она узнала эту тайну! Разумеется, она заплакала еще горше.

— Ну а теперь, дети мои,— продолжала Аньелла,— настало время выполнить наш последний долг — нужно достойно похоронить моего сына. Разберем-ка эти развалины, уберем головешки. Под ними мы найдем останки нашего дорогого Медвежонка.

Рыдания перехватили ей горло, и она не смогла закончить.

IX

Колодец

Аньелла, Виолетта и Роза медленно направились к обугленным развалинам фермы. С мужеством отчаяния они стали разбирать угли и головешки. На это ушло целых два дня. На останки бедного Медвежонка им набрести не удалось, хотя они перебрали уголек за угольком и руками разгребли всю золу. Вытаскивая почти сгоревшие половицы, Виолетта с удивлением увидела какое-то странное отверстие. Она торопливо расчистила его, и открылся вход в какой-то колодец. Сердце ее гулко билось, в нем затеплилась слабая надежда.

— Медвежонок! — позвала она осипшим вдруг голосом.

— Виолетта, дорогая моя! Я здесь, я жив и здоров!

Виолетта ответила коротким глухим криком. После этого она лишилась чувств и рухнула вниз, прямо в колодец. И если бы Фея-Забавница не подставила проворно своих рук, Виолетта раскроила бы себе голову и переломала бы ребра о стенки колодца. Но Фея, уже оказавшая им столько услуг, вовремя успела и тут — она мягко поддержала Виолетту, и та тихонько спустилась к ногам Медвежонка.

На дне колодца она очень быстро пришла в сознание. Ни он, ни она не могли поверить в свое счастье. И оба уверяли друг друга в вечной любви. Из этого блаженного состояния их вывели крики Розы, которая, потеряв из виду Виолетту, тоже стала разгребать пепелище и тоже увидела колодец. Взглянув в него, она увидела белое платье Виолетты и решила, что Виолетта специально бросилась в колодец, и нашла там смерть, которую так давно призывала.

Роза стала кричать так, что было слышно во всей округе, а Аньелла неторопливо шла к ней, не понимая, что же там еще могло произойти.

— Роза, голоси потише,— крикнул ей Медвежонок.— Ты напугаешь матушку! Я здесь, в колодце, и Виолетта со мною. Нам тут очень уютно, у нас все есть.

— Какое счастье! Какое счастье! — еще громче закричала Роза.— Мадам, идите сюда, скорее! Они здесь, они целы и невредимы, у них все есть!

Аньелла, бледная, полумертвая, слышала Розу — и ничего не понимала. Она бессильно опустилась на колени, и у нее не было сил подняться. Но вот до нее донесся голос ее дорогого Медвежонка:

— Матушка, дорогая матушка! Ваш бедняга-Медвежонок жив и здоров!

Аньелла бросилась к отверстию колодца и наверняка в него свалилась бы, не обхвати ее Роза руками и не оттащи назад.

— Королева, успокойтесь! Если вы хоть немного любите вашего сына, то погодите бросаться в эту яму, вы убьетесь! Сейчас вы увидите и вашего ненаглядного Медвежонка, и нашу обожаемую Виолетту.

От счастья, такого внезапного, Аньелла соображала довольно плохо, но мудрость Розиного совета она поняла. Она неподвижно замерла над ямой, и стала ждать, пока Роза принесет лестницу.

Роза отсутствовала довольно долго. Но нам придется ее извинить — ведь, как-никак, и она тоже была взволнована! Вместо лестницы она сначала схватилась за веревку, потом за вилы, потом за стул. Она даже подумала на минутку, не опустить ли в колодец корову, чтобы бедный Медвежонок мог напиться парного молока. Но в конце концов она все-таки разыскала лестницу — та была прямо перед ней, под руками, но Роза ее не замечала!

В то время, как Роза искала лестницу, Медвежонок и Виолетта неумолчно говорили, как они теперь счастливы и, перебивая друг друга, рассказывали друг дружке о пережитом.

— Я благополучно пробежал через пламя,— вспоминал Медвежонок,— и стал наощупь искать материнский шкаф. От дыма я ничего не видел, было нечем дышать, и в это время меня кто-то схватил за волосы и бросил на дно вот этого самого колодца. Но вместо воды и сырости я почувствовал лишь приятную свежесть. Пушистый ковер выстилал дно — ты, Виолетта, можешь и сейчас на него взглянуть. Откуда-то прони-

кал мягкий свет. А рядом с собою я обнаружил провизию — вот эту самую. Но я ни до чего не дотронулся, мне хватило глотка вина. Я понимал, что ты в отчаянии, и наша матушка тоже не находит себе места. Я был этим просто убит, и Фея-Забавница, видя мое состояние, сжалилась надо мною — она явилась мне, приняв твое, Виолетта, обличье. И я действительно решил, что это ты, я рванулся, чтобы заключить тебя в объятия, но обнял только туманный воздух, что-то вроде облака пара.

— Медвежонок,— с улыбкой сказала мне Фея,— я вовсе не Виолетта, я только позаимствовала ее облик, чтобы убедительнее доказать тебе мою дружбу. Не волнуйся, ты увидишь ее завтра. Она сейчас горько плачет, думая, что ты погиб, но не далее чем завтра я пришлю ее к тебе, она нанесет тебе визит прямо здесь, на дне этого колодца. Она будет рядом с тобою, когда ты станешь подниматься из этого темного убежища, и когда ты увидишь мать, небо, и теплое, яркое солнышко, на которое сейчас ни твоя мать, ни Виолетта не желают и смотреть, но которое снова покажется им прекрасным, как только ты окажешься рядом с ними! Но только не забудь — попозже тебе придется еще раз наведаться в этот колодец, ведь в нем зарыто твое счастье.

— Мое счастье? — спросил я у Феи.— Счастье я обрету тогда, когда окажусь рядом с моими близкими.

— Не годится противоречить Фее — я повторяю тебе: в этом колодце закопано твое счастье и счастье Виолетты.

— Но ведь и счастье Виолетты, мадам, заключается в том, чтобы жить возле меня и нашей матушки, разве не так?

— Ах, как славно ты ей ответил, дорогой Медвежонок,— не удержалась Виолетта.— И что же сказала на это Фея?

— Я знаю, что я говорю,— вот что она сказала.— Пройдет несколько дней, и ты почувствуешь, что твое счастье неполно. И тогда все недостающее ты найдешь здесь. До свидания, непонятливый Медвежонок!

— До свидания, мадам! И надеюсь, до скорого.

— Когда мы увидимся с тобою в следующий раз, это не доставит тебе большого удовольствия, бедное мое дитя. Ты еще, чего доброго, скажешь: «Хорошо было бы вообще никогда ее не видеть!» Так что молчи — и прощай!

— И она со смехом улетела, оставив после себя дивный аромат, от которого в сердце разлились покой и нежность. Я перестал терзаться и принялся ждать тебя.

Виолетта, в общем-то, понимала, почему возвращение Феи-Забавницы сулило Медвежонку огорчения. После того, как Аньелла рассказала ей, какую жертву она может принести ради счастья Медвежонка, Виолетта решила, что так и сделает, как бы Медвежонок ни сопротивлялся. И теперь надежда на это удваивала для нее радость от желанной встречи.

Когда Медвежонок закончил свой рассказ, они услышали раскатистый голос Розы, которая кричала им:

— Я принесла лестницу, дети мои, держите! Только смотрите, как бы она не свалилась вам на головы. У вас там, кажется, есть еда — захватите ее с собой, у нас тут кушать нечего. Я уже целых два дня жую, только пыль и запиваю ее молоком нашей Белянки. А ваша матушка да Виолетта — те вообще питаются только воздухом и слезами... Осторожнее, не сломайте у нее ступеньки! Мадам, мадам, да вот они! Вот голова Медвежонка, а вот и кудри Виолетты. Молодцы, еще

две ступеньки, и мы вас хорошенько рассмотрим. Ну, вот вы и тут!

Аньелла, бледная и дрожащая, смахивала на статую — она не могла двинуть ни рукой, ни ногой. Медвежонок, убедившись, что они добрались до поверхности и Виолетте не грозит падение в колодец, прямо с лестницы бросился в объятия матери, и та стала покрывать его поцелуями и орошать слезами. Обнимала она его долго — видеть сына живым и невредимым после того, как она в мыслях уже успела его похоронить, казалось ей немыслимым чудом. Наконец, Роза положила конец этой умилительной сцене — она оттащила Медвежонка от матери со словами:

— Хватит, хватит, теперь моя очередь обниматься! Вы совсем меня забыли — верно, от того, что я не проливаю слез, сохраняю ясную голову и не трачу сил на ерунду. Разве не благодаря мне вы вылезли из этой кошмарной дыры? Впрочем, вы говорите, что вам в ней было совсем неплохо?

— Да, да, дорогая Роза, мы очень тебя любим, и я благодарю тебя за твою лестницу. Но мне и в самом деле сиделось внизу вполне уютно, в особенности с той минуты, как ко мне спустилась Виолетта.

— Вот, вот, именно этого я и не могу понять — как это, дитя мое, вы спустились туда без лестницы, и при этом не расшиблись?

— Все очень просто, Роза, я не спустилась в этот колодец, я в него просто упала, и Медвежонок поймал меня в свои объятия.

— Все это не очень понятно,— пробормотала Роза,— наверняка дело здесь не обошлось без Феи-Забавницы.

Пока они вели эту беседу, в желудках у них

вполне явственно посасывало, а это означало, что уже давно пора обедать. Медвежонок впопыхах оставил провизию, подаренную Феей, на дне колодца. Пока раздавались последние поцелуи, всхлипы и шмыганье носов, Роза, не говоря ни слова, спустилась в колодец и тут же поднялась со свертком в руках. Еду она тут же разложила перед остатками дома на пучке соломы. А перед этим пучком разложила еще четыре пучка, поменьше,— они должны были служить стульями.

— Обед на столе,— объявила она,— прошу откушать. Вот паштет, вот ветчина, вот хлеб, вот вино! Да здравствуют добрые Феи!

Аньелла, Виолетта и Медвежонок не заставили себя просить дважды. Они весело расселись на соломе. Аппетит у них был хороший, еда — вкусной. Невзгоды были забыты, и все лица сияли счастьем. Они смеялись, болтали и пожимали друг другу руки — им было так хорошо!

Когда обед был закончен, Роза стала вслух удивляться, почему это Фея теперь перестала доставлять им все необходимое.

— Смотрите-ка сами,— сказала она,— наш дом в развалинах, и теперь у нас ничего нет. Наше единственное убежище — это хлев, наши перины — охапки соломы, а провизия, найденная в колодце — это наше единственное пропитание. А ведь когда-то все появлялось у нас даже раньше, чем мы успевали попросить!

Аньелла поспешно взглянула на свою ладонь — кольца на мизинце больше не было! С этой минуты им предстояло самим добывать себе хлеб в поте лица. Медвежонок и Виолетта, видя, что она так озабочена, спросили ее о причине.

7 2—108

— Увы, дети мои, вы, конечно, сочтете меня неблагодарной за то, что сейчас, когда нам так хорошо друг с другом, я беспокоюсь о будущем. Но я обнаружила, что во время пожара потеряла кольцо, подаренное Феей, то самое кольцо, что избавляло нас от нужды. Больше его нет, что же мы теперь будем делать?

— Не беспокойтесь, дорогая матушка,— стал успокаивать ее Медвежонок.— Я теперь совсем взрослый и очень сильный. Я легко найду себе работу, и мы все будем жить на мои заработки.

— А я? — сказала Виолетта.— Разве не смогу и я помогать нашей доброй матушке и нашей милой Розе? Когда ты, Медвежонок, будешь искать работу для себя, не забывай искать ее и для меня.

— Я пойду искать работу прямо сейчас,— решил Медвежонок.— Прощайте, матушка, до свидания, Виолетта.

И поцеловав той и другой руку, он удалился легкими и быстрыми шагами.

Бедный Медвежонок! Он и предвидеть не мог того приема, который ожидал его во всех домах, куда он полагал обратиться за работой!

X

Ферма. Замок. Кузница

Идя скорым и легким шагом, Медвежонок за четверть часа добрался до большой и богатой фермы, на которой он надеялся получить какую-нибудь работу.

Издалека он завидел и фермера, и его семью — все они сидели перед дверью дома и обедали.

Он подошел уже совсем близко, когда один из детей, мальчик лет десяти, его заметил. Он соскочил со стула, завопил от ужаса и убежал в дом.

Второй ребенок, восьмилетняя девочка, услышав крик брата, повернула голову, посмотрела и тоже пронзительно закричала.

После этого стали смотреть и все остальные. Увидев паренька в медвежьей шкуре, женщины закричали, мужчины похватали кто палки, а кто и вилы — они, по-видимому, приняли Медвежонка за диковинного зверя, сбежавшего из зоосада.

Медвежонок, видя, что его появление вызывает только страх и враждебность, поспешно заговорил с ними, стараясь рассеять их опасения.

— Не бойтесь меня, я вовсе не медведь,— сказал он.— Я просто несчастный заколдованный человек, я ищу работу и буду рад, если у вас для меня что-нибудь найдется.

Фермер, услышав, что медведь умеет разговаривать по-человечьи, безмерно удивился. Не зная, то ли бежать ему, то ли завязать со зверем беседу, он в конце концов все же решился поговорить.

— Ты кто такой? Откуда ты явился? — спросил он.

— Я сын фермерши Аньеллы, мы живем в Лесной Усадьбе,— ответил Медвежонок.

— Ах, так это ты в прошлые годы шлялся с матерью на рынок и пугал наших ребятишек! Ты ведь всегда жил в лесу — и прекрасно обходился без нашей помощи, не так ли? Зачем же ты пришел к нам сейчас? Ступай себе подобру-поздорову, живи и дальше медведем.

— Вы, верно, слышали — наша ферма сгорела при

пожаре, усадьбы больше нет. Мне нужно кормить мать и сестру, я хочу работать. Я силен и здоров, вы останетесь довольны моей работой. Упорства у меня тоже хватит. Я буду делать все, что вы мне поручите.

— Значит ты, сопляк, думаешь, что я возьму к себе в работники мерзкую зверюгу вроде тебя? Да от твоего вида у меня в доме все со страху перемрут — и жена, и служанки. А с детьми судороги начнутся. Ишь ты, придумал! Работу ему дайте! Убирайся и дай нам спокойно обедать.

— Господин фермер, сжальтесь! Испытайте меня в работе! Я буду работать без помощников, я никого не стану пугать, я буду прятаться от ваших детей, чтобы не попасться им на глаза.

— Перестань надоедать, несчастный медведь! Убирайся сию минуту, не то я пощекочу тебя вилами!

Бедняга-Медвежонок понурился. Слезы унижения и горя блеснули у него на глазах. Медленными шагами, провожаемый смехом и улюлюканьем фермера и его челяди, он удалился.

Когда он убедился, что его уже никто не видит, он дал полную волю слезам. Но в унижении и горе ему ни разу не пришло на ум, что Виолетта, стоит ей только захотеть, легко может его избавить от опостылевшей медвежьей шкуры. Он прошел еще сотню шагов и заметил богатый особняк с башенками, возле которого суетилось много народу. Кто полол грядки в огороде, кто запрягал лошадей возле конюшни, кто вскапывал клумбы, кто чинил бороны и плуги.

— В таком хозяйстве наверняка найдется работа и для меня,— сказал себе Медвежонок.— Ни женщин, ни детей поблизости не видно. Ну, а мужчин, надо надеяться, я не очень перепугаю.

Медвежонок подошел поближе, вежливо снял шапку и обратился к человеку, который отдавал работникам всевозможные распоряжения.

— Месье...— начал он.

Человек поднял голову. Он бросил на Медвежонка только один взгляд и тут же отступил на шаг. Потом он с удивлением принялся его рассматривать.

— Кто ты такой и чего хочешь? — спросил он неприветливо.

— Месье, я сын фермерши Аньеллы, мы живем в лесу.

— Оно и видно. Зачем ты пришел сюда из своего леса?

— Наша ферма сгорела, месье. Я ищу работу, чтобы прокормить мать и сестру. Я думаю, у вас найдется какая-нибудь работа?

— У меня — работа? Это для медведя-то?

— Месье, я медведь только с виду. Под моей звериной шкурой есть сердце, и оно человеческое, оно способно и на дружбу, и на благодарность. Вам не придется жаловаться ни на мою работу, ни на мое прилежание.

Пока Медвежонок говорил, человек его слушал с видом весьма насмешливым. Но тут привязанные неподалеку лошади заволновались, стали брыкаться и ржать. Конюхам не удавалось их успокоить; несколько лошадей сорвались с узды и ринулись в поле.

— Это из-за медведя! — кричали конюхи.— Лошади его бояться. Гоните его, пусть он уходит.

— Ты слышал? Убирайся! — крикнул ему управляющий.

Медвежонок, объятый изумлением, не двигался с места.

— Ах, вот как? Значит, ты не желаешь уходить? — заорал человек.— Ну, погоди, несчастный бродяга, мы

устроим на тебя охоту. Эй, спустите-ка на него собак! Да побыстрее, зверь может и улепетнуть!

Медежонок, и вправду ошеломленный таким грубым обращением, побрел прочь — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее; ему хотелось поскорее уйти от таких злых людей. Вторая его попытка найти работу тоже окончилась неудачей! Он очень опечалился, но еще на что-то надеялся.

— Сейчас всего три или четыре часа дня,— пробормотал он.— У меня еще масса времени.

И он направился к кузнице, что стояла у самой дороги в трех или четырех лье от Лесной Усадьбы. Хозяин кузницы всегда держал множество помощников, и обычно у него хватало работы для каждого, кто ни пожелает. Но работу чужим он давал вовсе не от доброты сердечной; прежде всего он на этом и сам выгадывал. Кроме того, ему нравилось, когда в нем нуждались. Кузнеца в округе побаивались, и не любили. Хоть на нем и держалось все богатство прилежащих деревень, да только никто не был ему благодарен, потому что пользовался этим богатством, в сущности, он один. Все его сезонные и постоянные помощники не могли найти никакой работы нигде, кроме как у этого новоявленного маркиза Де Карабаса.

Итак, Медвежонок добрался до кузницы. Хозяин стоял в дверях, бранил одних работников, угрожал другим, нагонял страху на третьих.

— Добрый день, месье,— сказал Медвежонок, подойдя поближе,— не найдется ли у вас работы и для меня?

— Непременно найдется. У меня работа всегда есть, и самая разная. Ты по какой части будешь? — при этих словах хозяин поднял голову, увидел Медвежонка, и глаза его блеснули гневом.

— Это что еще за шутки такие? У нас не карнавал, с чего это мои работники стали наряжаться, как шуты? А ну-ка, живо выбирайся из этой жуткой шкуры, не то я подпалю ее огнем горна.

— Увы, месье, это совсем не маскарад,— грустно отвечал Медвежонок.— Это моя собственная кожа. Но я все равно хороший работник, и если вы дадите мне дело, то увидите, что у меня хватит и сил, и умения.

— Вот я сейчас дам тебе дело, мерзкая зверюга! — заорал хозяин.— Я велю запихать тебя в мешок и отошлю в зверинец. Тебя швырнут в яму, где сидят твои приятели-медведи. У тебя будет дел вдоволь, обороняться от их когтей — это тебе не дурака со мной валять. Вон отсюда, каналья! Проваливай, не то попадешь в зоопарк!

Он замахнулся палкой и обязательно огрел бы ею Медвежонка, не отскочи тот в сторону.

XI

Обмен

Теперь Медвежонку оставалось только вернуться домой. Он был обескуражен и грустен, он был сломлен. Он плелся еле-еле и на ферму пришел уже затемно. Виолетта выбежала ему навстречу, взяла его за руку и, не говоря ни слова, отвела к матери. А перед Аньеллой она встала на колени и сказала:

— Матушка, я знаю обо всем, что пришлось вытерпеть нашему любимому Медвежонку. Пока его не было, Бешеная Фея мне все рассказала. А потом Фея-Забавница все это подтвердила. Вы ведь помните, матуш-

ка — когда вы решили, что Медвежонка больше нет на свете, вы рассказали мне обо всем, что он, добрая душа, хотел от меня скрыть. Я ведь знаю, что могу забрать его косматую личину себе и этим вернуть ему человеческий облик. Я счастлива, что могу отблагодарить его за нежность и преданность. Я требую, чтобы состоялся обмен, о котором говорила Фея-Забавница. Позовем же ее и примемся за дело немедленно.

— Одумайся, Виолетта! — в ужасе закричал Медвежонок.— Сейчас же возьми свои слова обратно! Ты сама не знаешь, на что ты идешь. Ты не знаешь, какая жалкая и неприкаянная жизнь тебя ожидает. Ты осудишь себя на одиночество и отчуждение, ты будешь внушать людям ужас и жить в постоянном отчаянии. Ах, Виолетта, ради всех святых, возьми назад свои слова!

— Медвежонок, дорогой мой! — сказала Виолетта спокойно и очень решительно.— Ты, кажется, думаешь, что я иду на великую жертву, а я просто выполняю веление сердца, и когда я сделаю это, я стану по-настоящему счастливой. Самое главное для меня — это доказать, как я тебя люблю и как я хочу твоего счастья. Я буду уважать себя, если сделаю это, и презирать — если не сделаю.

— Остановись, Виолетта, еще один только миг. Подумай, как мне станет больно, когда я увижу мою пригожую, очаровательную сестренку в звериной шкуре, когда мне придется бояться, что люди подымут тебя на смех, когда они будут приходить в ужас при одном взгляде на тебя! Ах, Виолетта, не приговаривай своего бедного Медвежонка к столь горькой муке! Ведь я уже привык к этой шкуре, а тебе только еще придется к ней привыкать!

Хорошенькое личико Виолетты погрустнело. Страх,

что Медвежонку станет неприятно на нее смотреть, заставил ее вздрогнуть. Но это смутное чувство тут же прошло, не повлияв ни на ее решимость, ни на ее нежность.

Вместо ответа она бросилась в объятия Аньеллы и сказала:

— Матушка, обнимите-ка в последний раз вашу Виолетту, пока она еще беленькая да хорошенькая.

И в то время, как Аньелла, Медвежонок и Роза обнимали ее на прощание и дарили ей ободряющие взгляды, в то время, как Медвежонок, стоя на коленях, молил оставить ему эту теплую шкуру, с которой он так свыкся за двадцать лет, Виолетта громко возгласила:

— Фея-Забавница! Фея-Забавница! Придите и примите мою плату за жизнь и счастье моего дорогого Медвежонка!

В ту же минуту во всем своем величии появилась Фея-Забавница. Она влетела в хлев на колеснице из чистого золота, в которую было впряжено сто пятьдесят жаворонков. Она была одета в лучший свой наряд — в платье из крыльев бабочек, весьма смелой расцветки. Плечи ее были закутаны ажурным, украшенным мелкими бриллиантами покрывалом, которое тянулось за нею на добрых десять шагов. Ее волосы, отливающие золотым шелком, были украшены скромной короной из топазов, сверкающих, словно маленькие солнца. Каждая из ее туфелек представляла собою большой выдолбленный рубин. Нежное, красивое и веселое лицо Феи-Забавницы сияло от удовольствия. Она остановила на Виолетте доброжелательный взгляд.

— Так ты и вправду этого хочешь, дитя мое? — спросила она.

— Мадам,— вскричал Медвежонок, и умоляюще

сложил руки,— ради Бога, послушайте меня! Неужели вы исполните нелепое желание этой глупышки Виолетты? Ведь если меня заставят принять ее жертву, я навечно стану несчастным! Неужели же вы хотите этого? Не делайте этого, моя хорошая, моя славная, моя добрая Фея, не нужно, умоляю вас!

Но пока Медвежонок лихорадочно бормотал свои мольбы, Фея слегка дотронулась своей волшебной палочкой до Виолетты, потом до Медвежонка, и сказала:

— Пусть все будет так, как хочет твое сердце, дитя мое! И пусть все будет наперекор твоим желаниям, сын мой!

В тот же миг лицо, руки и все тело Виолетты покрылись длинной и мягкой шерстью, а на Медвежонке никакой шерсти уже не было! У Медвежонка теперь была белая и гладкая кожа, и выглядел он настоящим красавцем. Виолетта смотрела на него с неподдельным восхищением. А он, опустив глаза, полные слез, не смел взглянуть на свою бедную Виолетту, подвергшуюся столь ужасному превращению. Наконец, он все-таки посмотрел на нее, тут же бросился ее обнимать, и оба заплакали. Медвежонок был удивительно красив. Ну, а Виолетта была такою, каким еще минуту назад был ее Медвежонок. Собственно, никакого определенного облика у нее не было, она стала просто никакой — ни красивой, и ни уродливой.

Виолетта подняла обросшую шерстью голову, взглянула испытующе на Аньеллу, и та поспешила протянуть ей обе руки.

— Спасибо тебе, моя девочка, доброе, щедрое мое дитя! — сказала Аньелла.

— Матушка,— тихо спросила Виолетта,— а вы будете меня любить такою?

— Буду ли я тебя любить! Дочка моя, моя славная,

моя добрая! Да ты мне в сто, в тысячу раз милее, чем прежде!

— Виолетта,— тихо попросил Медвежонок,— ты, пожалуйста, не бойся выглядеть страшилищем в наших глазах. Ты для меня сейчас еще красивее, чем раньше. Ты мне сестра и самый лучший друг. Ты всегда будешь спутницей моей жизни, идеалом моего сердца!

XII

Сражение

Виолетта собиралась что-то ответить, но в это время раздался странный, похожий на мычание звук.

На землю медленно опустилась тележка, обтянутая крокодиловой кожей и запряженная полусотней громадных жаб. Жабы пыхтели, шипели и, конечно же, все вокруг забрызгали бы своим едким ядом, если бы Фея-Забавница с самого начала этого им категорически не запретила.

Как только эта повозка приземлилась, из нее вышло толстое и безобразное чудище. Эта была наша старая знакомая, Бешеная Фея. Ее и без того выпученные глаза на этот раз просто вылезали из орбит. Ее широкий приплюснутый нос почти закрывал морщинистые желтые щеки, рот начинался у одного уха и кончался у другого. А когда эта удивительная Фея открывала рот, показывался черный заостренный язык, облизывающий редкие кривые зубы, вокруг которых пузырилась зеленоватая слюна.

Ростом Бешеная Фея была невелика, всего с пень, зато уж поперек себя толще. Дряблым и желтым жиром

был налит ее толстый, тугой, как барабан, живот. Сероватая кожа рук и лица выглядела клейкой и холодной. Реденькие желто-рыжие волосы падали во все стороны разрозненными прядями и спускались по складчатой, выпячивающейся зобом шее. Широкие и плоские ладони торчали хищно, словно акульи плавники. Платье на ней было из кожи улиток, а мантия — из жабьей кожи.

Она медленно шла навстречу Медвежонку... Впрочем, позвольте, какой же он Медвежонок? С этой минуты мы должны называть его принцем Мервеем — ведь это его настоящее имя. Так вот, Бешеная Фея остановилась прямо перед принцем Мервеем, бросила взгляд на Фею-Забавницу, потом торжествующе и с издевкой оглядела Виолетту, потом скрестила толстые и клейкие руки на огромном животе и сказала резким и хриплым голосом:

— Моя сестра одержала надо мной победу, принц Мервей. Но одно-единственное утешение у меня все же остается: тебе не изведать счастья, потому что ты вернул себе красоту, взяв ее у этой маленькой дурочки. Посмотри же, как она страшна и смешна, ведь ты теперь, небось, к ней и близко не подойдешь! Да, да, реви, глупая девочка-Медведь! Долго еще тебе плакать, и горько пожалеешь ты, что отдала принцу Мервею свою белую кожу!

— Нет, мадам, я никогда об этом не пожалею. Жалею я только об одном — мне нужно было пойти на этот обмен гораздо раньше.

Но тут в разговор вмешалась Фея-Забавница, чье лицо приняло выражение суровое и даже сердитое. Она с негодованием взмахнула своей палочкой и сказала:

— Неплохо бы вам замолчать, сестра моя! Вам недолго еще придется издеваться над несчастьем Виолетты. Уж эту-то беду я исправлю, доброта и покорность девочки заслуживают награды.

— Я запрещаю вам помогать ей, не то вас постигнет мой гнев! — Тут же закричала Бешеная Фея.

— Я не страшусь вашего гнева, сестра моя. Я могла бы наказать вас, но не желаю снисходить до этого — слишком много будет для вас чести.

— Наказать — меня? Ты еще осмеливаешься мне угрожать?

И громким свистом она подозвала свой экипаж, взгромоздилась на сидение, поднялась в воздух и хотела обрушить свою тяжелую тележку на Фею-Забавницу, чтобы удушить ее ядом своих жаб. Но Фея-Забавница хорошо знала коварный нрав своей сестрицы, а верные жаворонки все время держали ее экипаж на весу тут же рядом; она мигом в него прыгнула. Жаворонки взвились, зависли над жабами и камнем на них обрушились. Однако, жабы, хоть и были тяжелы, но все же сумели уклониться от удара, дернув тележку в сторону. При этом им удалось прыснуть ядом на ближайших к ним жаворонков, которые мгновенно испустили дух. Но Фея-Забавница молниеносно их выпрягла, подняла свой экипаж еще выше и так ловко спланировала на жаб, что проворные жаворонки, орудуя коготками, тут же вырвали жабам глаза, прежде чем Бешеная Фея успела прийти на помощь своей армии. Писк и шипение жаб и щебетание жаворонков создавали такой оглушительный шум, что Фее-Забавнице пришлось крикнуть своим друзьям, со страхом смотревшим на это сражение:

— Отойдите подальше и заткните уши!

Что и было тотчас исполнено.

Бешеная Фея собрала свои последние силы: она направила своих ослепших жаб прямо на жаворонков,

чтобы взять их в лоб и забрызгать ядом. Но Фея-Забавница на своем легком экипаже парила все выше и выше, и Бешеная Фея никак не могла за нею угнаться. Наконец, не в силах более сдерживать гнева, она закричала:

— Тебя поддерживает сама Царица Фей, эта старая плутовка, на которую я с удовольствием поглядела бы в преисподней.

Едва она произнесла эти слова, как ее тележка тяжело грохнулась на землю. Все жабы до единой тут же издохли, а тележка провалилась сквозь землю, оставив на поверхности упряжь с дохлыми жабами.

Рядом с упряжью стояла Бешеная Фея, и теперь она выглядела просто как огромная толстая жаба. Она хотела было заговорить, но из ее рта вырвалось лишь мычание да шипение. Она злобно пучила глаза на Фею-Забавницу и ее жаворонков, на принца Мервея, на Виолетту и Аньеллу, но сделать им зло уже не могла — власти ее пришел конец.

Вот тогда-то Фея-Забавница приземлила свой экипаж, вышла из него и сказала:

— Царица Фей покарала тебя за твою неслыханную невоспитанность, сестра моя. Тебе придется покаяться, если только ты хочешь снискать прощение.

Вместо ответа жаба выпустила струю яда, которая, к счастью, никого не задела. Тотчас Фея-Забавница протянула к ней свою палочку.

— За это я повелеваю тебе исчезнуть,— сказала она.— Не смей более никогда являться на глаза Виолетте, принцу и их матери, Аньелле.

Едва она закончила говорить, как жаба исчезла, и упряжка тоже пропала, и от нее не осталось даже самого пустячного ремешка. Фея-Забавница некоторое время стояла неподвижно, словно отгоняя грустные

мысли. А потом она приблизилась к принцу Мервею и сказала ему:

— Дорогой мой принц! Я обращаюсь к вам, называя принцем, потому что этот титул полагается вам от рождения: вы ведь сын короля Фероса-Яростного и королевы Аматы, которая до сих пор скрывалась под видом скромной фермерши Аньеллы. Имя вашего отца в достаточной степени обозначает его характер: когда ваша матушка пыталась помешать ему убить его собственного брата, короля Индолана-Махни-На-Все-Рукой и супругу его, королеву Беззаботу, он обернул гнев против жены. И мне пришлось закутать ее в облако и перенести в безопасное место вместе с верной служанкою, Розой. Что же до вас, принцесса Виолетта, то история вашего рождения примерно такая же, как у принца Мервея. А ваш отец и ваша мать — это и есть тот самый король Индолан и королева Беззабота; после того, как королева Амата их спасла, они продолжали веселиться и наверняка умерли бы от полного безделья, но король Ферос все-таки добрался до них и заколол своим любимым кривым кинжалом. Позже и король Ферос был свергнут и убит своими же подданными, которые не могли более терпеть его жестокого правления. Теперь эти подданные ждут вас, принц Мервей, они умоляют, чтобы вы правили ими. Я уже рассказала им о вас и дала обещание, что вы изберете себе достойную супругу; дело, как я понимаю, к тому и идет. Вы можете остановить ваш выбор на любой из двенадцати принцесс, которых ваш отец держал беззаконно в тюрьме после того, как истребил их родителей. Все они красивы и умны, и каждая готова принести вам в приданое свое королевство.

От удивления принц Мервей лишился дара речи. При последних же словах Феи он обернулся к Виолетте и увидел, что она плачет.

— Почему ты плачешь, милая моя Виолетта? — с укором сказал он.— Неужели ты боишься, что я буду тебя стыдиться, что побоюсь рассказать своим придворным, с какой нежностью я к тебе отношусь, что скрою от людей твой великодушный поступок? И забуду о тех узах, которые соединили нас с тобою навсегда? По-твоему, я способен оказаться неблагодарным, забыть о тебе и предпочесть одну из принцесс, заточенных в тюрьму моим отцом? Нет, милая Виолетта, до сих пор я видел в тебе просто сестру, но с этой минуты ты станешь спутницей моей жизни, моей милой подругой. Одним словом, ты станешь моей женой.

— Твоей женой, дорогой мой брат! Увы, это невозможно. Разве мыслимо посадить на королевский трон такую уродину, как я? А когда начнут надо мною смеяться не только твои собственные подданные, но и все соседние короли — как заставишь ты их замолчать? Да и я сама — как покажусь я хотя бы на празднествах, посвященных твоему возвращению? Нет, друг мой, любимый брат мой — позволь мне жить возле тебя, возле нашей милой матушки, но одиноко, в безвестности. Я буду носить густую вуаль, и пусть никто не увидит моего лица, пусть никто не бросит тебе упрека, что друзей можно выбрать и покрасивее.

Словом, принц Мервей настаивал долго, настаивал неистово. Виолетта держалась дружелюбно, но твердо. Ну, а Аньелла помалкивала — она, в общем-то, была непрочь, чтобы ее сын принял и эту жертву от несчастной Виолетты и позволил бы ей жить где-нибудь неподалеку, но в стороне от посторонних взглядов. Роза

плакала и тихонько шептала принцу, чтобы он решительнее настаивал на своем.

— Виолетта,— сказал, наконец, принц Мервей,— раз ты отказываешься разделить со мною трон, я отказываюсь и от этого трона, и от своей королевской власти. Я буду жить, как и раньше, возле тебя, в уединении и счастье. Потому что без тебя власть будет для меня слишком тяжкой ношей, а с тобою и наша маленькая ферма покажется мне раем. Скажи, Виолетта, ты ведь тоже хочешь, чтобы было так?

— Ты, кажется, убедил меня, мой милый брат... Да, давай жить и дальше на нашей Лесной Усадьбе, как жили мы там много лет. Мы сумеем довольствоваться немногим, нашим счастьем станет наша взаимная привязанность, не правда ли?

— Благородный принц! Прелест... гм, достопочтенная принцесса! — сказала Фея.— Вы непременно будете вознаграждены за вашу взаимную симпатию, столь беззаветную и столь редкую, особенно в наше время. Принц, в том колодце, куда я вас поместила во время пожара, осталось одно сокровище, весьма для вас полезное. Оно может очень пригодиться вам с Виолеттой. Так что спуститесь-ка в колодец еще разок, хорошенько там поищите, а найденное принесите сюда. Я объясню, что там ценного.

Принц не заставил повторять себе дважды. Он побежал к колодцу. Лестница была еще там, и он проворно спустился вниз. На дне он сначала ничего не разглядел, кроме того ковра, который ему так понравился в первое посещение. Он осмотрел стенки колодца, но следов какого-нибудь клада не обнаружил. Тогда он догадался поднять ковер — и действительно, под

ним оказался камень с приделанным к нему железным кольцом. Он потянул за кольцо, и камень без труда пошел вверх. Под ним оказался маленький ларец, засверкавший, словно целая пригоршня звезд.

— Вот оно, сокровище Феи,— сказал он про себя.

Он схватил ларчик руками, и тот поддался легко, словно весил не больше ореховой скорлупки. Принц, не мешкая, поднялся наверх, бережно поддерживая свою находку.

Его возвращения все ждали с большим нетерпением. Он тут же передал ларец Фее. Аньелла, между тем, его узнала и воскликнула:

— Это тот самый сундучок, что вы мне давали на сохранение, мадам! А я-то думала, что он сгорел во время пожара.

— Да, это он и есть,— подтвердила Фея.— А вот и ключик, мой принц, откройте-ка крышку.

Принц Мервей поспешно отпер замочек. Как же все опешили, когда вместо ожидаемых бесценных сокровищ из сундучка извлекли всего-навсего два браслетика, которые были на Виолетте в тот день, когда Медвежонок обнаружил ее спящей в лесу. И невзрачный маленький флакончик.

Фея оглядывала всех по очереди и хохотала от души. Потом она взяла браслеты и передала их Виолетте.

— Это тебе свадебный подарок от меня, дорогое дитя. У камней, вставленных в эти браслеты, есть полезные свойства — они предохраняют от беды носящего их человека. Кроме того, они наделяют своего хозяина всеми добродетелями, всеми богатствами, которых тот пожелает. А если он впридачу пожелает еще и красоты, ума и счастья — то возможно и это. Отдай

эти браслеты детям, которые родятся от твоего союза с принцем Мервеем.

Потом она взяла в руки флакон.

— Флакончик с душистым маслом — это тебе свадебный подарок от кузена. Ты ведь так любишь всевозможные духи, так вот, у этих действие совершенно особенное. Пустите-ка их в дело прямо сегодня, друзья мои! А завтра я заеду за вами обоими, чтобы отвезти вас в ваше королевство.

— Я от этого королевства отрекся, мадам,— запротестовал принц.— Мы с Виолеттой решили, что остаемся жить здесь, в Лесной Усадьбе.

— Простите, сын мой, а кто же тогда будет управлять вашим королевством? — осведомилась королева Амата.

— Вы и будете, матушка, если только вам будет угодно принять на себя эти обязанности,— ответил принц.

Королева уже открыла рот, чтобы с негодованием отказаться от короны, которую предлагал ей сын, но Фея-Забавница вовремя вмешалась:

— У нас еще будет время поговорить об этом завтра,— сказала она,— пока что, мадам, не торопитесь принимать корону, от которой вы только что хотели наотрез отказаться,— да, да, мадам! Не смейте ее принимать до моего возвращения.

— А вы, мой дорогой, мой очаровательный принц,— добавила она со вздохом, сопроводив свое обращение красноречивым взглядом,— вы уж, пожалуйста, до моего возвращения не разбрасывайтесь коронами. Итак, до завтра, друзья мои! Когда станете счастливы, не забывайте вашу приятельницу, Фею-Забавницу.

Она забралась в свой экипаж. Жаворонки про-

ворно вспорхнули, и через миг Фея исчезла, оставив за собой облако восхитительного цветочного аромата.

XIII

Награда

Принц посмотрел на Виолетту, отвел глаза и вздохнул. Потом Виолетта посмотрела на принца — и улыбнулась.

— Какой ты красивый, дорогой кузен! И как я счастлива, что вернула тебе красоту! Попробую-ка я смочить руки из этого флакона. Раз уж у меня нет красивой внешности, я хочу, по крайней мере, красиво пахнуть,— закончила она со смехом.

Она вытащила из флакона пробку и попросила Мервея подушить ей лоб и лицо. У принца на душе было тяжело, и просьбу Виолетты он исполнил молча. Но как только душистое масло коснулось лба девушки, принц с изумлением увидел, что в местах, смоченных маслом, шерсть исчезает, а кожа становится белой и тонкой, как прежде!

Увидев, какими удивительными свойствами обладает это приятно пахнущее масло, принц Мервей и Виолетта закричали от радости. Потом они бросились к королеве и верной служанке Розе и продемонстрировали обеим благодетельное воздействие подарка Феи: от восторга они чуть было не опрокинули флакон. В восторг пришли и обе наши дамы. Да ведь и сам принц Мервей с трудом верил собственным глазам. Теперь, стало быть, ничто не мешало его женитьбе на Виолетте, на его доброй, любящей, нежной Виолетте, которую

судьба создала словно для того, чтобы сделать его счастливым.

А королева? Королева думала о завтрашнем дне — о том, как она вернется в свое королевство, покинутое ею двадцать лет тому назад. Ей очень хотелось, чтобы ее сын, и Виолетта, и сама она предстали на этой ответственной церемонии в приличных костюмах. Но увы, у них не было ни времени, ни денег, чтобы обзавестись подобающей одеждой. Приходилось, стало быть, отправляться на празднество в поношенных крестьянских одеяниях из грубого сукна, и в этом неприглядном виде явиться перед населением даже не одного, а сразу двух королевств! Правда, Виолетте и Мервею озабоченность матери казалась несколько смешной.

— Не кажется ли вам, матушка, что наш славный Мервей выглядит вполне достойно уже от того, что он так хорош собой, и никакая одежда не может его сделать ни более красивым, ни более обаятельным? — спросила Виолетта.

— И не находите ли вы, матушка, что красота Виолетты является для нее самым удивительным изо всех возможных платьев? И что блеск глаз украшает ее куда лучше, чем блеск бриллиантов? И что белизна ее зубок ярче белизны самых красивых жемчужин, а светлые кудри украшают ее куда лучше, нежели алмазная диадема? — спросил принц Мервей.

— Все это, конечно, так, милые мои дети,— отвечала королева.— Вы красивая и приятная пара, спору нет. Но если вы немного приоденетесь, это вовсе не помешает делу. Пара безделушек, кусочек кружева, ткань побогаче — все это еще не испортило ничьей красоты. И я, как женщина уже в летах...

— Вы очень хорошо выглядите,— энергично вмешалась Роза.— Вы все еще красивы и привлекательны, мадам, хотя и носите крестьянский колпак, юбку из красного сукна, жилетку из полосатого камлота и холщовую блузу. Подумать только — едва вы вернетесь в свое королевство, вы сможете купить любые платья, какие вам только понравятся, вот жизнь-то пойдет!

Вечер прошел довольно весело и без особой тревоги о будущем. Фея послала им очень вкусный ужин, а после ужина они с наслаждением в последний раз растянулись на охапках соломы. Поскольку они были изрядно утомлены событиями дня, то заснули так глубоко, что уже день давно стоял на дворе, и Фея битый час трясла каждого из них за плечи — а они все спали.

Наконец, Фея решила кашлянуть особым волшебным кашлем, который она пускала в ход лишь в очень редких случаях. «Кхе-кхе!» — деликатно сказала она, и принц Мервей тут же вскочил с соломенного тюфяка. Поняв, что проспал, он тут же бросился к ногам Феи-Забавницы так пылко, что Фея от души его простила, а заодно уж и всех остальных. Тут к ногам Феи упала Виолетта и так же горячо принялась благодарить за все, за все.

— Я нисколько не сомневаюсь в вашей признательности,— сказала им Фея.— Но долго слушать комплименты я сегодня, право же, не могу. У меня масса дел. Во-первых, меня с нетерпением ждут во владениях короля Бенина — я должна там присутствовать при рождении третьего сына принцессы Блондины. Ведь этот мальчик через много лет станет мужем вашей старшей дочери, принц Мервей, поэтому мне крайне важно наделить его достаточным

количеством хороших качеств, иначе ваша дочь не сможет его полюбить. Так что давайте-ка я отвезу вас в ваше королевство, а сама полечу по делам. А попозже я снова загляну к вам,— должна же я присутствовать на вашей свадьбе!

— Королева,— обратилась она затем к Амате, которая только что приоткрыла глаза (видимо, волшебный кашель действовал на нее гораздо слабее).— Мы срочно едем в королевство вашего сына. Готовы ли вы? Готова ли ваша верная Роза?

— Мадам,— отвечала королева после некоторого замешательства,— мадам, мы готовы следовать за вами, но не придется ли вам краснеть за наши туалеты, столь мало соответствующие нашим должностям?

— Краснеть-то придется не мне,— с улыбкой поправила ее Фея,— краснеть, в случае чего, будете вы. Но я могу пособить вашему горю.

С этими словами она очертила своей волшебной палочкой круг возле головы королевы, и та в ту же секунду оказалась одетой в платье из золотой парчи. На голове у нее оказалась шляпа с перьями, прихваченными скромной атласной лентой с маленькими бриллиантами, а на ногах — синие бархатные туфли, расшитые золотыми нитями.

Королева оглядела свой наряд с явным удовольствием.

— Да, а как же Виолетта? — тут же спохватилась она.— И как же мой сын? Я полагаю, их тоже следовало бы немного приодеть.

— Виолетта меня пока что об этом не просила, и ваш сын тоже. Я должна считаться с их пожеланиями, не так ли? Скажите, Виолетта, вы хотели бы надеть платье получше?

— Мадам,— отвечала Виолетта, опуская глаза и краснея,— я была счастлива в этом простом холщовом платье, в нем меня полюбил мой названный брат. Не сердитесь, но я хотела бы носить его как можно дольше, а сносив, сохранить навсегда, на память о счастливых годах моей юности.

Принц говорить не стал, он благодарно сжал руку Виолетты.

Фея одобрила слова девушки дружеским кивком, подозвала свой экипаж, ожидавший неподалеку, поднялась в него, усадила рядом с собой королеву Амату, Виолетту, принца Мервея и Розу. Меньше, чем за час жаворонки преодолели три тысячи лье, что отделяли их от королевства Мервея. Народ и придворные ожидали их на улицах и в самом дворце, поскольку были заранее извещены Феей. Завидев экипаж, народ стал кричать от радости, и эти крики сделались вдвое громче, когда экипаж остановился на Большой площади перед дворцом, и из него вышли королева Амата, которую нашли чуть постаревшей, но все еще симпатичной и милой, и принц Мервей, красивый и изящный, что еще подчеркивалось богатством его одеяния, украшенного золотом и драгоценными камнями (в последний момент Фея все-таки об этом позаботилась).

Но крики восторга стали совсем уж неистовыми, когда принц, взяв за руку Виолетту, представил ее подданным. Ее нежное, пленительное лицо, тоненькая и элегантная фигура прекрасно оттенялись костюмом, который Фея ей поменяла небрежным движением палочки перед самым выходом к народу. И теперь на Виолетте было платье из золотых кружев, причем корсаж, плечи и рукава были отделаны многочисленными изображениями

жаворонков, вышитых алмазным бисером — каждое величиной со шмеля. А на голове у нее красовалась корона из крохотных жаворонков, составленная из разноцветных драгоценных камней. Ее манеры, в которых сквозила и живость, и нежность, ее грация и красота моментально завоевали все сердца. Люди принялись кричать: «Да здравствует король Мервей! Да здравствует наша королева Виолетта!» — и от этих криков многие в толпе даже оглохли — к счастью, ненадолго.

Фея, следившая за тем, чтобы радость и веселье ничем не омрачались, по просьбе Виолетты тут же вылечила всех больных. А потом для народа и придворных было выставлено угощение. Миллион триста сорок шесть тысяч сто двадцать два человека пообедали за счет Феи, и каждый еще отнес домой провизии на целую неделю. В разгаре пира Фея отбыла в вотчину короля Бенина, пообещав, что непременно вернется ко дню свадьбы Мервея и Виолетты. Все восемь дней, пока она была в отсутствии, Мервей, видевший, что его мать несколько грустна — ведь она осталась не у дел, — стал просить ее принять под свое начало королевство Виолетты. Он просил столь горячо, что Амата согласилась им управлять — правда, при условии, чтобы король Мервей и королева Виолетта каждый год гостили у нее не меньше трех месяцев.

Но перед тем, как разлучиться со своими милыми детьми, королева Амата захотела непременно присутствовать на их свадьбе. На эту свадьбу, кроме Феи-Забавницы, съехалось множество других фей и волшебников, покровительствовавших тому или другому гостю — ведь у каждого из нас, как утверждают знающие люди, есть свой волшебник, желающий нам добра, и нам, чтобы правильно прожить жизнь, нужно

всячески к нему прислушиваться — ну и, конечно, помогать ему изо всех сил, ему ведь тоже нелегко возиться с нами и терпеть наши глупости!

На свадьбе все волшебники получили на память великолепные подарки и остались так довольны оказанным приемом, что пообещали и впредь являться к Мервею и Виолетте по первому зову. Но их старались не беспокоить по пустякам, и снова пригласили только два года спустя, чтобы отпраздновать рождение первого ребенка супругов: Виолетта родила на свет прелестную дочку, которая, подобно отцу и матери, выросла чудом красоты и доброты.

Но обещание, которое Мервей и Виолетта дали своей матери, они выполнить так и не смогли. Дело в том, что один пожилой волшебник, присутствовавший на свадьбе, нашел, что королева Амата — добрая и красивая женщина. Словом, он ее полюбил. Когда она поселилась в своем новом королевстве, он частенько наведывался к ней в гости, а когда увидел, что королева тоже относится к нему с определенной симпатией, он в один прекрасный день взял да и похитил ее, наслав на королевство смерч. Амата немножко поплакала, но поскольку и она тоже полюбила своего похитителя, то быстро утешилась и согласилась выйти за него замуж. На свадьбу начальник всех волшебников подарил ей право на все привилегии, которыми пользовался ее муж: теперь Амата становилась бессмертной, могла жить, не старея, и, кроме того, во мгновение ока переноситься в любое место, куда она хотела попасть.

Эту последнюю возможность она стала использовать очень часто, чтобы повидать сына и внучат. А внучат становилось все больше и больше — всего у

Мервея с Виолеттой родилось восемь сыновей и четыре дочери, и все двенадцать — совершенно очаровательные ребятишки. Они, конечно же, будут счастливы — ведь они так любят друг друга! А нестареющая бабушка, которая, ходят слухи, несколько их балует, передает им через приемного деда, волшебника Доброхота, все, что им только нужно для полного счастья.

Роза, которая была так нежно привязана к королеве Амате, последовала за ней в ее новое королевство, но потом, когда прилетел смерч и похитил королеву, о Розе все забыли. Она так загрустила после исчезновения хозяйки, что попросила Фею-Забавницу отнести ее к Мервею и Виолетте. Там она и осталась, чтобы нянчить малышей, которым она часто рассказывает разные сказки о приключениях мохнатого Медвежонка и маленькой принцессы Виолетты. Амата часто зовет ее обратно, но Роза непреклонна.

— Нет уж, увольте,— обычно отвечает она.— Вы позабыли обо мне однажды, позабудете и еще раз. А здесь я живу с моими дорогими ребятками, они никогда не забудут о своей старенькой няне. Я их люблю, с ними мне и оставаться. Они тоже меня любят и, в случае чего, сумеют обо мне позаботиться.

Вы, наверное, спросите, что стало с фермером, управляющим и кузнецом, которые обошлись с Медвежонком с такой жестокостью? Их Фея-Забавница наказала без всякого снисхождения.

Фермера, всего через несколько часов после того, как он прогнал Медвежонка, сожрал вышедший из леса медведь.

Управляющий был тут же уволен своим хозяином за то, что, спустив с поводка собак, он больше

так и не смог их разыскать. Но этого мало: в ту же ночь его укусила ядовитая змея, и к утру он умер.

А с кузнецом случилось вот что: когда он вышел из себя и стал ругать своих рабочих последними словами, они схватили его и, недолго думая, швырнули прямо в пылающий горн, где он через несколько мгновений испустил дух и сгорел без остатка.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАФИНЯ ДЕ СЕГЮР
И ЕЕ НОВЫЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

5

ИСТОРИЯ
О ДЕВОЧКЕ БЛОНДИНЕ,
О БЕЛОЙ ЛАНИ
И КОТЕ-МУРЛЫКЕ

11

МАЛЫШ АНРИ

55

ИСТОРИЯ
ПРИНЦЕССЫ РОЗЕТТЫ

79

СЕРАЯ МЫШЬ

111

МЕДВЕЖОНОК

139

Де Сегюр (С. Ф. Ростопчина)
С28 Новые волшебные сказки: сказки / Пер. с фр. — СПб., Санкт-Петербургский комитет Союза литераторов России, ЭТС «Экслибрис», 1992.— 224 с.

ISBN 5-85490-057-2

Теперь многие, из уехавших в разные годы и по разным причинам на Запад, возвращаются в Россию. Спустя полтора века возвращается к нам и Софья Федоровна Ростопчина — де Сегюр, дочь русского графа, жена французского дипломата, чьи сказки известны не только во Франции, но и далеко за ее пределами. Пришло время познакомиться с ними и русским детям.

Пусть, вернувшись на Родину вместе с этой книжкой, сказочница Ростопчина войдет в каждый дом, станет новым добрым другом всем нашим девочкам и мальчикам.

84.4Фр.

Литературно-художественное издание

Де Сегюр (С. Ф. Ростопчина)

НОВЫЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Сборник сказок

Художник *К. Ю. Швец*
Технический редактор *Е. Е. Щеглова*
Корректор *Л. Н. Выгодская*

Сдано в набор 26.02.92. Подписано в печать 12.08.92. Формат 70x100/32 Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,03. Уч.-изд. л. 8,95. Тираж 100000 экз. Изд. № 24.

Заказ 2—108. Цена договорная.

Санкт-Петербургский комитет Союза литераторов России, ЭТС «Экслибрис»
191023, Санкт-Петербург, Апраксин двор, к. 20.

Книжная фабрика «Жовтень».
254655, ГСП, Киев-53, ул. Артема, 25.